

Вестник



МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

*РУССКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ*



№ 1 / 2012

Вестник
Московского государственного областного университета
Серия «РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»

№ 1

Выходит 6 раз в год

2012

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник МГОУ» (все его серии) включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии (См.: Список журналов в редакции от 27.10. 2010 г. на сайте ВАК) по наукам, соответствующим названию серии.

Учредитель журнала:

Московский государственный областной университет

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik.mgou.ru)

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник МГОУ»**

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik.mgou.ru

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission into the List of the leading reviewed academic journals and periodicals, in which the basic research results of Ph.D. and Doctorate's academic degree thesis should be published (See: the List of journals edited 27.10. 2010 at the site of the Supreme Certifying Commission) in corresponding series.

The founder of journal:

The Moscow State Regional University

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik.mgou.ru)

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University
10a Radio st., office 98
Moscow, Russia
Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Site: www.vestnik.mgou.ru

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

№ 1

Issued 6 times a year

2012

Series «RUSSIAN PHILOLOGY»

Bulletin of the
Moscow State Regional University

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»
Publishing council «Bulletin of the MSRU»

Хроменков П.Н. – к.филол.н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)
Левченко М.Н. – д.филол.н., проф., проректор по научной работе МГОУ (зам. председателя совета)
Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., нач. отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ»
Асмолов А.Г. – академик РАО, д.психол.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Белозёров В.Е. – д.ф-м.н., проф. Днепропетровского национального университета (Украина)
Боголюбов Л.Н. – академик РАО, д.пед.н., проф.
Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ
Затулин К.Ф. – директор Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ)
Коничев А.С. – д.б.н., проф. МГОУ
Лекант П.А. – д.филол.н., проф. МГОУ
Марченко М.Н. – д.ю.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Нелюбин Л.Л. – д.филол.н., профессор МГОУ
Ницевич В.Ф. – д.пол.н., проф., ректор Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Пасечник В.В. – д.пед.н., проф. МГОУ
Поляков Ю.М. – к. филол. н., гл.ред. «Литературной газеты»
Пусько В.С. – д.ф.н., проф. МГТУ им. Н.Э. Баумана
Трайтак С.Д. – к.ф-м.н., проф. МГТУ им. М.Л. Шолохова
Троиц К. Г. – доктор, проф. Кобленц-Ландау Университета (Германия)
Ху Гумин – д.филол.н., проф. Института иностранных языков Уханьского университета (Китай)

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of the MSRU (*Chairman of the Council*)
M.N. Levchenko – Ph. D. in Philology, Professor, Vice-Principal for scientific work of the MSRU (*Deputy Chairman of the Council*)
A.V. Abramov – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, the Head of the editorial department of the Bulletin of the Moscow State Regional University
A.G. Asmolov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor of Moscow State University
B.E. Belozherov – Doctor of Physics and Mathematics, Professor of Dnepropetrovsk National University (Ukraine)
L.N. Bogolubov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogics, Professor
V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of the MSRU
K.F. Zatulyn – the Head of Institute for Diaspora and Integration (Institute of the CIS Countries)
A.S. Konichev – Doctor of Biology, Professor of the MSRU
P.A. Lekant – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
M.N. Marchenko – Doctor of Law, Professor of Moscow State University
L.L. Nelyubin – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
V. F. Nitsech – Doctor of Politics, Professor, the Principal of the Oryol Branch Russian Academy of National Economy and Public Administration
V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor of the MSRU
Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"
V.S. Pus'ko – Doctor of Philosophy, Professor of the Bauman Moscow State Technical University
S.D. Traytak – Ph.D. in Physics and Mathematics, Professor of the Sholokhov Moscow State University for the humanities
Klaus G. Troitzsch – Doctor, Professor of Koblenz-Landau University (Germany)
Hu Gumin – Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages of Uxhan University (China)

Редакционная коллегия серии «Русская филология»
Series editorial board «Russian philology»

Отв. ред. серии: **Лекант П.А.**, д. филол. н., проф.,
зам. отв. ред.: **Шаповалова Т.Е.**, д. филол. н., проф.
Члены ред. коллегии серии:
Алексеева Л.Ф., д. филол. н., проф.; **Аношкина В.Н.** д. филол. н., проф.; **Копосов Л.Ф.**, д. филол. н., проф.; **Леденева В.В.**, д. филол. н., проф.; **Моторин А.В.** д. филол. н., проф. (НГУ им. Ярослава Мудрого, Новгород); **Нагорный И.А.**, д. филол. н., проф. (БГУ, Белгород); **Петров А.В.** д. филол. н., доц. (ПГУ им. М.В. Ломоносова, Архангельск); **Гладров В.**, д., проф. (Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия); **Гржибкова Р.**, д. (Карлов университет, Чехия); **Шеншина В.А.**, лектор Хельсинского университета (Финляндия)

Editor-in-chief - **P.A. Lekant**, Doctor of Philology, Professor
Deputy editor-in-chief - **T.Ye. Shapovalova**, Doctor of Philology, Professor
Members of Editorial Board: **L.F. Alexeyeva**, Doctor of Philology, Professor; **V.N. Anoshkina**, Doctor of Philology, Professor; **L.F. Koposov**, Doctor of Philology, Professor; **V.V. Ledeneva**, Doctor of Philology, Professor; **A.V. Motorin**, Doctor of Philology, Professor (Yaroslav Mudry Novgorod State University); **I.A. Nagorny**, Doctor of Philology, Professor (Belgorod State University); **A.V. Petrov**, Doctor of Philology, Associate Professor (Pomorsky State University, Arkhangelsk); **V. Gladrov**, Doctor of Philology, Professor (Humboldt University of Berlin, Germany); **R. Grzhibkova**, Doctor (Charles University, Czech Republic); **V.A. Shenshina** Lecturer of Helsinki University (Finland)

ISSN 2072-8522

Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2012. – № 1. – М.: Изд-во МГОУ. – 122 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26173.

Индекс серии «Русская филология»
по каталогу агентства «Роспечать» **36761**

ISSN 2072-8522

Bulletin of the MSRU. Series «Russian Philology». – 2012. – № 1. – М.: MSRU Publishing house. – 122 p.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-26173.

Index series « Russian Philology » under
"Rospechat" agency catalog **36761**

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>Акимова О. Б., Гоголина Т. В.</i> Психолингвистический эксперимент как метод изучения коммуникем в речевой деятельности.....	6
<i>Иосилевич Н. В.</i> Субъективация как процесс развития эго-категории в русском языке..	13
<i>Коренева Ю. В.</i> Подвиг в языке и тексте (жития преподобных старцев)	18
<i>Цынк С. В.</i> Собственно лексические архаизмы в произведении А.И. Солженицына «Двести лет вместе».....	24

Публикации аспирантов

<i>Арименова Р. С.</i> Семантика и родо-видовые отношения «Названий животных» (на материале монгольских и русского языков).....	31
<i>Веденеева М. А.</i> Конфикс и конфиксоид как особые словообразовательные форманты приставочно-суффиксального и сложноссуффиксального способов словообразования	38
<i>Зубарева Г. С.</i> Ценностная составляющая концепта «скупость» в русской лингвокультуре (на материале произведений художественной литературы).....	44
<i>Кваша Ю. А.</i> Аспекты изучения региональной лексики (на материале документов государственного архива Магаданской области)	48
<i>Лежнева О. В.</i> К вопросу об использовании фразеологических единиц сниженного характера (на материале романа Энн Тайлер «Обед в ресторане “Тоска по дому”»).....	53
<i>Летова А. М.</i> Роль вегетативной метафоры в фольклорной языковой картине мира.....	58
<i>Напалкова С. В.</i> Особенности семантической структуры лексемы <i>глагол</i> в древнерусском и великорусском языках, выявленные методом компонентного анализа ..	65
<i>Рахимова Д. И.</i> Оппозиция «белый – чёрный» в романе В. Набокова «Защита Лужина» ...	70
<i>Свиридова Е. А.</i> Изменение стилистических свойств лексических единиц	73

ЛИТЕРАТУРА

<i>Алпатова Т. А.</i> Тредиаковский и Карамзин (пути развития русской прозы XVIII века)	79
<i>Шестопалова Г. А.</i> Афоризмы М.В. Ломоносова в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина. К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова	84

Публикации аспирантов

<i>Белова А. О.</i> Игра как основной мотив и сюжетобразующий приём в повести Ф.Х. Бернетт «Маленькая принцесса. Приключения Сары Кру»	90
<i>Гольман Ю. И.</i> Особенности психологизма в рассказе Л.Н. Андреева «Большой шлем»	96
<i>Захарова Е. В.</i> Художественные особенности поэмы С.А. Есенина «Сельский часослов»	102

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О работе диссертационного совета Д 212.155.02 по русскому языку, теории и методике обучения русскому языку (специальности 10.02.01 – русский язык, 13.00.02 – теория и методика обучения и воспитания [русский язык]) при Московском государственном областном университете в 2011 году108

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на сборник научных статей «Русистика и компаративистика» (Вып. 5. Московский городской педагогический университет – Вильнюсский педагогический университет)112

Рецензия на коллективную монографию «Аналитизм в лексико-грамматической системе русского языка» / Под ред. П.А. Леканта. – М.: МГОУ, 2011. – 162 с.114

НАШИ АВТОРЫ118

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE

O. Akimova, T. Gogolina. Psycholinguistic Experiment as a Method of Examining “Communicams” (Undivided Sentences without Notional Semantics) in Speaking	6
N. Iosilevich. Subjectification as a Development of Ego-Category in Russian	13
Y. Koreneva. The Feat in Language and Hagiografic Text	18
S. Tsynk. Proper Archaic Words in «Two Hundred Years Together» by Aleksandr Solzhenitsyn	24

Publications of post-graduate students

R. Arimenova. Semantics and Genus-Specific Relations of “Animal Names” (Based on the Mongolian and Russian Languages)	31
M. Vedeneyeva. Confix and Confixoid as Special Derivational Formants of Prefix-Suffixal and Compound-Suffixal Ways of Word-Formation	38
G. Zubareva. Value Component of the Concept «Stinginess» in the Russian Linguoculture (on the Basis of Works of Fiction)	44
Y. Kvasha. Aspects of the Analysis of Regional Vocabulary (Based on the Materials of State Archives of Magadan Region)	48
O. Lezhneva. On the Use of Colloquial Phraseological Items (Based on the Novel by Anne Tyler “The Dinner at the Homesick Restaurant”)	53
A. Letova. The Role of the Vegetative Metaphor in Folkloric Linguistic Picture of the World	58
S. Napalkova. Features of the Semantic Structure of the Word ‘Тлагол’ in the Old Russian and Great Russian Language, Identified by the Component Analysis	65
D. Rahimova. Opposition “White - Black” in the Novel “The Luzhin Defence” by V. Nabokov	70
E. Sviridova. Change of Stylistic Properties of Lexical Units	73

LITERATURE

T. Alpatova. Trediakovsky and Karamzin (Ways of the Russian Prose in 18 th Century)	79
G. Shestopalova. M. Lomonosov’s Aphorisms in the Works of M. Saltykov-Shchedrin on 300 th Anniversary of V. Lomonosov	84

Publications of post-graduate students

A. Belova. Play as the Main Motif and a Plot-Weaving Device in F. H. Burnett’s Story «A Little Princess»	90
Y. Golman. Psychologism in Narrative «Bolshoy Shlem» by L. Andreev	96
E. Zakharova. Art Features of Poem “Selskiy Chasoslov” by S. Yesenin	102

THE SCIENTIFIC LIFE

On the Dissertation Council D 212.155.02 of the Russian Language, Theory and Methodology of Teaching Russian (Specialty 10.02.01 – The Russian Language, 13.00.02 – Theory and methodology of Teaching and Education [Russian]) in Moscow State Regional Univerisy in 2011	108
--	-----

REVIEW

Review of the Collection of Scientific Articles «Russian Studies and Comparative Studies» (Issue 5. Moscow City Pedagogical University – Vilnius Pedagogical University)	112
Review of the Collective Monograph “Analytical Approach to the Lexical and Grammatical System of the Russian Language” / Edited By P. Lekant.	114

OUR AUTHORS	118
--------------------------	-----

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 159

Акимова О. Б.

*Российский государственный профессионально-педагогический университет
(г. Екатеринбург)*

Гоголина Т. В.

Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ КОММУНИКЕМ В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О. Akimova,

Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg)

T. Gogolina

Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg)

PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENT AS A METHOD OF EXAMINING “COMMUNICAMS” (UNDIVIDED SENTENCES WITHOUT NOTIONAL SEMANTICS) IN SPEAKING

Аннотация. Психолингвистический эксперимент можно отнести к наиболее перспективным методам изучения различных грамматических явлений, в том числе и коммуникем. Статья посвящена рассмотрению данного языкового феномена как одного из элементов разговорной речи. В ходе проведенного нами и представленного в статье психолингвистического эксперимента 1) выявлено, что состав коммуникем не является «закрытым», постоянно пополняется по моделям, закреплённым в языке; 2) определены актуальные для говорящих смыслы и личностные проекции значения коммуникем с семантикой неуверенности/ несогласия, отражающие их психологическую реальность в сознании носителей языка.

Ключевые слова: психолингвистический эксперимент, разговорная речь, коммуникема.

Abstract. Psycholinguistic experiment can be referred to as the most promising methods of studying different grammar phenomena including “communicams”. The article is devoted to considering this language phenomenon as one of the elements of spoken language. In the process of our psycholinguistic experiment firstly we revealed that the composition of communicams is not “closed”, it is constantly developing according to the models usual for the language, then we defined the senses actual for communicants and the personal perspectives of the meaning of those communicams that have the semantics of uncertainty/disagreement reflecting the psychological reality in the consciousness of the language speakers.

Key words: psycholinguistic experiment, spoken language, communicams.

Актуальность изучения грамматических явлений в психолингвистическом аспекте обусловлена общими тенденциями развития лингвистики, связанными с антропоцентрической

парадигмой изучения языка. В современных условиях проблема «человек и язык» приобретает всё более актуальный характер, поскольку находится в основе решения не только собственно лингвистических, но и методических задач обучения русскому языку, направленных на формирование развитой языковой личности.

Исследование роли языка в познавательной деятельности и мышлении, соотношения мышления и языка, языковой семантики и знаний о мире позволяют описать язык как отображение картины мира (совокупность мировоззренческих знаний; совокупность предметного содержания, которым обладает человек). Объектом нашего рассмотрения являются коммуникемы, функционирующие в диалогических единствах разговорной речи в качестве реплик-реакций, т. е. их употребление в речевой деятельности. Цель рассмотрения данного материала в процессе обучения состоит в том, чтобы расширить представления студентов о типах грамматических конструкций и возможностях их изучения психолингвистическими методами.

В соответствии с поставленной целью предполагается обобщить имеющиеся у студентов теоретические сведения по экспериментальным методам исследования грамматических явлений, полученных в основных курсах психолингвистики и синтаксиса; подробно познакомить студентов с методикой проведения одного из видов психолингвистического эксперимента на грамматическом материале; выработать у студентов практические умения анализировать функционирование конкретных языковых единиц в речевой практике; сформировать навыки проведения подобных экспериментов с целью изучения грамматического языкового материала.

Студентам необходимо чётко ориентироваться в теоретических проблемах грамматики, определяемых современным уровнем разработки данной области научного знания в психолингвистическом аспекте, уметь практически использовать знания, полученные в курсах синтаксиса и психолингвисти-

ки при анализе конкретного языкового материала.

Под коммуникемой мы, вслед за В.Ю. Меликяном, понимаем «коммуникативную непредикативную единицу синтаксиса, представляющую собой слово или сочетание слов, грамматически нечленимую, характеризующуюся наличием модусной пропозиции, нерасчленённо выражающую определённое непонятийное смысловое содержание, не воспроизводящую структурных схем предложения и не являющуюся их регулярной реализацией, лексически непроницаемую и нераспространяемую, по особым правилам сочетающуюся с другими высказываниями в тексте и выполняющую в тексте реактивную, волюнтаривную, эмоционально-оценочную, эстетическую и информативную функции» [1].

Основное значение коммуникем – это значение утверждения/ отрицания, которое может осложняться дополнительными семантическими оттенками или эмоциональной реакцией говорящего на слова собеседника. Традиционно считается, что содержание коммуникем сводится к выражению определённого значения в конкретном контексте, поэтому их коммуникативная значимость проявляется, как правило, только на фоне соответствующих предложений, составляющих речевой контекст:

– *Это я так решил!*

– *Разве?! – засомневался мой собеседник.*

В диалогических единствах ответные реплики, образованные частицами, вводно-модальными словами, междометиями и др. замещают собой целые высказывания с их семантикой и эмоциональной окраской и являются специфической формулой ответа, выражающей утверждение или отрицание говорящего в чём-либо. Подобные конструкции отличаются наличием эмоционально-семантических оттенков, обозначающихся с помощью выразительных лексических компонентов, контекста и интонации, и способствуют усилению экспрессивности определённого значения.

Одним из эффективных методов изучения языка как феномена, обуславливающего развитие и компетенцию языковой личности, является психолингвистический эксперимент, который основывается на показаниях языкового сознания респондентов. Наибольшей востребованностью в этом плане обладают **методы свободного и направленного ассоциативного эксперимента**, которые можно использовать при изучении разных уровней языковой компетенции говорящих, в том числе и грамматического. К числу таких грамматических явлений относятся и коммуникемы, которые позволяют охарактеризовать особенности межличностного общения современных носителей русского языка. Специальным предметом разработанного нами экспериментального исследования стала специфика функционирования коммуникем в разговорной речи. В качестве базового нами использовался метод направленного ассоциативного эксперимента с применением методик идентификации, дополнения и прямого толкования субъективных дефиниций. Представим психолингвистический эксперимент, исследующий коммуникемы со значением неуверенности/несогласия с применением вышеозначенных методик.

В данном эксперименте рассматриваются коммуникемы со значением неуверенности/несогласия в речи студентов.

В словаре В.Ю. Мелияна «Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи» представлен достаточно широкий круг коммуникем со значением неуверенности/несогласия и спектр выражаемых ими семантических оттенков [2].

При постановке эксперимента нами была выдвинута **гипотеза** о том, что существует стандартный набор коммуникем со значением неуверенности/несогласия, которые воспроизводимы, стандартны, стабильны, но их состав постоянно пополняется, а выбор той или иной коммуникемы обусловлен речевой ситуацией. Состав реакций на слова-стимулы соответственно опишет актуальный для говорящего набор коммуникем со значением

неуверенности /несогласия. В ходе эксперимента проявятся актуальные для говорящего смыслы предложенного слова, личностные проекции значения, что и соответствует психологической реальности значения слова в сознании носителей языка.

В качестве испытуемых выступили студенты первого и пятого курса факультета русского языка и литературы и студенты второго курсов географо-биологического факультета Уральского государственного педагогического университета.

Для проведения эксперимента были подготовлены анкеты, которые включали в себя следующие задания: 1) замените слова в предлагаемых ответных репликах-реакциях на синонимичные (близкие по смыслу) выражения; 2) продолжите ряд выражений, имеющих то же значение; 3) определите, что выражают данные фразы (испытуемым предлагается дать толкование слов, опираясь при этом на свою языковую интуицию).

Обработка а) реакций, полученных в ходе эксперимента с применением методики идентификации.

Задание № 1. Замените выражения в предлагаемых ответных репликах-реакциях на синонимичные (близкие по смыслу) выражения:

1.1. – *Его желание осуществится?*

– *Только через мой труп!*

Ядерной (по частотности) является реплика-реакция **Ни за что!** (7) [далее данная зона обозначается – ядро].

В зоне ближней периферии оказались реакции: *Когда рак на горе свистнет!* (3) и *Даже не думай!* (3) [далее – ближняя периферия].

В зоне дальней периферии представлены реакции: *Ни в коем случае!* (2) *Да, конечно!* (2) *В следующей жизни!* (2) *Фигушки!* (2) *Обойдётся!* (2) *Не дождётся!* *Никогда!* *Однозначно нет!* *Не обсуждается!* *Обрадовалась!* *С чего баня упала!? Мечтать не вредно!* *Размечталась!* *После дождика в четверг!* *Как бы не так!* *Не жирно ли!* *Ага, сейчас!* *Флаг в руки!* *С печи на полати!* *Мечтай!* *Посмотрим!* *Ни за какие коврижки!* *Конечно, нет!* *Как же ж, так же ж!* [далее – дальняя периферия].

1.2. – Будешь писать сегодня доклад?
– **Вряд ли!**

Ядро – реплика-реакция **сомневаюсь** (8)

Ближняя периферия – реакции: *Может быть*(5), *Не думаю* (3) *Наверное, нет* (3).

Дальняя периферия – реакции: *Конечно!!!* (2) *Нет уж; А смысл? Как получится! Посмотрим; Подумаю; Не-а; С ума сошла! Ещё чего! Сомнительно мне; Не знаю; Некогда; Лениво; Ой, нет, Спасибо! Ещё точно не знаю; Де-цельный вариант.*

1.3. – Завтра придёшь в институт? – **Как знать!**

Ядро – реплика-реакция **Может быть** (8)

Ближняя периферия – реакция *посмотрим* (3)

Дальняя периферия – реакции: *Возможно* (2) *Всякое может быть* (2) *Будет день – будет пицца* (2) *Утро вечера мудренее* (2) *Кто знает* (2) *Куда деться* (2) *Вряд ли; Скорее всего; Не знаю; Дожить до утра надо! Не уверена; Как покатит; Как получится; Как фишка ляжет! Если снег выпадет! Конэшню! Уже бегу! Одному Богу известно!*

1.4. – Пойдешь с нами в кино? – **Вот ещё!**

Ядро – реплика-реакция **Нет** (8)

Ближняя периферия – реакция *Да ну!* (2)

Дальняя периферия – реакции: *Ни за что! Ага, Конечно! Ну да! Мне некогда! Конечно, нет; Чушь! Сейчас же! Чепуха! Уже бегу! В казино! Сейчас, ага! Больно надо! Разбежалась! Чего??? Не дождёшься! Не хочу! Я занята! Щаз! Два раза! Завтра! Бегу – запинаясь! Я с дуба, что ли, упала?! Какое мне кино! О чём вы говорите?! Ни разу!*

1.5. – Я не пойду в школу!

– **Неужели! Марш собираться!**

Ядро – реплика-реакция **Да что ты!** (7)

Ближняя периферия – реакция *Конечно!* (3)

Дальняя периферия – реакции: *Сейчас же!* (2) *Да ну!* (2) *Неужто!* (2) *Не обсуждается!* (2) *Да что ты говоришь!* (2) *Куда денешься!* (2) *Пеняй на себя!* (2) *Ни в коем случае! Вперёд! Бегом! Серьёзно?! Надо же! Вот ещё! Посмотрим! Правда, что ли! Как бы не так! Руки в ноги! Хвост морковкой и вперёд! Не ломайся! Нашим легче! Собралась, пока спичка горит!*

Шевели отростками! Куда ты денешься с подводной лодки! Я так не думаю!

Задание №2. Продолжите ряд выражений, имеющих то же значение:

2.1. **Вряд ли!**

Ядро – реплика-реакция **Едва ли** (6)

Ближняя периферия – реакция *может быть* (3)

Дальняя периферия – реакции: *Возможно!*(2) *Сомневаюсь* (2) *Неоднозначно; Скорее нет; Ну да, Конечно! Посмотрим; Сомнительно; Фиг знает; Не-а; Иди ты! Не уверена; Не знаю; Навряд ли; Очень сомневаюсь; Скорее всего нет; Этого никогда не будет; Наверное.*

2.2. **Бог знает!**

Ядро – реплика-реакция **Кто знает!** (7)

Ближняя периферия – реакция *Чёрт его знает!* (3) *А кто его знает!* (3)

Дальняя периферия – реакции: *Неизвестно* (2) *Фиг его знает* (2) *Грех его знает; Не знаю точно; Я не знаю; Этого никто не знает; Не знаю; Аллах и Будда тоже догадываются.*

2.3. **Ещё чего скажешь [придумаешь]!**

Ядро – реплика-реакция **Ещё что!** (2)

Что за глупости говоришь! (2)

Дальняя периферия – единичные реакции: *Не бреши! Напряги мозги! Чё несёшь-то?! Ну и чепуха! Не гони! Ага, я тебе верю, конечно! Я тебе, конечно, верю. Ну-ну! Чё-ё-ё! Ну ты дал! Не вешай лапшу на уши! Ну и что! Ну ты и сказал! Ну ещё чего придумаешь!? Не чеши! Не сочиняй! Собирай дальше! Заметим, что малое число повторяющихся реакций на заданный стимул, образующее зону ядра – всего по 2 реакции, не позволяет ранжировать другие полученные реакции по зонам ближней и дальней периферии. Соответственно, следуя традиции, мы относим единичные реакции к зоне дальней периферии.*

2.4. **Не приведи [дай] Господь (-и) [Бог]!**

Ядро – реплики-реакции: **Боже упаси!** (5) **Только не это!** (5)

Ближняя периферия – реакция *Не дай Бог!* (2)

Дальняя периферия – реакции: *Ни в коем случае! Что бы такое ещё повторилось! Пе-*

реплюнь через левое плечо! Нетушки, не дай Боже! Всё, я умру! Пронеси меня ветер! Чур не меня!

2.5. **Ни в жизнь!**

Ядро – реплика-реакция **Ни за что!** (12)

Ближняя периферия – реакция **Никогда!** (10)

Дальняя периферия – реакции: *Ещё чего не хватало! Ага, щас подпрыгну! Никогда в жизни! Ни за что на свете! Ни разу! Да никогда! Разбежалась! Только через мой труп!*

2.6. **Обойдётся!**

Ядро – реплика-реакция **Обломишься!** (4)

Ближняя периферия – реакция **Перебьёшься!** (3)

Дальняя периферия – реакции: *Иди гуляй! (2) Облезешь! Перетопчешься! Перетерпишь! Ничего не получится! Обтопчешься! Отстань – отойди! Нет, обломись! Появнь! Перетрёшься! Щас-с-с! Проветрись! Бритва! Сейчас, только инурки поглажу! Мечтай! Хрен тебе! Не дождёшься! Давай как-нибудь своими силами!*

Обработка б) реакций, полученных в ходе эксперимента с применением методики дополнения и субъективных дефиниций.

Задание №3. Продолжите ряд выражений, имеющих то же значение:

3.1. **Едва ли** (Выражение сомнения в возможности, допустимости чего-л.) [3].

Семь человек определили, что эта реплика выражает сомнение, что отражено в словаре В.Ю. Меликяна «Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи». Пять респондентов отметили, что выражение синонимично выражению *Вряд ли*, и двое привели в качестве определения выражение *Может быть*, что также зафиксировано у В.Ю. Меликяна: выражение сомнения в возможности, допустимости чего-л.

Дополнительными оттенками данной коммуникемы, не зафиксированными в словаре В.Ю. Меликяна, оказались следующие значения, выражаемые коммуникемами: *Маловероятно; Навряд ли; Может быть; Не совсем; Вероятнее, нет; Скорее всего нет; Не точно.*

Также респонденты определили, что данная реплика выражает сомнение с перевесом в отрицательную сторону и неопределённость.

3.2. **Исключено!** (Выражение категорического несогласия, отрицания, опровержения, отказа) [4].

Один респондент отметил, что данная коммуникема выражает категорический отказ / однозначный отказ, без вариантов / отказ / полное отрицание; два опрошенных указали, что выражение передаёт отрицание, что отражено в словаре В.Ю. Меликяна.

Респонденты приводили синонимичные коммуникемы в качестве толкования значения предложенных коммуникем *Исключено! Ни за что! (2) Никогда (2) Ни в коем случае! (2) Не может такого быть; точно нет; невозможно; Конечно же, нет; Ни за что на свете! Нет, нет, ещё раз нет!*

В качестве дополнительных оттенков, не зафиксированных в словаре В.Ю. Меликяна, респонденты выделили следующие значения: уверенность в невозможности, категоричность, отсутствие существования предложенного варианта для отвечающего.

3.3. **Сочиняй!** (Выражение несогласия в сочетании с неодобрением, недоверием, возмущением и т. п.) [5].

Четыре респондента в качестве определения коммуникемы привели выражение *Придумывай!* (передаёт недоверие), двое опрошенных – *Фантазируй!* (передаёт неодобрение) и двое – *Выдумывай!* (передаёт возмущение), что зафиксировано в словаре В.Ю. Меликяна.

Также испытуемые определяли значение реплики как выражение своего недоверия к говорящему (3), что также отражено в словаре.

Дополнительными оттенками значения данной коммуникемы, не зафиксированными в словаре В.Ю. Меликяна, оказались следующие: ирония; усмешка; передача нереального факта для собеседника: *Говори неправду дальше! Не выдумывай; Не говори неправды; Не верю! Придумай сам! Ври больше! Ври! Обманывай и дальше!*

Данные эксперимента показали, что испытуемые в качестве ответных реплик в большинстве случаев используют коммуникемы, хотя встречаются и членимые предложения, например: *Я так не думаю!* или *О чём вы говорите?!*, но использование таких конструкций ограничено.

Таким образом, выдвинутая нами экспериментальная гипотеза подтвердилась: состав коммуникем не является «закрытым» (раз и навсегда заданным) и постоянно пополняется. В ходе эксперимента с применением методики дополнения и прямого толкования (субъективных дефиниций) проявились актуальные для говорящих смыслы предложенных слов и выражений со значением неуверенности/ несогласия, личностные проекции значения, что соответствует психологической реальности значения слова в сознании носителей языка. Мы установили, что пополнение коммуникем происходит по моделям, закреплённым в языке и проанализированным, в частности, в работах В.Ю. Меликяна. Например, коммуникемы, в основе которых – номинативная форма: *Вилы! Бритва! Труба! Чепушина! Бесперспективняк! Децельный вариант*; коммуникемы, созданные на базе глагольных форм: *Обойдётся, Перебьётся, Обрадовалась, Разметалась; Облезешь* и др.

Обычно носители языка чувствуют тонкие грани оттенков коммуникем, например, коммуникема *Вряд ли!* определяется респондентом как выражающая сомнение с перевесом в отрицательную сторону, а коммуникема *Исключено!* как передающая уверенность в невозможности, категоричность, отсутствие существования предложенного варианта для респондента.

В зависимости от ситуации происходит актуализация одного из компонентов значения коммуникемы. Представим две ситуации общения: ответ на поставленный вопрос, когда отвечающий сомневается и хочет «мягко» отказать собеседнику, то использует *Вряд ли!*, и когда отвечающий не согласен с собеседником, но не хочет говорить «нет»,

то употребляет коммуникему *Как знать*. Но отвечающий в обоих случаях может применить коммуникему *Может быть*, актуализирующую в различных речевых ситуациях семантические компоненты значения неуверенности:

1) – *Будешь сегодня готовиться к экзамену?* – **Может быть.**

2) – *Ты пойдёшь на каток?* – **Может быть!** Возможно, найдутся другие дела.

У некоторых коммуникем появились новые оттенки значений: в словаре В.Ю. Меликяна представлена коммуникема **Чушь!** – прост. Выражение усиленного отрицания в сочетании с недовольством, возмущением, негодованием и т. п. [6]. Данные нашего психолингвистического эксперимента показали, что это предложение дополнительно выражает скептическое пренебрежение: – *Пойдёшь с нами в кино?* – **Чушь!**

Все приведённые выше факты подтверждают положение, выдвинутое В.Ю. Меликяном, что «...наиболее продуктивной тенденцией формирования этих сообществ является их построение на базе полнозначных лексем и синтаксических конструкций со свободной структурой, потому что, во-первых, количество неполнозначных слов и фразеологизированных синтаксических конструкций в языке ограничено, во-вторых, несмотря на максимально обобщённый характер значения коммуникем, пополнение их состава идёт по линии детализации выражаемого значения для более точной и полной передачи информации, которая стоит за такими единицами» [7].

Таким образом, коммуникема является важным компонентом процесса общения, благодаря своей креативной направленности и особой функциональной нагрузке, которая заключается 1) в восполнении отсутствующих (недостающих) языковых средств общения; 2) в придании речевому акту большей экспрессивности по сравнению с членимым высказыванием, которое она замещает; 3) в линейном и временном сокращении речевого акта благодаря замещению обычного,

достаточно длинного в силу своей семантической, морфологической и синтаксической расчленённости высказывания или нескольких высказываний одной краткой репликой.

Реализация коммуникем в речи основывается на выборе между экспрессивной и эмоционально нейтральной структурами. При этом предпочтение отдается конструкции, наиболее точно выражающей замысел говорящего в конкретной речевой ситуации. Если общение неформальное, то приоритетными могут стать экспрессивные коммуникемы. Их можно отнести к единицам, которые несут на себе основную коммуникативную, в отличие от номинативной, нагрузку текста, и их целесообразно рассматривать как построения, максимально ответственные за удачу общения.

Таким образом, психолингвистический эксперимент можно отнести к наиболее перспективным методам изучения различных грамматических явлений, в том числе и коммуникем, позволяющим выявить актуальные для говорящего смыслы предложенных

конструкций, личностные проекции их значений, что соответствует психологической реальности значения проанализированных конструкций в сознании носителей языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Меликян В. Ю. Об основных типах нечленимых предложений в русском языке // Филологические науки. – 2001. № 6. – С. 80.
2. Меликян В.Ю. Словарь. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 240 с.
3. Меликян В.Ю. Словарь. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. – М.: Флинта: Наука, 2001. – С. 36.
4. Меликян В.Ю. Словарь. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. – М.: Флинта: Наука, 2001. – С. 43.
5. Меликян В.Ю. Словарь. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. – М.: Флинта: Наука, 2001. – С. 57.
6. Меликян В.Ю. Словарь. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. – М.: Флинта: Наука, 2001. – С. 207.
7. Меликян В. Ю. Модели построения нечленимых предложений со значением утверждения/ отрицания // Русский язык в школе. – 1999. – № 5. – С. 79.

УДК 81'1

Иосилевич Н. В.

Владимирский государственный университет

СУБЪЕКТИВАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ ЭГО-КАТЕГОРИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

N. Iosilevich

Vladimir State University

SUBJECTIFICATION AS A DEVELOPMENT OF EGO-CATEGORY IN RUSSIAN

Аннотация: Языковой субъект – это словоформа, занимающая привилегированную субстанциальную позицию в рамках предложения. Языковой субъект – это высшая степень проявления эго-категории в языке, когда различные интенции говорящего признаются языковой системой, получают возможность своего формального выражения в рамках предложения. К средствам выражения языкового субъекта относятся: форма именительного падежа, одушевленность субстантивов, значение агенса залоговой конструкции, значение субъекта лексической ориентации предиката, значение темы высказывания.

Именительный падеж является апогеем выражения эго-категории в языке. Форма именительного падежа – самая высокая и последняя ступень процесса субъективации интенции говорящего в языке.

Субъективация – это процесс превращения интенции говорящего (эго-категории) в языковой субъект, субъектность – это результат процесса субъективации. В процессе субъективации эго-категория проходит следующие стадии языкового развития: имплицитное выражение эго-категории в предложении; оценка; обособление; топикализация; субъектность.

Ключевые слова: эго-категория, языковой субъект, привилегированная субстанциальная позиция, именительный падеж, субъективация, имплицитное выражение, оценка, обособление, топикализация, субъектность.

Abstract: The language subject is the word form that occupies the exclusive substantial position within the framework of the sentence. The language subject is the supreme degree of representation of an ego-category in the language when various intentions of a Speaker are admitted as a language system, receive the opportunity of the formal expression within the framework of the sentence. There are the following means of expression of the language subject: the form of the Nominative case, substantives' animateness, meaning of the agens in the passive construction, meaning of the subject of lexical orientation of a predicate, meaning of a theme of the statement. The Nominative case is the culmination of an expression of ego-category in the language. The form of the Nominative case is the highest and the last step of process of the subjectification of the Speaker's intention.

Subjectification is a process of Speaker's intention's transformation (ego-category) into the language subject, subjectivity is a result of the subjectification process. In that process the ego-category passes the following stages of language development: implicit expression of an ego-category in the sentence; an estimation; isolation; topicalization; subjectivity.

Key words: ego-category, language subject, exclusive substantial position, Nominative case, the subjectification, implicit expression of an ego-category in the sentence; an estimation; isolation; topicalization; subjectivity.

1. Эго-категория – это эмоциональная интенция говорящего, имеющая рациональные формы выражения в языке. Языковой субъект – это высшая степень проявления эго-категории в языке, когда различные интенции говорящего признаются языковой системой, полу-

чают возможность своего формального выражения в рамках предложения. Языковой субъект – это словоформа, занимающая привилегированную субстанциальную позицию в рамках предложения.

2. К средствам выражения языкового субъекта относятся: форма именительного падежа, одушевленность субстантива, значение агенса залоговой конструкции, значение субъекта лексической ориентации предиката, значение темы высказывания [2, с. 24].

3. Именительный падеж является апогеем выражения эго-категории в языке. Форма именительного падежа – самая высокая и последняя ступень процесса субъективации интенции говорящего в языке. Субъективация – это процесс превращения интенции говорящего (эго-категории) в языковой субъект.

4. На пути к привилегированной субъектной позиции именительного падежа эго-категория преодолевает несколько взаимосвязанных и взаимозависимых ступеней развития, или *субъективации*: имплицитность выражения; оценка; обособление; топикализация; субъектность. Рассмотрим данные этапы подробнее.

1. Имплицитное выражение эго-категории

Имплицитное выражение эго-категории – это косвенные, опосредованные формы выражения эго-категории в языке. Имплицитное выражение эго-категории реализуется в двух формах речи – в представлении и в нарративе (*нарратив* – языковой акт, т. е. вербальное изложение [9, с. 3], пересказ; *представление* – непосредственное отражение действительности говорящим).

В представлении можно выделить следующие средства имплицитного выражения эго-категории: **морфолого-синтаксические** – флексии личных глаголов в односоставных конструкциях: *Иду, Тебе не раз говорили об этом* и др.; имплицитный субъект вводных конструкций: *Онегин, я тогда моложе, я лучше, кажется, была* [9, с. 16]; **лексико-грамматические** – метафорическое употребление

неодушевленных субстантивов, субъектность которых актуализируется в грамматическом (действительный залог) и лексическом контексте: *Что-то мелькает в газетах, толкующих так и сяк факты, которых, собственно, кот наплакал* (И. Бродский); опосредованное выражение субъекта через согласованные и несогласованные определения: *Сердце его сжималось от горькой жалости* (Д. Мережковский); несобственно-прямая речь: *То, что Любка осталась в городе, было особенно приятно Серёжке: Любка была отчаянная девка, своя в доску* (А. Фадеев); **лексические** – слова-эгоцентрики [9, с. 3; 11, с. 119], обнаруживающие говорящего субъекта, *здесь, теперь, сюда, отсюда, показаться, виднеться, слышаться* и др.: *Пока ты пела и летала, птицы отсюда отбыли* (И. Бродский); *Неожиданно послышались шаги и голоса* (А. Чехов); *В воздухе висело предчувствие осени* (А. Чехов); существительные типа *взор, взгляд, речь, намёк*, содержащие сему «субъект»: *Старик выдержал взор его и не потупился* (Д. Мережковский).

В связи с анализом эго-категории в нарративе, следует упомянуть о таких понятиях, применяемых сегодня для анализа субъектной составляющей в тексте, как *наблюдатель* [4, с. 187; 9, с. 3; 11, с. 119], *точка зрения* [4, с. 188; 12, с. 124].

Так, в монографии «Лирика Н.А. Некрасова» на примере лирики А. Фета Б.О. Корман показывает, как в условиях «поэтического мира» субъективное «я» выполняет... функцию *наблюдателя*. Б.О. Корман отмечает, что решающим моментом построения художественного мира является отношение между *точкой зрения* и объектом: «...отношение повествователя к изображаемому предмету в сочетании с реальными качествами предмета и создаёт образ предмета»; «субъект речи при всей своей самостоятельности является призмой, *точкой зрения*, через которую преломляется и определённым образом оформляется изображаемая автором действительность; его слово, позиция участвуют в творении художественного мира, образа и

выступают как определённая форма выражения авторского сознания. ...» [4, с. 188].

Таким образом, если в представлении актуальны взаимоотношения эго-категории и языкового субъекта, или взаимоотношения рационального и эмоционального [5, с. 112], то в нарративе (в пересказе) анализируются взаимоотношения сознания автора и сознания субъекта речи: «точка зрения субъекта речи по своему объёму, по типу сознания, по многим параметрам может быть отдалена от точки зрения автора, вплоть до определённого противостояния ей, но тем не менее она используется автором для построения художественного мира и является поэтому формой выражения авторского сознания. Здесь возможен широкий спектр отношений сознания автора к сознанию субъектов речи – от относительной идентификации с ними до превращения их (до известной степени) в объект, до выстраивания системы их иерархии» [4, с. 188]. Идея преодоления между я-говорящим и субъектом высказывания [13; 4, с. 173] актуальна и для представления.

2. Оценка

Оценка – одно из ярких проявлений эго-категории в языке. Н.Д. Арутюнова отмечает, что оценка относится к числу собственно человеческих категорий, «она задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием. Она задаёт его мышление и деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусства» [1, с. 5].

Оценка связана с явлением имплицитного выражения эго-категории в языке, поскольку оценивающий субъект может быть и вербализован, совпадая в пропозиции с говорящим: *Я одобряю его призвание; Я хвалю ваш вкус* [7, с. 71], но может иметь и опосредованное выражение. Вслед за Т.В. Маркеловой, в системе средств выражения оценочных значений в русском языке, «отражающих процесс взаимопроникновения грамматики, семантики и прагматики», можно выделить оценочность функциональную: *Большие серые глаза – слишком большие для такого*

худенького детского лица – смотрели умно, твёрдо и не по-детски серьёзно (А. Куприн); *В голосе у неё звенела зловещая истерическая нотка* (В. Набоков); оценочность коннотативную: *Жизнь – сказка; Что такое народ у Некрасова и что такое народ у Толстого* (из телепередачи); оценочность прагматическую: *Издать, что всё потеряно, что жизнь – проклятый ад...* (А. Ахматова) [8, с. 69].

3. Обособление

Обособление хотя и считается грамматическим процессом, связано с коммуникативным устройством предложения, поскольку средством выражения обособления является в т. ч. и *порядок слов*. «Хотя русский язык и принадлежит к языкам с так называемым «свободным» порядком слов, однако для каждого члена предложения можно указать одно обычное, излюбленное место в предложении и другое, менее обычное, при котором расстановка слов кажется как бы намеренно изменённой. На этом основании различают так называемый «прямой» порядок слов и «обратный». При обратном порядке слов член, который кажется переставленным, больше выделяется в мысли и больше привлекает к себе внимание, чем при «прямом». Вот этот-то обратный порядок слов, выделяющий переставленное слово, и является условием, благоприятствующим обособлению, т. к. обособление тоже связано с перемещением второстепенного члена в центр синтаксического сознания» [10, с. 380].

Обособление – один из этапов субъективации эго-категории, когда интенция, эмоция говорящего, или эго-категория, вступает в противоречие с принятым нейтральным порядком слов, и с помощью инверсии, или обратного порядка слов, и интонации выделяется в предложении. На втором этапе своего обособления эго-категория устремляется в начало высказывания, в тему, где она может обрести статус топики: ср.: *Люди же, изумлённые, встали как камни* (М. Горький) и *Измученные, мы долго молчали, сидя друг напротив друга* (М. Горький); *Пруд блестит на солнце, как сталь.* – *Пруд, как сталь, бле-*

стит на солнце. – Как сталь, пруд блестит на солнце.

4. Топикализация

Топикализация связана с оценкой, т. к. позиция в абсолютном начале предложения отражает желание я-говорящего выделить то или иное значение, вывести его на первый план.

Топикализация связана также с обособлением, являясь последней ступенью проявления обособления. Ср.: *Рождество, как говорят в Европе, семейный праздник / Как говорят в Европе, Рождество – семейный праздник / В Европе говорят, что Рождество – семейный праздник* – в последнем случае, в отличие от предыдущих, словоформа «в Европе» является субъектом предложения.

Фактором, объединяющим обособление и топикализацию, является формирующий их порядок слов. Например, «для приглагольного падежа прямым порядком является постановка его после глагола, а обратным перед ним» [10, с. 380]. И обособление, и топикализация как явления возникают лишь в результате нарушения нейтрального порядка слов по тем или иным причинам.

Топикализация – это выдвижение словоформы или сочетания слов в позицию абсолютного начала предложения. Роль топика «состоит в том, чтобы ограничить применение главной предикации некоторой определённой областью. Топик устанавливает пространственные, временные или личностные рамки, в пределах которых верна главная предикация» [14, с. 309].

«Топик» [7, с. 193; 14, с. 309] чаще всего употребляется как синоним к понятию «тема», однако, если уточнить, то топик – это многозначное понятие, имеющее несколько значений: 1) топик-детерминант (2-ой топик, или дополнительный топик [3, с. 114] двусоставного предложения при 1-ом топике – подлежащем): *У него жена и дети всякий раз в театре* (Н. Гоголь); *У меня, бывало, муха летит, так и муху слышно* (А. Чехов); 2) актуальный топик – тема предложения в её традиционном понимании, выделяемая в

рамках актуального членения предложения, зависящая от порядка слов: *О гимназии и реальном училище К.И. Мая* написано много (Д. Лихачев) (ср.: *Много написано о гимназии и реальном училище К.И. Мая*); 3) грамматический топик, т. е. подлежащее: *Птицы летят на юг*; 4) грамматикализованный топик – тема, регулярно возникающая в абсолютном начале предложения в определённых синтаксических конструкциях (односоставных или грамматически/семантически неполных двусоставных предложениях) при нейтральном порядке слов: *Его* встретили почти-тельно (Ф. Достоевский), *А мне* разрешили (К. Симонов), *На улицах* быстро темнело (А. Куприн), *В воздухе* соль и йод (И. Бродский), *У животных* самые пугливые – овцы; *Вдали* слышались голоса (А. Чехов) – последнее предложение является семантически неполным, т. к. субъект лексической ориентации предиката [2, с. 45] (мне, нам) не выражен.

5. Субъектность

Субъектность – последний этап процесса субъективации: *Рождество, как говорят в Европе, семейный праздник / Как говорят в Европе, Рождество – семейный праздник / В Европе говорят, что Рождество – семейный праздник / Европейцы* говорят, что Рождество – семейный праздник (в последнем примере наблюдается переход топикализации в субъектность, т. е. в позицию именительного падежа, что является завершающим этапом процесса субъективации).

На субъектный потенциал некоторых словоформ может указывать возможность трансформации второстепенного члена в подлежащее: *В воздухе* соль и йод (И. Бродский), ср.: *Воздух* наполнен солью и йодом. Подобная трансформация может быть реализована и в рамках одного высказывания: *Для самого Леонида Владимировича* не было кумиров. *Он* с увлечением относился к самым разнообразным художникам (Д. Лихачев); *Второй Вагановой* нет, не было и, вот не знаю, *будет* ли (М. Плисецкая).

Итак, словоформа или сочетание слов выдвигаются в позицию языкового субъек-

та постепенно, преодолевая рассмотренные процессы – имплицитное выражение смысла, оценку, обособление, топиализацию, субъектность.

Факторами, способствующими обретению словоформой или сочетанием слов значения языкового субъекта, служат компонентные [2, с. 24; 6, с. 197] значения языкового субъекта: 1) значение грамматически независимого предмета (именительный падеж); 2) роль агенса залоговой конструкции; 3) одушевленность субстантива; 4) роль субъекта лексической ориентации глагола; 5) роль темы высказывания.

Языковой субъект – самая привилегированная позиция для эмоциональной интенции я-говорящего, или *эго-категории*. Форма именительного падежа – инвариант парадигмы языковых форм выражения *эго-категории*.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. 1982. – М., 1984. – 287 с.
2. Иосилевич Н.В. Соотношение подлежащего и дополнения с семантическими категориями субъекта и объекта. – Владимир, 2004. – 144 с.
3. Иосилевич Н.В. Детерминант как особый член предложения // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. – Владимир, 2007. – С. 114-115.
4. Корман Б.О. Лирика Н.А. Некрасова. – Воронеж, 1964. – 390 с.
5. Лекант П.А. Рациональное и эмоциональное в русском предложении: семантика эмоционального состояния // Лекант П.А. Грамматические категории слова и предложения. – М., 2007. – С. 212-213.
6. Лекант П.А. К вопросу о синтаксическом субъекте // Вопросы филологии. – М., 1969. – С. 197-204.
7. Ли Чарльз и Томпсон Сандра. Подлежащее и топик: новая типология языков // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1982. – С. 193-235.
8. Маркелова Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке // Филологические науки. – 1995. – № 3. – С. 67-79.
9. Падучева Е.В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. – 2011. – № 3. – С. 3-18.
10. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 2001. – 432 с.
11. Рассел Б. Человеческое познание. Его сферы и границы. – М., 1957. – 560 с.
12. Филимонова Е.Ю. К вопросу об иерархическом упорядочивании лиц. Выделенность 2-ого лица. Гипотеза языковой корреляции // Вопросы языкознания. – 1977. – № 4. – С. 85
13. Химик В.В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. – Л., 1990. – 184 с.
14. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топик и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 11. – М.: Прогресс. – С. 277-316.

УДК 811. 161.1

Коренева Ю.В.

Московский государственный областной университет

**ПОДВИГ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ
(ЖИТИЯ ПРЕПОДОБНЫХ СТАРЦЕВ)**

Y. Koreneva

Moscow State Regional University

THE FEAT IN LANGUAGE AND HAGIOGRAPHIC TEXT

Аннотация. В статье рассматривается концепт Подвиг в языке и житийном тексте. Данный концепт исследуется с историко-этимологических, лексикографических и контекстуальных позиций. В процессе анализа устанавливается, что семантический объем лингвоконцепта Подвиг может быть сформулирован как 'напряжение духовных сил в деле спасения души'. Определяется, что лингвоконцепт Подвиг относится к духовным концептам, является одним из важнейших в поле макроконцепта агиографии Святость и принадлежит русскому православному языковому сознанию.

Ключевые слова: концепт, подвиг, святость, житие, преподобный старец.

Abstract. This article is devoted to the concept of the Feat in the language and hagiographic text. This concept is examined from the historical and etymological, lexicographic and contextual perspectives. During the analysis it is established that the semantic amount of concept of the Feat can be formulated as the 'tension of spiritual forces in saving the soul', so the author argues that concept of Feat falls into the category of spiritual concepts and is one of the most important of hagiographic concepts that belong to the Russian Orthodox linguistic consciousness.

Key words: concept, feat, holiness, saint elderly monk.

Жития святых как совокупность текстов во всём своём жанровом своеобразии являются неотъемлемой частью не только церковной сферы бытия человека, но всей русской культуры.

Системообразующей единицей агиографической концептосферы является концепт Святость/Святой, который выступает как макрообъединение и может быть квалифицирован как макроконцепт агиографии, в иной терминологии – гиперконцепт. Очевидно, что Подвиг входит в концептосферу агиографии, имеет определённое лексико-семантическое воплощение и включается в поле макроконцепта Святость вместе с концептами Старец, Смирение, Терпение и другими. Святые, прославленные в чине преподобных были монахами, часто основателями и игуменами монастырей. Жития преподобных старцев в истории святости, в том числе русской, воплощают идеал монашества и занимают своё особое место в истории русской православной культуры. Подвиг преподобного старца изначально может быть определён как восхождение, путь к святости через исправление себя, в прямом смысле возрастание духовное. В этой связи духовный подвиг сопряжён прежде всего с внутренним, мыслительно-интеллектуальным и душевно-духовным формированием человека.

С опорой на сказанное, концепт Подвиг в житии может быть раскрыт как смысловое объединение, *во-первых*, через этимологию слова-имени концепта, *во-вторых*, через сопоставление понятийного наполнения концепта в церковной и мирской сфере, с целью выявления в нём религиозной составляющей; и, *в-третьих*, через контекстуальное употребление слова-

имени концепта, что позволит очертить его ценностную составляющую.

Этимологию слова *подвиг* можно определить по корневой морфеме – *двиг-*, старшее значение которой связано с действием «двигать; поднимать; перемещать что-либо, таща в нужном направлении; приводить в движение чем-либо, шевелить» <...> первоначально ‘поднимать, двигать вверх’ [28, т. 5, с. 168]. Учитывая особенности этого действия, заметим, что поднимание вверх требует определённых физических усилий, т. е. это не простое движение, не просто перемещение, а поднятие чего-либо по пути снизу вверх, сделанное с усилием.

В современных словарях подвиг толкуется как ‘героический, самоотверженный поступок, совершённый в опасных условиях, связанный с риском’ [1]; ‘доблестный, героический поступок, важное по своему значению действие, совершённое в трудных условиях’ [24]. В словарях идеографического типа *подвиг* относится к существительным, обозначающим поведение человека в социальных отношениях: ‘поступок героический, самоотверженный, важное по своему значению действие, совершаемое в трудных условиях’ [2, с. 724]; ‘героический, самоотверженный поступок’ [16, т. 3, с. 5523]; входит в число 5000 самых важных слов русского языка в тематической группе «человек как общественное существо; поведение человека» [19, с. 419, 646]. Как видим, подвиг современным языковым сознанием воспринимается как поведенческая черта человека, связывается в сознании с героизмом, трудностью, опасностью. Ассоциативный потенциал данного слова также связан с понятием героизма, проявляемого на войне: большинство ответов (около 50) из 102 реакций [15, т. 1, с. 462]. Контекстуальное употребление слова-имени концепта Подвиг в современном языке свидетельствует, что подвиг может атрибутироваться как *научный, боевой, трудовой, бессмертный*; подвиг *совершают*, на него *идут*, *благословляют*, к нему *готовятся*, им *восторгаются*; подвиг ассоциируют с *героизмом, победой, жизнью* [12].

Современный исследовательский взгляд изучает подвиг прежде всего через призму лингвокультурологии [7], воспринимает его как лингвокультурный феномен, обладающий рядом отличительных признаков: *усилие над собой, самопожертвование, тяжёлый труд, ради приближения к Богу, ради Родины*. Подвиг ассоциируется и синонимизируется с героизмом, причём в этом наборе признаков религиозная составляющая концепта не первична, растворена среди остальных признаков, вырастающих из параллели подвиг–героизм: «героическое в языковом сознании является важной концептуальной областью, выраженной в ключевом концепте “подвиг”» [10].

В церковно-богословской сфере слово *подвиг* имеет более широкую сочетаемость, чем в обычном словоупотреблении: может быть *подвиг любви, служения Богу, страдания, терпения, молитвы, старчества, безмолвия*, подвиг связывают с *духовной жизнью*; подвиг может быть *постоянный, духовный, христианский, великий, постный, монашеский, молитвенный*; его *свершают, несут, усиливают, не оставляют*, на него *поднимаются*, о нём *не забывают* и под. [12].

В исторических словарях русского языка у полисемантического слова *подвиг* выделяются значения: ‘движение’, ‘стремление’, ‘борьба’, ‘дело’, ‘старание’ как конкретные, так и отвлечённые (‘душевная борьба’, ‘славное деяние’) [6; 21, т. 6, с. 23, вып. 15, с. 226-227; 11, т. 2, с. 1032-1033]. В старославянском языке *подвиг* определяется через древнегреческие слова ‘борьба’, ‘аскетическая жизнь’ и сравнивается с *борением, подвизанием* [26, с. 461]; в церковнославянском языке *подвиг* (αὐών) определяется как ‘подвиг, борьба и другие гимнастические упражнения <...>’ [13, с. 439]; ‘движение, стремление; путешествие; совершение трудного, важного, великого дела’ [25, т. III, с. 251]. В контексте давних историко-культурных и лингвистических связей славянских языков с древнегреческим *подвигъ* коррелирует, во-первых, с глаголами κινέω, μετακινέω ‘двигать; передвигать, поднимать’ [5, с. 122, 138], во-вторых, с древнегреческим

существительными 'αὐών' 'внутренняя борьба, мучение; напряжение, усилие, старание; состязание, дистанция' [18, с. 247;]; '<...> состязание, борьба, бой; <...> в пер. труд (исполненный борьбы, опасностей) <...>' [4, с. 16]; 'αὐώνισμα' 'состязание, борьба; предмет состязания, награда; подвиг, славное дело; произведение <...>' [4, с. 16]. Церковнославяно-греческие параллели указывают на наличие в структуре концепта Подвиг семантических признаков движения, борьбы, которые сами по себе не обладают ни религиозным статусом, ни тем более агиографическим. С точки зрения исторической лексикографии утверждать, что концепт Подвиг является собственно религиозными, мы не можем, но данное слово – имя концепта Подвиг – включено, например, в Словарь православной церковной культуры: «усилия, совершаемые человеком ради приближения к Богу (утверждение веры, обеты, посты, молитвы, отказ от жизненных благ, подавление страстей и т. п.)» [20, с. 183]. Следовательно, слово *подвиг* в русском языковом сознании всё же имеет определённую религиозную концептуализацию. «По мнению В.И. Карасика, содержательный минимум концепта «подвиг» выражается как «неординарный, исключительный, благородный поступок, связанный с моральным выбором и с большими усилиями и риском». Отношение к подвигу моделируется как характеристика человека, совершающего такой поступок либо неспособного к подвигу» [3]. Таким образом, греческо-славянские семантические связи, внутренняя форма славянского слова и его история указывают на наличие в семантической структуре исследуемого концепта таких ключевых смысловых компонентов, как *двигать вверх, поднимать, усилие, напряжение сил*, которые эксплицируются в данном слове, развивают его семантику и моделируют лингвокультурный концепт. «Русская модель подвига имеет существенные национально-культурные особенности, связанные с пониманием подвига как непрестанной работы духа, с нравственной и ценностной доминантой в оценке

подвига, с соотношением подвига с такими понятиями, как “подвижничество” и “жертвенность”» [27, с. 10].

Для русской агиографии подвиг мыслится прежде всего как внутреннее действие, максимальное внутреннее усилие на пути спасения души, на пути человека к Богу, *подвиг* – понятие прежде всего духовное: *Лучше соглашайтесь подъять тысячу смертей, чем уклониться от Божественных заповедей Евангельских и дивных установлений иноческих. Мужайтесь в подвиге, не отступайте от него, хотя бы весь ад восстал на вас и весь мир кипел на вас злобой и прещением и веруйте: Близ Господь всем ... призывающим Его во истине* (Пс. 144, 18) (Житие преподобного Варсонофия в: [14, с. 361]); *И всю свою жизнь доказал Преподобный, что и в наше время возможны великие подвиги. ... как истинный пастырь Христов брал на себя беды, страдания и лишения приходивших к нему в унынии, страхе и сомнениях* (Житие преподобного Никона, исповедника, в: [14, с. 469]). *Духовный* есть собственно религиозная характеристика подвига (не обязательно выраженная этим словом), концептуализируемого православным языковым сознанием и воплощаемого в том числе в агиографической концептосфере.

В житиях святых концепт Подвиг реализуется в одноимённой лексеме и её дериватах: *подвиг, подвижник/-ница, подвижнический, подвижничество, подвизаться, подвизание*, которые содержат в себе сему духовного движения вверх. Актуализация семантики подвига как элемента внутренней, духовной жизни человека сразу включает концепт Подвиг в число религиозных концептов, потому что «русский подвиг выступает как высшая разновидность духовной практики, и поэтому готовность к подвигу равно присуща как русским воинам, так и святым-подвижникам <...> его смысл в достижении “результата внутреннего” <...>» [27, с. 16].

Жития преподобных старцев рассказывают о духовных подвигах преподобных Феодосия Печерского, Кирилла Белозерского,

Сергия Радонежского, старцев Оптинских и других подвижников, как они своей монашеской жизнью и любовью помогали многим людям обрести Бога: *Под руководством сего богопросвещенного старца отец Леонид обучался науке из наук и искусству из искусств – умному монашескому деланию, подвигу непрестанной молитвы и противоборства страстям, и достиг просвещения духовного* (Житие преподобного Льва, в: [14, с. 38]); *В скором времени было открыто людям место подвигов* пустыннолюбивых старцев, и к дверям их келлии стали стекаться тысячи посетителей (Житие преподобного Льва, в: [14, с. 38]).

Преподобный старец как центр житийного повествования может номинироваться не только по имени, но и такими лексемами, как *отец, старец, преподобный* (часто как субстантиват), *блаженный* (тоже как субстантиват) и *подвижник*, эти номинации могут быть включены в название произведения и могут синонимизироваться: *Житие и подвиги преподобного отца* нашего Кирилла <...> [9, с. 15]; *Всегда имея в мыслях, что она носит во чреве младенца, который будет избранным сосудом Святаго Духа, Мария, во всё остальное время беременности, готовилась встретить в нём будущего подвижника* благочестия и воздержания <...> [8, с. 7]; *Около шести лет пребывали три доблестных подвижника на Валааме* <...> (Житие преподобного Льва, в: [14, с. 39]); *Изучив под руководством отца Феодора духоносные писания отцов-подвижников о монашеской жизни и много лет пребывая в искреннем послушании и повиновении ему, преподобный Лев* стяжал дар духовного рассуждения или разума духовного <...> (Житие преподобного Льва, в: [14, с. 42]).

Слово *подвижник* обладает ярко выраженной религиозной православной семантикой: «человек, совершающий подвиги, проводящий жизнь в подвигах (чаще монах), за что получает особую Божию благодать» [20, с. 183], это слово частотно в агиографических произведениях и реализует в концепте

Подвиг его антропологическую сущность: *яко добр и совершен подвижник, истине моляше Господа и Пречистую Его Богоматерь* [9, с. 31-32].

Слово *подвижнический* чаще всего употребляется как характеристика жизни, внешней и внутренней: *Но с оскудением веры и подвижнического жития стало приходить в забвение и старчество, так что многие даже отвергали его* (Житие преподобного Льва, в: [14, с. 40]); *Великий дар прозорливости, которого сподобился старец от Господа за свою подвижническую жизнь, прикрывал он* глубочайшим *смирением* (Житие преподобного Никона, исповедника, в: [14, с. 457]).

Подвижничество стилистически маркировано как книжное слово, так же как и *подвижнический, подвижник*, и определяется как образ жизни подвижника и как самоотверженная деятельность [24]. Показательно в этом плане наименование сборника научных трудов «Русское подвижничество», в котором подвижничество связывается с исповедничеством и мученичеством [17, с. 27].

Слова *подвизаться, подвизание* не принадлежат активному лексикону, форма слов и их семантика чётко определяют церковную сферу бытования: *Через два года, повинаясь неукротимому желанию обучаться жизни духовной он перешёл в пустынную Белобережскую обитель, так как настоятельствовал там в то время старец* высокой духовной, жизни *Василий Кишкин, немалое время подвизавшийся* на святой Афонской горе (Житие преподобного Льва, в: [14, с.36]); *Так подвизались* сии три великих мужа в пустынном безмолвии, трудах, посте и богомыслии (Житие преподобного Льва, в: [14, с. 38]).

Контекстуальное употребление дериватов мотивирующего слова, таких как *подвижник/-ица, подвижничество, подвижнический*, указывает не только на активность в языковом сознании *подвига*, но актуализирует именно те семы в значении лексемы *подвиг*, которые определяют духовную составляющую концепта. Подвигом в житии старца является и молитва, и пост, и безмолвие, и смирение, и

вся его монашеская жизнь как служение. Таким образом, в агиографическом тексте, описывающем жизнь преподобного старца, поле макроконцепта Святость/Святой наполняется в том числе концептом Подвиг в его лексико-семантической реализации. Подвиг тесно связан с другими концептами агиографии – Терпением, Постом, Служением, Даром духовным и другими.

Принимая во внимание все три указанных аспекта исследования (семантический анализ концептуализации понятия может и должен быть продолжен), мы можем очертить семантический объём концепта Подвиг в житийных текстах как “напряжение духовных сил человека в деле спасения души”. Такое определение прямо указывает на ценностную составляющую концепта Подвиг: обожение как результат работы над собой, подвижание, жизнь как подвижничество – это всё есть актуальные характеристики жития преподобного старца, независимо от времени и места создания текста.

Концепт Подвиг в русской агиографической концептосфере является одним из важнейших концептов в поле макроконцепта Святость и в русском православном сознании обладает лингвокультурным статусом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.gramota.ru/slovari> (дата обращения 02.12.2011).
2. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. Л.Г. Бабенко. 2-е изд., стер. – М., 2005. – 864 с.
3. Бугаева И.В. Принять на себя подвиг (о церковной составляющей концепта) [Электронный ресурс] // Православный образовательный портал «Слово»: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37389.php> (дата обращения 02.12.2011).
4. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2006г., 1370 стлб.
5. Греческо-русский словарь Нового Завета: Пер. краткого греческо-английского словаря Нового Завета Баркли М. Ньюмана/ Перевод и редактирование В.Н. Кузнецовой при участии Е.Б. Смагиной и И.С. Козырева. – М.: Российское Библейское общество, 1997. – 240 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Спб., 1863-1866. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.yandex.ru/slovari> (дата обращения 02.12.2011).
7. Дорджиева Д.В. Лингвокультурный концепт “подвиг” в русском, калмыцком и английском героических эпосах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2010. – 24 с.
8. Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца. Составлено архимандритом Никоном. Изд-е 5-е, испр. и доп. многими рисунками. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1904. – 264 с. Репринтное издание: М., 1991 г.
9. Житие Кирилла Белозерского/ Азарова И.В., Алексеева Е.Л., Демидов Д.Г. и др.; Под ред. А.С. Герда. – Спб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. – 200 с.
10. Кохташвили Н.И. Семантические характеристики концепта “подвиг” // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации: Сб.науч.тр./ Под ред.Н.А. Красавского. Волгоград: «Колледж», 2001. С. 122-126.
11. Материалы для словаря древнерусского языка. Труд И.И.Срезневского[Электронный ресурс] // URL: <http://etymolog.ruslang.ru> (дата обращения 02.12.2011).
12. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 02.12.2011).
13. Полный церковно-славянский словарь. Протоиерей Г. Дьяченко. – М., 2001. – 1120 с. (Репринтное воспроизведение издания 1900 г.)
14. Преподобные Оптинские старцы. Жития и наставления. Изд. 2-е. Свято-Введенский монастырь. Оптина Пустынь, 2004. – 512 с.
15. Русский ассоциативный словарь: [В 2 т.] / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева [и др.]; Рос. акад. Наук. М.: АСТ :Астрель, 2002.
16. Русский семантический словарь. В 3 тт. Том III. – М.: «Азбуковник», 2003 [Электронный ресурс] // URL: <http://slovari.ru> (дата обращения 02.12.2011).
17. Русское подвижничество / Сост. Т.Б. Князевская. М., 1996. – 572с.
18. Седакова О.А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. – М., 2008. – 432с.
19. Система лексических минимумов современного русского языка: 10 лексических списков: от 500 до

- 5000 самых важных русских слов / Под ред. В.В. Морковкина. – М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2003. – 768с.
20. Складневская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. – СПб., 2000. – 278с.
21. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.): В 10 т. М.: Рус.яз., 1988. Т.6. 1989 [Электронный ресурс] // URL: <http://slovari.ru> (дата обращения 02.12.2011).
22. Словарь живого великорусского языка В.И. Даля [Электронный ресурс] // URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения 02.12.2011).
23. Словарь русского языка XI – XVII вв. – М.: «Наука», 1975. – Вып. 15. – М.: Наука, 1989. – 288с.
24. Словарь русского языка Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс] // URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения 02.12.2011).
25. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. Репр. изд.: в 2 кн. – СПб., 2001.
26. Старославянский словарь (по рукописям X – XI веков): Около 10 000 слов/ Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1999. – 842с.
27. Трофимова А.В. Подвиг как явление русской культуры: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. – Нижний Новгород, 2008. – 36с.
28. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под редакцией чл.-корр. АН СССР О.Н.Трубачева. – М.: Изд-во «Наука». – Выпуск 5, 1978. – 234 с.

УДК 81'373.44

Цынк С. В.

Димитровградский инженерно-технологический институт

**СОБСТВЕННО ЛЕКСИЧЕСКИЕ АРХАИЗМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИИ
А.И.СОЛЖЕНИЦЫНА «ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ»**

S. Tsynk

Dimitrovgrad Institute of Industrial Engineering

**PROPER ARCHAIC WORDS IN «TWO HUNDRED YEARS TOGETHER»
BY ALEKSANDR SOLZHENITSYN**

Аннотация. Статья посвящена анализу некоторых собственно лексических архаизмов произведения А.И. Солженицына «Двести лет вместе». В работе исследуется проблема отнесения устаревшей лексики к активному или пассивному словарю – языка и его носителя, языковой личности. В статье выявляются компоненты описания собственно лексических архаизмов как элементов идиостиля писателя; делается вывод о том, что рассмотренные лексемы не только содержанием, но и своей формой позволяют углубить семантику контекста. Мастерское вплетение устаревших слов в ткань произведения автор считает одной из ярких особенностей идиостиля А.И. Солженицына.

Ключевые слова: собственно лексические архаизмы, А.И. Солженицын, активный и пассивный запас языка и носителя языка, функции архаизмов в тексте.

Abstract. In the article, the author analyzes some proper archaisms in «Two hundred years together» by Aleksandr Solzhenitsyn. The research is devoted to the problem of classifying the obsolete words to either active or passive vocabulary — both of the language and its speaker, a lingual personality. The author finds components of description of proper archaic words as elements of the writer's idiosyncrasy. She comes at the conclusion that the named lexical units allow to extend the semantics of the context by not only their meaning, but also by the form. The author of the article considers the masterful interweaving of archaic words into the context of the work to be one of the most outstanding characteristics of A. Solzhenitsyn's idiosyncrasy.

Key words: proper archaic words, A. Solzhenitsyn, active and passive vocabulary of a language and its speaker, functions of archaic words in a text.

Устаревшая лексика традиционно относится к периферии словарного состава языка. Несмотря на отнесение к «пассивному пласту лексики», архаизмы активно используются в современной речевой практике, в художественных и публицистических текстах, поскольку в этих словах отразилась и сохранилась историческая и культурная память народа.

При всей значимости устаревших слов в условиях современной социокультурной ситуации, этот языковой ресурс не является ядерным, таким, без использования которого коммуникация окажется невозможной. В свете этого принципиально важной становится проблема отнесения исследуемой лексики к активному или пассивному словарю – языка и его носителя, языковой личности.

Впервые в лексикографическую теорию понятия активного/пассивного запаса языка ввёл Л.В. Щерба [21], разделив словарный состав языка по признаку частоты употребления лексических единиц. Позже данная трактовка неоднократно уточнялась.

Мы относим собственно лексические архаизмы, употреблённые А.И. Солженицыным в историческом очерке «Двести лет вместе», к пассивному запасу современного русского язы-

ка, опираясь на три критерия: хронологический (слово употреблялось в прошлом), стилистический (отнесенность к определённому стилю) и семантический (внутренняя форма как хранитель культурной и исторической памяти народа).

П.Н. Денисов, используя представления о полевой структуре лексической системы языка, предлагает критерий хронологической отнесенности слова.

Исследователь в связи с этим отмечает: «... на современном нам синхронном срезе единая лексическая система русского литературного языка представлена своим существенным для нужд общего и специального общения ядром (актуальной лексикой) и некоторой периферийной зоной, в которую оттесняются от центра устаревающие и устаревшие слова и через которую стремятся пройти ближе к центру новые слова, или неологизмы» [4, с. 105].

Однако трактовка П.Н. Денисова при всей её стройности не может не вызывать возражений. Например, Л.О. Савчук считает, что «... выпадение слов из употребления и появление новых слов в обиходе на фоне «хронологически устойчивой» лексики – это два разнонаправленных и протекающих с разной интенсивностью процесса» [10, с. 9].

М.В. Арапов включал в пассивный запас «часть словарного состава языка, состоящую из лексических единиц, употребление которых ограничено особенностями означаемых ими явлений (названия редких реалий, историзмы, термины, собственные имена) или лексических единиц, известных только части носителей языка (архаизмы, неологизмы), используемых только в отдельных функциональных разновидностях языка (книжная, разговорная и другая стилистически окрашенная лексика)» [1, с. 369]. Таким образом, исследователь выделял стилистический и собственно семантический критерии.

В.Д. Черняк указывает, что «при общности тех процессов, которые характеризуют современную русскую речь, объём и характер лексикона являются индивидуально обуслов-

ленными и определяются многими параметрами личности (возраст, пол, образование, специальность, круг интересов, чтения, знание иностранных языков, место жительства и др.» [20, с. 296]. Именно этими параметрами определяется состав активного и пассивного лексикона конкретной языковой личности. Под пассивным лексиконом в данном случае понимается «совокупность лексических единиц, которые понятны носителю языка, но не употребляются им в спонтанной речи» [1, с. 369]. К пассивному лексикону личности мы склонны относить и так называемый потенциальный словарь – «слова, значений которых носитель языка не знает, но способен их установить, опираясь на внутреннюю форму слова или контекст» [1, с. 369].

Слова, обозначающие понятия, предметы, явления, существующие в настоящее время, называются архаизмами. В зависимости от того, устаревает ли всё слово, значение слова, фонетическое оформление слова или отдельная словообразовательная морфема, архаизмы делятся на несколько групп.

Среди них – собственно лексические архаизмы – слова, целиком вышедшие из употребления и перешедшие в пассивный словарный запас, вытесненные синонимами из состава активной лексики.

Описание архаизмов, использованных А.И. Солженицыным в тексте исторического очерка, как элементов идиостиля писателя включает следующие компоненты: а) определение по словарям значения лексической единицы; б) описание словообразовательной модели, по которой построено слово; в) выявление функции устаревшего слова в тексте произведения «Двести лет вместе».

К собственно лексическим архаизмам относится 20 слов: *благорасположенный* (18, т. 1, с. 149), *благорастворенный* (18, т. 1, с. 149), *вождествовать* (3, т. 1, с. 223), *вящий* (14, т. 3, с. 313), *деяться* (11, т. 3, с. 762), *длань* (8, с. 170), *доселе* (8, 178), *заверть* (3, 1, 559), *неотклонимый* (3, т. 2, с. 526), *неукладный* (3, т. 2, с. 540), *оказательство* (11, т. 8, с. 766), *окоснеть* (3, т. 2, с. 667), *охладительно* (11, т. 8,

с. 1752), *переходчивость* (11, т. 9, с. 995), *последственный* (11, т. 17, с. 181), *привременной* (3, т. 3, с. 405), *разительно* (12, т. 3, с. 609), *сонность* (12, т. 4, с. 194), *сметить* (12, т. 4, с. 153), *угрозо* (11, т. 16, с. 272-273).

Рассмотрим некоторые из них. Непроизводное, с точки зрения современного русского языка, слово *длань* – «рука, ладонь» [8, с. 170] – А.И. Солженицын использует в стилистических целях для выражения иронической оценки:

А поток советской культуры год от году всё более попадал под очи и *длани* направительных учреждений [16, с. 269].

Лексема заимствована из церковнославянского языка [9, т. 1, с. 517], она известна читателям по поэтической речи XVIII – XIX веков. Теперь слово воспринимается как поэтизм, а Г.О. Винокур называл подобные слова стилистическими славянизмами [2].

Устаревшее имя существительное женского рода третьего склонения *заверть*, относящееся к продуктивному типу, называет отвлечённое действие [9, с. 223]. В.И. Даль так определяет значение данного слова: «вихрь, крутень, ветер и пыль столбом, круговой;// завируха, метель, вьюга, пурга, буран; водовёрть, пучина, суводь» [3, т. 1, с. 559]. Считаем данное слово устаревшим, словом языка XIX века, потому что в словаре В.И. Даля оно употреблено без помет с указанием на область распространения. В «Русском словаре языкового расширения» (далее – РСЯР) автор приводит три значения лексемы *заверть*: 1. Вихрь; 2. метель; 3. водовёрть, пучина [17, с. 67]. В говорах встречается вариант слова в иной фонетической огласовке – *завереть* – «вихрь» [13, т. 9, с. 303].

В тексте произведения «Двести лет вместе» имя существительное *заверть* используется в переносном смысле, обозначает политическую реалию. Анализируемое слово употребляется как средство индивидуально-авторской выразительности:

Но уже в 1937 попал в общую *заверть*, в Омской тюрьме...пережил «конвейерные» допросы, порой непрерывно неделями, в иные периоды днём и ночью... [16, с. 302].

Важнейшей характеристикой функционирования устаревшей лексики является «резкое сужение сферы её употребления – ограничение преимущественно рецептивными видами речевой деятельности» [10, с. 9]. Так, введённую в БАС лексему *оказательство*, понимают современные читающие и слушающие. В данном словаре слово характеризуется как устаревшее и имеющее значение «обнаружение, проявление» [11, т. 8, с. 766]. Это существительное с суффиксом *-тельств(о)* построено по продуктивному в различных сферах типу и совмещает в своём значении присущее мотивирующему глаголу значение процессуального признака со значением существительного как части речи [9, с. 162].

А.И. Солженицын, глубоко проникающий в законы родной речи, стремящийся использовать до предела её возможности, воскрешает устаревшее слово *оказательство*, даёт ему новую жизнь, включая лексическую единицу в РСЯР [17, с. 150] и в текст исторического очерка:

Еврейский автор тех лет, истолковывая эту речь Молотова, как он её понял, ошибочно пишет, будто в ней оратор «от имени правительства» грозил за оказательство «антисемитских чувств» – смертной казнью [16, с. 309].

Хронологической отмеченностью характеризуются такие слова, как *переходчивость* и *сонность*. Данные имена существительные с суффиксом *-ость* относятся к наиболее продуктивному типу образования слов с отвлечённым значением признака, свойства. Указанные лексемы образованы от имён прилагательных «переходчивый» и «сонный», совмещают в себе присущее мотивирующему прилагательному значение признака со значением существительного как части речи [9, с. 177]. *Переходчивость* – «свойство переходчивого; непостоянство, изменчивость» [11, т. 9, с. 995]. *Сонность* – «желание спать, вялость» [12, т. 4, с. 194].

Для автора текста исторического очерка устаревшие слова *переходчивость* и *сонность* стилистически нейтральны, использованы без особой стилистической установки:

1. Пороговую трудность тут Державин видел в постоянной *переходчивости* и неучтённости еврейского населения, вряд ли и шестая часть его учтена по ревизиям [15, с. 52].

2. У русских купцов – застой, *сонность*, монополия (например, после изгнания евреев из Киева жизнь там вздорожала) [15, с. 158].

Начало сложного слова с *благо-* – примета употребления старославянизма.

Имена прилагательные *благорасположенный* и *благорастворенный*, включённые писателем в РСЯР [17, с. 18], с подчинительным отношением основ в качестве опорного компонента имеют страдательные причастия «расположенный» и «растворенный» [9, с. 319]. Компонент *благо-*, предшествующий опорному, в этих словах носит по смыслу уточнительный характер, конкретизирует содержание опорного компонента. В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой слово «благо» характеризуется как высокое («добро, благополучие») [8, с. 47]. Устаревшие слова имеют следующие значения: *благорасположенный* – «доброжелательно, сочувственно относящийся к кому-либо; благосклонный» [18, т. 1, с. 149]; *благорастворенный* – «чистый, здоровый (о воздухе, погоде)» [18, т. 1, с. 149].

Анализируемые имена прилагательные вводятся в речь для придания ей торжественности и важности. При этом слово *благорастворенный* используется в переносном, метафорическом значении. Примеры:

1. Не только потому, что кн. Урусов, *благорасположенный* к евреям, тут же сменивший Раабена и контролировавший губернаторский архив, – не обнаружил в нём такого «письма Плеве» [15, с. 334].

2. А – к состязанию с гибкой мыслью и письменностью либеральной и радикальной прессы, столь обязанной в своей энергии и непрерывном развитии сотрудникам-евреям, русские национальные силы, медлительные *благорастворенные* умы, совершенно не были готовы тогда(и уж тем более сегодня) [15, с. 431].

Устаревшая лексика близка к категории так называемых агнонимов. Термин *агнони-*

мы был предложен В.В. Морковкиным и А.В. Морковкиной в их фундаментальной монографии «Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем)» [7] для обозначения слов, неизвестных или малопонятных языковой личности. Так же, как понятия активного/пассивного запаса, понятие агнонимии антропоцентрично по своей природе. Степень агнонимии характеризует языковую способность человека, его индивидуальный внутренний лексикон. Близость устаревшей лексики к категории агнонимов объясняется тем, что «при архаизации слово удаляется из арсенала языковой личности как неактуальное, неадекватное современным коммуникативно-культурным ценностям данного социума» [5, с. 162].

Агнонимом для современных носителей языка является непроизводное имя прилагательное *вящий*. Оно многозначно: 1. Большой по величине, количеству и т. п. // Большой по силе, значению, интенсивности. 2. Старший по положению, главный. 3. В значении существительного. Вящие. Наиболее знатные, богатые. 4. Старший по возрасту. 5. Лучшего качества [14, т. 3, с. 288]. В РСЯР писатель приводит словосочетание «вящие люди», т.е. «знатные, сановные, богатые» [17, с. 48]. Однако в тексте «Двести лет вместе» слово использовано в значении «большой по силе». Данный архаизм делает язык произведения трудно усвояемым:

Отчёт этой комиссии был в 1892 напечатан в материалах Конгресса США – к *вящему* посрамлению России и облегчению еврейской иммиграции в Соединенные Штаты [15, 289].

Вслед за В.И. Далем А.И. Солженицын толкует архаизм *последственный* как «истекающий из причины» [17, с. 192]. Словарь русского языка XI-XVII веков определяет семантику данного слова через синоним – «нижеследующий» [14, т. 17, с. 181]. Лексема построена по непродуктивному типу: имя прилагательное *следственный* + префикс *по-*, имеет значение «совершившийся после того, что названо словом (следствие), которым мо-

тивировано суффиксальное мотивирующее прилагательное» [9, с. 308]. Контекст ярко высвечивает значение архаизма «истекающий из причины»:

Но роковым и взаимно непоправимым ходом *последственных* событий путь евреям к Белой армии оказался перерублен [16, с. 147].

Тип, по которому построено имя прилагательное *привременной* продуктивен, особенно в научной терминологии: *временной* + префикс *при-* [9, с. 309]. Грамматическое значение лексемы – «находящийся в непосредственной близости к тому, что названо словом, которым в свою очередь мотивировано суффиксальное мотивирующее прилагательное (время). Архаизм *привременной* близок к границе активного запаса языка, по мнению А.И. Солженицына, так как он включает его в РСЯР [17, с. 197]. В.И. Даль так описывает значение анализируемого слова: «бывающий временно, при, по времени; временный, повременный; временной, преходящий» [3, т. 3, с. 405].

В значении «бывающий при времени» писатель использует архаизм *привременной*, усиливая экспрессию текстов:

1. *Привременным* российским властям это представлялось иначе: евреи впоследствии «могут сделаться полезными хлебопашцами», тогда как «переселившись в мещане, – они умножат собою число городских тунеядцев» [15, с. 81].

2. Приходится рассмотреть *привременные* официальные документы, в данном случае – судебное Обвинительное заключение по го-мельскому делу, основанное на немедленных полицейских донесениях [15, с. 340].

3. Мы ограничимся лишь кратким обзором наиболее важных постов и имён, появившихся, главным образом, именно в 30-е годы, – по *привременным* газетам, более поздним публикациям и по новейшим еврейским энциклопедиям [16, с. 281].

Активный и пассивный запасы языка все не совпадают с активным и пассивным лексиконами конкретной языковой личности. В.В. Морковкин справедливо замечает

по этому поводу: «... язык как живая, пульсирующая сущность рассеян в человеках, каждый из которых, не вмещающая его в себя полностью, владеет лишь определённым его фрагментом» [6, с. 132].

Устаревшее прилагательное *неукладный* входит в активный словарь А.И. Солженицына. Слово с префиксом *не-* образовано от имени прилагательного *укладный* [3, т. 4, с. 482], построено по высокопродуктивному типу, означает отсутствие признака, названного мотивирующей лексемой [9, с. 307]. В.И. Даль характеризует «неукладный товар» как «громоздкий, неудобный для перевозки» [3, т. 2, с. 540]. Писатель переосмысливает данное значение и называет *неукладным* народ, создаёт с помощью данного архаизма образ-символ:

Каждый день мы пылаем стыдом за наш *неукладный* народ [16, с. 474].

Слово языка XIX века *неотклонимый* – «неизбежный, неотразимый, неминуемый, роковой» [3, т. 2, с. 526] – построено префиксальным способом от гипотетического причастия «отклонимый». Тип образования тот же, что и у проанализированного выше слова *неукладный*.

В тексте исторического очерка лексема *неотклонимый* употребляется «на равных правах» с современными единицами, как бы теряя статус устарелости:

1. Вступаю в споры лишь в тех *неотклонимых* случаях, где справедливость покрыта наслоениями неправды [15, с. 6].

2. Столыпин же ясно понимал и несуразность такой обстановки, и *неотклонимое* направление эпохи к уравниванию евреев в правах, уже во многом в России достигнутому [15, с. 434].

Вожествовать – этот архаичный глагол с суффиксом *-ествова-*, мотивирующийся именем существительным старославянского происхождения «вождь», имеет значение «совершать действия, свойственные вождю». Данный словообразовательный тип является в современном русском языке продуктивным [9, с. 343]. Согласно словарю В.И. Даля,

вождествовать, т. е. начальствовать; церковное – посылать, препровождать» [3, т. 1, с. 223].

Употребление в историческом очерке лексемы XIX века *вождествовать* текстуально важно и экспрессивно:

А между тем несомненно, что эти еврейские отщепенцы несколько лет прямо *вождествовали* ... [16, с. 82].

БАС указывает, что непроизводное слово *деяться* является просторечным, областным и устаревшим и имеет значение «делаться, твориться, происходить» [11, т. 3, с. 762]. Лексема восходит к старославянскому *дѣяти* – «делать, говорить» [19, с. 248]. *Деяться* вызывает у читателя ассоциации с хорошо известным, однокоренным, высоким по окраске словом «деяние», поэтому его значение понятно, вполне определено:

И географически их посты тоже успевали сменяться, одни Уполномоченные перемещались на место других (позавидуем тому, кто сумеет указать и граничные временные даты, ведь это всё в тайне *деялось*) [16, с. 293].

Архаизмы, являясь неактуальными для современного функционирования, остаются живыми в силу своей культурной значимости. Такие слова как бы «возрождает» А.И. Солженицын на страницах исторического очерка «Двести лет вместе», способствует их переходу из пассивного запаса в активный. Писатель использует устаревшие слова тогда, когда не находит в современном русском языке слова, которое обозначало бы явление столь же точно, как архаизм. Как писал в письме к нам от 01.09.96. А.И. Солженицын, «эти слова [архаизмы и диалектизмы] я ощущаю как полноправных и неоправданно пренебрежённых участников нашего языка – так губимого ныне» (письмо из личного архива. – С. Ц.). Рассмотренные собственно лексические архаизмы не только содержанием, но и своей формой позволяют углубить семантику контекста. Большинство проанализированных слов построены по продуктивным словообразовательным моделям, что облегчает их восприятие читателем. Мастерское

вплетение устаревших слов в ткань произведения можно считать одной из ярких особенностей идиостиля писателя.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арапов М.В. Пассивный словарь// Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.
2. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Наследие, 2010. – 232 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: ТЕРРА, 1994. – Т. 1. – 800с; Т. 2. – 784с. Т. 3. – 560с; Т. 4. – 688 с.
4. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы её описания. – М.: Русский язык, 1993. – 248 с.
5. Каданцева Е.Е. Культурологический аспект архаизации лексического состава современного русского языка// Вестник МГУ. – Сер. 19, 2005. – №1. – С. 154-163.
6. Морковкин В.В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию// Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. – М.: Наука, 1988. – С. 131-136.
7. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). – М.: Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 1997. – 414 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1993. – 960 с.
9. Русская грамматика. – М.: Наука, 1982. – Т. 1. – 783с.
10. Савчук Л.О. Системные отношения словаря общества и словаря индивида (с точки зрения активного/пассивного запаса): автореф. дисс.... канд. филол. наук. – М., 1996. – 26 с.
11. Словарь современного русского литературного языка. В 17т. – М.: Изд-во АН СССР. Т. 3, 1954, – 962с; Т. 8, 1959. – 1013 с. Т. 9, 1960. – 1019 с. Т. 16, 1964. – 1113 с.
12. Словарь русского языка. В 4т. – М.: Русский язык. Т. 3, 1987; Т. 4, 1988. – 794 с.
13. Словарь русских народных говоров. – М.: Наука, 2003. – Вып. 9. – 213 с.
14. Словарь русского языка X–XVIII веков. – М.: Наука. Вып. 3, 1976. – 313с; Вып. 17, 1991. – 273с.
15. Солженицын А.И. Двести лет вместе. – М.: Русский путь, 2001. – Т. 1. – 512 с.
16. Солженицын А.И. Двести лет вместе. – М.: Русский путь, 2002. – Т. 2. – 552 с.
17. Солженицын А.И. Русский словарь языкового расширения. – М.: Голос, 1995. – 272 с.
18. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия, 1934. Т. 1. – 1563 с.

19. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: Русский язык, 1993. – Т. 1. – 623 с.
20. Черняк В.Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач// Русский язык сегодня. Вып. 2. Сборник статей/ РАН. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 280-297.
21. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии// Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974.

Публикации аспирантов

УДК 81'373.222

Арименова Р. С.

Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)

СЕМАНТИКА И РОДО-ВИДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ «НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ» (НА МАТЕРИАЛЕ МОНГОЛЬСКИХ И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

R. Arimenova

Buryat State University

SEMANTICS AND GENUS-SPECIFIC RELATIONS OF "ANIMAL NAMES" (BASED ON THE MONGOLIAN AND RUSSIAN LANGUAGES)

Аннотация. В статье сделана попытка выявления семантики и родо-видовых отношений «Названий животных» в сопоставительном плане в монгольских и русском языках с привлечением старописьменного монгольского языка на примере следующих микрогрупп – название лошади, коровы, овцы, козы и верблюда. Анализ материала помог выявить, что общими для большинства микрогрупп являются признаки «пол» и «возраст», что в полной мере обусловлено внеязыковой действительностью, а именно биологическими различиями живых организмов.

Ключевые слова: семантика, животное, дифференцированный признак (ДП), вид, пол, возраст.

Abstract. In the article the author made an attempt to clarify the semantics and genus-specific relations of «animal names» in comparative analysis of the Mongolian and Russian languages with the references to the Old Mongolian language on the example of the following microgroups: names of horses, cows, sheep, goats and camels. The analysis of the material helped to reveal that the most common signs of microgroups are «gender» and «age», this was fully caused by the extra-linguistic reality, namely, by biological differences of living organisms.

Key words: semantics, animal, differentiated feature (DF), species, gender, age.

Высший уровень абстракции в ЛСГ «Названия животных» проявляется в слове *адгуус* [ан] (ср. стпмя. *adu'ūsun* ~ *adūsun*) – животное. Слово имеет значения: «1. Всякое живое существо, исключая растения. 2. Разг. О человеке грубом, с низменными инстинктами и т. п.» [МАС, т. 1, 1981, с. 483]. В словаре С.И. Ожегова животное — «1. Живой организм, существо, обладающее способностью двигаться и питающееся, в отличие от растений, готовыми органическими соединениями. 2. Такое живое существо в противоположность человеку. 3. Перен. О грубом, неразвитом и неумном человеке» [Ожегов С. И., 1989, с. 105].

Как видим, на языковом уровне (что совпадает с научным взглядом) животные, с одной стороны, выделяются по признакам «характер питания» и «способность к передвижению»,

которые являются интегральными, объединяющими всех животных, и дифференциальными, противопоставляющими подцарство животных подцарству растений в царстве живых организмов природы. Данное противопоставление закреплено в языке не только на лексическом, но и на грамматическом уровне: животные принадлежат к одушевлённым, иначе говоря, входят в смысловую сферу «кто», определяются как существа, в противоположность растениям, относящимся к разряду неодушевлённых существительных. С другой стороны, внутри смысловой сферы «кто» животные противопоставлены человеку по признаку отсутствие / наличие мышления, речи, способности создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда. Ср. человек – «1. Живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда» [МАС, т. 4, 1984, с. 659.]

На следующей ступени абстракции все животные группируются на основании семантического ДП «тип животного». В монгольских языках, так же как в русском языке, все животные подразделяются на млекопитающих (монг. *хөхтөн*), птиц (монг. *шувуу* [н]), рыб (монг. *загас*), насекомых (монг. *хорхой шавьж*), пресмыкающихся (монг. *хэвлээр явагч*, *хэвтээ явагч*) и земноводных (монг. *хоёр газар ба ус нутагтан*).

Итак, в качестве родового наименования носителями языка используется слово *адгу-ус* [ан] (стпмя. *adu'usun* ~ *adusun*) – животное. На данной ступени все названия млекопитающих животных объединяются в две РВПг более узкого объёма — «Тэжээмэл амитанай нэрэ» – «Названия домашних животных» и «Зэрлиг амитанай нэрэ» – «Названия диких животных», которые противопоставляются друг другу по ДП «характер обитания».

По ДП «пол» имеет место бинарная семантическая оппозиция, которая выражается в монгольских языках словом *эр амьтан* – самец [(«Особь мужского пола». [МАС, т. 4, с. 1984, 16] и *эм амьтан* – самка = самочка

(«Особь женского пола» [МАС, 4, 1984, 16]). Данные лексемы являются общими наименованиями для всех животных, семантический признак «вид животного» нейтрализован. Внутри микрогрупп общий семантический признак «пол» может конкретизироваться семантическим признаком «вид животного». Данный семантический признак образует родо-видовые парадигмы:

эр амьтан – самец // *буха* – бык / *азарга* – жеребец / *эрэ гахай* – кабан = *азарган гахай* – хряк;

эм амьтан – самка // *үнеэн* – корова / *гүүн* – кобыла / *эмэ гахай* – свиноматка / *эмэ нохой* – сука = *үлэгшэн* – сучка.

ДП «возраст» актуализируется в противопоставлении *взрослая особь* – *детёныш*. Первый член данной оппозиции не имеет отдельного наименования и выражается словосочетанием «взрослая особь». Второй член данной семантической оппозиции реализуется в языке общерусским словом *детёныш* — «Молодое животное, находящееся при матери» [МАС, т. 1, 1981, с. 393], также являющимся общим для всех видовых животных. Внутри микрогрупп данный признак конкретизируется семантическим признаком «вид детёныша». Этот признак образует родо-видовую парадигму:

Гүлгэн – *детёныш* // *тугал* – *телёнок* / *унаган* – *жеребёнок* / *гахайн гүлгэн*, *поршоонхо* – *поросянок* / *инзаган* – *олёнок* / *баабгайн хубуун* – *медвежёнок*.

«Тэжээмэл амитанай нэрэ» – «Название домашних животных» возглавляется наименованием *мал*, *адагуусан* – домашнее животное (ср. монг. *мал*, *адуу мал*, калм. *мал*, *аһурсн*, стпмяз. *adusun*).

Также в рассматриваемых языках в качестве родовых могут функционировать лексемы *скот* и *скотина* – *мал*, *адуу(н) маал*, имеющие следующие значения: «1. Собира. Четвероногие домашние сельскохозяйственные животные. 2. Прост. презр. О грубом, низком, подлом человеке» [МАС, т. 4, 1984, с. 119]. Отсюда *малишан*, *мал харадаг хүн* – человек, который ухаживает за домашним ско-

том (ср. монг. *малчин* – скотовод, калм. *малч*, стпмяз. *malčin*).

Буряты, как правило, разводили пять видов скота – *табан хушуун мал*: **лошадей** – *морин*, *адуу* (ср. монг. *морь*, *адуу*, калм. *мөрн*, стпмяз. *tori*), **коров** – *үхэр* (ср. монг. *үхэр*, калм. *үкр*, стпмяз. *üker*), **овец** – *хонин* (ср. монг. *хонь*, *хонин*, калм. *хөн*, стпмяз. *qoni*), **коз** – *ямаан* (ср. монг. *ямаа*, калм. *яман*, стпмяз. *imaуan*), **верблюдов** – *тэмээн* (ср. монг. *тэмээ*, стпмяз. *temēn*).

Кроме этого, домашний скот делят на животных с «горячим дыханием» – *халуун хушуутай мал* (ср. монг. *халуун хошуутай мал*, калм. *халун хошу мал*) — овцы и лошади — и животных с «холодным дыханием» – *хүйтэн хушуутай мал* (ср. монг. *хүйтэн хошуутай мал*, калм. *киитн хошут мал*) — крупный рогатый скот, козы. Нужно отметить, что мясо первой группы считалось более полезным и престижным [Жамбалова, с. Г. 1991, с. 75].

Наименьшими вкусовыми и питательными качествами обладала *ямаанай мяхан* – козлятина. Но, тем не менее, она являлась дополнительным ресурсом в пополнении мясного баланса.

Ценными питательными свойствами обладает *мориной мяхан* – конина. Несмотря на специфический вкус, она особо ценится в холодное время, так как её жир не застывает и легко усваивается организмом.

Итак, видовые члены данной РВГ представлены следующими микрогруппами: 1. Названия лошади. 2. Названия коровы. 3. Названия овцы. 4. Названия козы. 5. Названия верблюда. Микрогруппы противопоставлены по ДП «вид животного».

1. Микрогруппа «Названия лошади».

Общее название лошади – *морин* (ср. монг. *морь*, *адуу*, калм. *мөрн*, стпмяз. *tori*). Лексема *лошадь* общерусская, в МАС зафиксировано значение: «Крупное домашнее животное, используемое для перевозки людей, грузов и т. п.» [МАС, т. 2, 1983, с. 202]. В монгольских языках имеет то же значение.

Семантическая оппозиция по ДП «пол» в данной микрогруппе реализуется лексема-

ми *азарга* (ср. монг. *азарга* (н), калм. *ажрһ*, стпмяз. *ajiry-a*) – жеребец и *гүүн* (ср. монг. *гүү* (н), калм. *гүн*, стпмяз. *kegüi*) – кобыла пяти лет и старше. Общерусская лексема *мерин* — «Кастрированный жеребец» [МАС, т. 2, 1983, с. 253] – маркирована дополнительным семантическим признаком «кастрированный», находится в родо-видовой связи со словом *жеребец*.

Жеребец – *азарга* — общерусское слово имеет значение: «Самец лошади» [МАС, т. 1, 1981, т. 478], то есть буквально — начинающий процесс жеребости кобыл, в результате которого на свет появляются жеребята.

Кобыла – *гүүн* — общерусское слово имеет значение: «Самка лошади» [МАС, т. 2, 1983, с. 155]. Можно предположить, что в глубокой древности *ko blyu* — имело буквальное значение «как женщина» «подобная женщине».

ДП «возраст» реализуется в лексеме *унаган* (ср. монг. *унага* (н), калм. *унһн*, стпмяз. *инау-а*) жеребёнок до года — «Детёныш лошади» [МАС, т. 1, 1981, с. 478]. Интересно, что слово жеребёнок используется только применительно к лошадям, для других же звериных малышей используются слова *детёныш*, *щенок*, *ягнёнок*, *телёнок*. В данной микрогруппе по этому признаку противопоставлена остальным лексема *жеребёнок*.

Также зафиксированы следующие половозрастные названия лошадей: **дааган** – жеребёнок до двух лет (ср. монг. *даага*(н), калм. *дааһн*, стпмяз. *day-a*); **гунан** – жеребёнок по третьему году (ср. монг. *гунна* (н) *азарга*, калм. *ажрһ үһэ*, стпмяз. *уинап айры-а*); **шүдэлэн** – самка до трёх лет (ср. монг. *шүдэлэн*, калм. *шүдэлсн*, стпмяз. *šidüleng*); **хизаалан** – кобыла четырёх лет (ср. монг. *хязалан*, калм. *туулн*, стпмяз. *kijayalan*); **хоёлон** – жеребец четырёх лет (ср. монг. *соёолон*, калм. *soyolang*, стпмяз. *soyolang*); **хуушан хоёлон** – лошадь по седьмому году (ср. монг. *хуучин соёлон*, калм. *қауишн сойоланг*); **ехэ морин** – взрослый конь (ср. монг. *их насны морь*, калм. *ик насна мөрн*, стпмяз. *yeke nasan-u morin*).

По ДП «способность давать потомство» лошадь в монгольских языках называют *уна-*

галха – жерёбая. Лексема является диалектным вариантом литературного слова *жрёбая*, отмеченного в МАС со значением: «Беременная (о кобыле, ослице, верблюдице)» [МАС, т. 1, 1981, с. 478]. *Байтаһан* – яловая кобылица, которую откармливали на удой (ср. монг. *байдас*, калм. *хусрн*, *сувраха гүн*).

Существует ряд терминов, связанных с различным хозяйственным использованием лошади: *унаха морин* – конь для верховой езды (ср. монг. *унааны морь*, калм. *унаһин мөрн*); *жороо*, *жороо морин* – конь-иноходец (ср. монг. *жороо морь*, калм. *жора мөрн*); *агта морин*, *агта хүлэг* – конь-бегунец (ср. монг. *агт морь* – мерин, *хөлөг* – конь-лошадь, экипаж высокопоставленного лица, калм. *агт*, *гүүһэч*), в целях закалывания такого коня обычно выдерживают на холоде, *хойхо* – выдерживать на холоде (ср. монг. *морь сойх*, калм. *сөөх*).

Необъезженного коня называют *азарга*, *эмниг*, *үрээ* – лошадь трёх-четырёх лет (ср. монг. *эмнэг морь*, *сургаагүй морь*, калм. *эмнэг мөрн*). Процесс обучения необъезженного коня называют *мори хургаха* – объезжать коня (ср. монг. *морь сургах*, *эмнэг сургах*, калм. *мөр сурһх*).

Как правило, лошадей держат табунами – *адуун*. Каждый табун делится на пять или шесть косяков – *азаргын адуун* (ср. монг. *азарга адуу*, калм. *ажрһ адун*). Главой каждого косяка является жеребец-производитель – *азарга* (ср. монг. *азарга*, калм. *ажрһ*), который был крупнее и сильнее остальных лошадей.

2. Микрогруппа «Названия коровы».

Общим названием коровы или быка служит слово *үхэр* (бур. *үхэр*, монг. *үхэр*, калм. *үкр*, стпмяз. *üker*) Дойную корову называют *үнеэн* (бур. *үнеэн*, *үнеэн үхэр* монг. *үнээ*, калм. *үнэн*, стпмяз. *üniyen*), а также *үхэр*.

Считается, что слово *корова* является производным от основы *hor* в значении «солнце». В славянских языках *хор* (*хоро*) — «солнце» является синонимом значения «бык» и *корова* (*хорова*), сформировано от названия *хор* по аналогии образования женских имён от мужских: Клавдий — Клавдия (жена), Юлий — Юлия (жена), Хор — Хорова

(жена). В семантическое поле слов *хор* и *корова* вошли такие слова, как *туша*, *тучный*. *Тукъ* → *тучнетъ* — в древнерусском «жир», «сало», «делаться толстым, жирным».

Семантическая оппозиция по ДП «пол» в данной микрогруппе реализуется следующими лексемами: *үхэр* – бык; *буха* – бык-производитель; *сар*, *амба саар* – кастрированный бык и *үнеэн*, *үхэр* (*корова*).

Бык – *буха* — «1. Домашнее рогатое животное, самец коровы и некоторых других пород рогатого скота. 2. Мн. ч. зоол. Название подсемейства крупных жвачных млекопитающих, к которому относится тур, бизон, зубр и пр.» *Корова* – *үхэр*, *үнеэн* — «Крупное домашнее молочное животное, самка быка» [МАС, т. 2, с. 106; т. 1, с. 129].

У бурят выработаны различные половозрастные названия крупного рогатого скота: *тугал* – телёнок до года (ср. монг. *тугал*, калм. *туһл*); *хашиараг* – телёнок до двух лет (ср. монг. *хашираг* – двухгодовалый, калм. *qasiray*); *буруун* – телёнок от двух до трёх лет (ср. монг. *бярүүн* – двухгодовалый телёнок, калм. *бүрү*, *зусг*); *гунан* – трёхлетний, о самце крупного домашнего животного (ср. монг. *гунна* – трёхлетний бычок; трёхлетний тигр, калм. *һун*); *гунжан* – трёхлетняя телка (ср. монг. *гунж* – трёхлетняя корова, *гунжин* – трёхлетняя – о самке крупного домашнего животного, калм. *һунжн*); *дүнэн* – четырёхлетний бык (ср. монг. *дөнө* – четырёхгодовалый бык, калм. *дөнн*); *дүнжэн* – четырёхлетняя телка (ср. монг. *дөнж* – четырёхгодовалая корова, калм. *дөнжн*).

Слователёнок-*тугал* – «Детёныш коровы // детёныш оленя, лося и некоторых других крупных парнокопытных животных», телок – *буруу* (*н*) («Разг. Телёнок, молодой бычок» [МАС, т. 4, 1984, с. 348] общерусские. Лексема *сосунок*, являясь собственно диалектным, в данной парадигме передаёт последовательную градацию названий детёнышей по признаку «возраст». *Сосунок* – телёнок первого года жизни.

Буряты издавна держали крупный рогатый скот, который был основным источ-

ником пропитания. Корова — важное животное в домашнем хозяйстве. Сознание носителей языка направлено на то, чтобы отразить в названиях наиболее важные для хозяйства свойства животного: способность давать молоко, способность рождать потомство. Кроме того, скот давал шкуру, кожу и шерсть.

Молочные продукты – *цагаан идээ* и мясо – *мах* составляли основное питание монголов. По признаку «способность давать молоко» корову называют: *молочная корова* (*хүтэй үнээн*) – дойная корова, дающая много молока. Молочные продукты у всех монголоязычных народов относятся к тем блюдам, с которых начинается всякое угощение гостей и праздничный приём. По обычаю, молоком и молочной пищей, встречают гостей – *сагаалха*, то есть отведать угощения из молока. Для всех монголоязычных народов белый цвет олицетворяет благородство, поэтому часто молоко используют в сакральных и ритуальных ситуациях.

Продукт, получаемый от коров, называется *сүү*, *сүүн*, *хүү* – молоко (ср. монг. *сүү*, калм. *үсн*, стпмяз. *sün*).

Все молочные продукты, изготавливаемые в хозяйстве бурят и монголов, делятся на скоропортящиеся и долгохранящиеся. К первым относятся сметана – *сүсэги* (ср. монг. *цөцгий*, калм. *үсн өрм*, стпмяз. *čöčög*), пенки – *үрмэн* (ср. монг. *өрөм*, калм. *өрм*, стпмяз. *örüm-e*), простокваша – *тараг*, *ээдмэг* (ср. монг. *тараг*, калм. *ээдрсн үсн*, стпмяз. *taray*), пресный мягкий сыр – *бислаг* (ср. монг. *бяслаг*, калм. *башилиг*, *бишилиг*, *башлаг*, стпмяз. *bisilay*). К долгохранящимся продуктам относятся все виды масла и разные виды сушёного творога: *хурууд* – спрессованный творог (ср. монг. *хурууд*, калм. *хурсн*, стпмяз. *qurud*), *айруул*, *айрхан* – сушёный творог (ср. монг. *ааруул*, калм. *шуурмаг*, стпмяз. *ayaruul*), *аарса* – творог, приготовленный из свежезаквашенного молока (ср. монг. *аариц*, калм. *аариц*, стпмяз. *ayarč*), *ээзгэй* – самодельный сыр, творог (ср. монг. *ээзгий*, калм. *ээзгэ*, стпмяз. *egejegei*, *ejegei*).

Нужно отметить, что также известны несколько сортов топлёного масла: *шара тоһон* (ср. монг. *шар тос*, калм. *шар тосон*, стпмяз. *tosun*) – более жирное, жёлтое по цвету и *сагаан тоһон* (ср. монг. *цагаан тос*, *айргийн тос*, калм. *үнэ тосн*, *өрмин тосн*, стпмяз. *tosun*) – менее жирное, белое.

В первые два дня после отёла коров доят молозиво – *уураг* (ср. монг. *уураг*, калм. *уург*, стпмяз. *uuraγ*), которое используют для приготовления лепёшек – оладий.

Не меньшее значение, чем молоко и молочные продукты, в рационе монголоязычных народов имело мясо. Общее название мяса – *мяхан* (ср. монг. *мах*, калм. *махн*, стпмяз. *tiqan*). В пищу употребляли мясо всех пяти видов животных: *үхэрэй мяхан* – говядина (ср. монг. *үхрийн мах*, калм. *үкрэ махн*, стпмяз. *üker – ün tiqan*); *адуунай мяхан* – конина (ср. монг. *адууны мах*, калм. *адууна махн*, стпмяз. *adauin – u tiqan*); *хониной мяхан* – баранина (ср. монг. *хонины мах*, калм. *хөөнэ махн*, стпмяз. *qonin – u tiqan*); *ямаанай мяхан* – козье мясо (ср. *ямааны мах*, калм. *ямана махн*, стпмяз. *itayun – u tiqan*).

Из внутренностей использовали: печень – *эльгэ (н)* (ср. монг. *элэг*, калм. *элкн*, стпмяз. *eli-gen*); сердце – *зүрхэ (н)* (ср. монг. *зүрх (эн)*, калм. *зүркн*, стпмяз. *jirüke*); внутренний жир – *өөхэ(н)* (ср. монг. *өөх (өн)*, калм. *өөкн*, стпмяз. *ökegü*); почки – *бөөрэ* (ср. монг. *бөөр(өн)*, калм. *бөөр*, стпмяз. *böger-e*); толстую кишку – *хоишхоног* (ср. монг. *хоишного*, калм. *хотрха*, стпмяз. *qošginaγ*); тонкие кишки – *нарин гэдэһэн* (ср. монг. *нарийн гэдэс*, калм. *нрн гесен*, стпмяз. *narin gedes*); сычуг – *хото* (ср. монг. *ходоод*, калм. *хот*, стпмяз. *qotoy-oti*).

Также использовали кровь – *шуһан* (ср. монг. *цус*, калм. *цусн*, стпмяз. *čisun*), которой наполняли кишки и получали *хотын шуһан* – кровь, сваренная в сычуге (ср. монг. *ходоодны цус*, калм. *хотын цусн*, стпмяз. *qotoyotun – u čisun*). Или по-другому называли домашней кровяной колбасой.

Варили также голову – *толгой* (ср. монг. *толгой*, калм. *толһа*, стпмяз. *toluyai*) и язык – *хэлэ (н)* (ср. монг. *хэл*, калм. *келн*, *kelin*).

По признаку «способность давать потомство» корову называют яловая и стельная. В бурятском языке корову, оставшуюся без телёнка, выражают лексемой *хюһаран*,; *һубай үнээн* (ср. монг. *сувай үнээ*, *хусран үнээ*, калм. *суврха үкр*, стпмяз. *subai üniien*) – яловая. Слово родственно праславянскому «*jalovъсь*» и применительно к животному в вариантах *яловая*, *ялова*, *яловъ* в значении «незрелый», «бесплодный», яловая корова — «молодая», «незрелая», позже «не осеменённая». По мнению этимологов, «*jalovъсь*» возможно семантически близко со словом *алый* — «красный», и попадает в общее семантическое поле с такими понятиями, как *красная девица*, *красная невеста*, *созревшая для замужества* [Лебедев И.Г., 2006, с. 84].

Лексема *стельная* – *тугалха* — общерусская, имеет значение: «Вынашивающая в себе плод (о корове, слонихе, буйволице)» [МАС, т. 4, с. 260].

Процесс доения коровы носит название *үхэр хааха*, *үнеэ хааха* (ср. монг. *үхэр саах*, *үнээ саах*, калм. *үкр саах*, стпмя. *üker, üniyen sayaqi*).

Кроме того, по признаку «качество, истонное или приобретённое состояние» корову называют *блудливая*. Слово образовано от общерусского глагола *блудить* – «Прост. блуждать, плутать» [МАС, т. 1, с. 99].

В монгольском языке для обозначения возраста женского пола употребляют аффикс – *ж*. Например: *гунж* – трёхлетняя корова, *дөнж* (ин) – четырёхгодовалая корова.

3. Микрогруппа «Названия козы».

Козу называют словом *ямаан* (ср. монг. *ямаа* (н), калм. *яман*, стпмя. *itayan*).

По ДП «пол» выделяются *тэхэ бабана* – домашний козёл-производитель (ср. монг. *ухна*, *бавнаа*, калм. *тек*, *бавл*, *бавл*, стпмяз. *uqin-a*, *babana-a*), а дикий – *тэхэ* (ср. монг. *тэх*, калм. *тек*, стпмяз. *teke*). Дикого козла называют *ямаан гүрөөһэн* (ср. монг. *зэрлэг ямаа*, калм. *зэрлг яман*, стпмяз. *jerlig itayan*). Домашнюю самку-козу называют *эмэ ямаан* (ср. монг. *эм ямаа*, калм. *эм яман*, стпмяз. *ете-е itayan*), а дикую – *эмэ ямаан гүрөөһэн* (ср.

монг. *зэрлэг эм ямаан*, калм. *зэрлг эм яман*, стпмяз. *jerlig ete – e itayan*). Для улучшения вкуса мяса козлов обычно кастрируют и называют *һэрхэ* (ср. монг. *сэрх*, калм. *серк*).

По ДП «возраст» актуализируется лексема *эшэгэн* – козлёнок до года (ср. монг. *ишиг*, калм. *ишк*, *бавл*, стпмяз. *isige*).

4. Микрогруппа «Названия овцы».

Материальная культура монголоязычных народов во многом была связана и с овцеводством.

Общим названием для овцы является слово *хонин* (ср. монг. *хонь*, калм. *хөн*, стпмяз. *qoni*).

По ДП «пол» в данной микрогруппе противопоставлены *хуса* – баран-производитель (ср. монг. *хуц*, калм. *хуц*, стпмяз. *qis'a*) и *зуһаг*, *эмэ хонин* – овцематка (ср. монг. *эм хонь*, калм. *эм хөн*, стпмяз. *ete – e qoni*).

ДП «возраст» реализуется в лексеме *хурьган* – ягнёнок до года (ср. монг. *хурга* (н), калм. *хурһн*, стпмяз. *quriy-a*). *Түлгэ* – ягнёнок одного года (ср. монг. *төлөг*, калм. *зусг хөн* – двухлетняя овца, стпмяз. *tölüge*).

В русском языке слово *баран* имеет также значение «самец овцы». Этимология названия не ясна и считается трудной, в связи с присутствием в слове корней «*bar, ber*». Есть мнение, что слово *баран* является звукоподражательным, копирующим характерный звук «брр и берр», издаваемый животными [Фасмер М., т. 1, 1996, с. 78]. Следует обратить внимание на то, что, во-первых, у слова *баран* отсутствует производное женского рода. Например, в старославянском *овень* — «баран», *овца* — «самка барана». Во-вторых, как отмечает словарь Срезневского, *барань* (боран) в значении «овечий самец» близко с *боровъ*, а также с *барати*, *бараю*, от *бороти* «бороться», «овладевать» и *барание* — «борение», «борьба» [Срезневский И.И., т. 1, с. 1893, 25]. Таким образом, название *баран* приобретает значение «овладевающий», «создающий беременность».

5. Микрогруппа «Названия верблюда».

Общим названием для верблюда является слово *тэмээ*, *тэмээн*. По ДП «пол» противо-

поставлены лексемы *буура* – верблюд-самец и *энги тэмээн, эмэ ногоон, энье*-верблюдица.

По ДП «возраст» остальным противопоставлены лексемы *ботогон, ботого* – верблюженок.

Таким образом, семантические и родо-видовые отношения зависят от многих факторов, главным образом, внелингвистического характера. Как известно, животные обладают рядом свойств и качеств, что вследствие общей тенденции к детализации находит своё отражение на лексическом уровне. К таким признакам-качествам относятся: биологические особенности животных, особенности их поведения, особенности хозяйственного использования и др. Подробно разработанная система терминологии для различения животных по половозрастному признаку свидетельствует о древности существования в культуре монгольского народа экстенсивного скотоводства с совместным содержанием животных разных возрастов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бардаев Э.Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология. – Элиста, 1985. – 325 с.
2. Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. – Новосибирск, 1991. – 400 с.
3. Лебедев И.Г. Значение и происхождение русских названий зверей России и сопредельных государств. – М., 2006. – 416 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1989. – 750 с.
5. Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. – М., 1938. – 452 с.
6. Рассадин В. И. Некоторые проблемы этимологизации слов монгольского языка // VII международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1997 г.): Доклады российской делегации. – М., 1997. – С. 151-153.
7. Словарь русского языка (МАС): В 4-х т / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: 1981 – 1984. Т. 1. – 698 с., т. 2. – 736 с., т. 3 – 749 с., т. 4. – 794 с.
8. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. – СПб., т. 1. – 1893. – 771 с., т. 2. – 1895. – 919 с.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., т. 1, 1986. – 573 с.
10. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973. – 107 с.

УДК 811.161.1:81'366

Веденеева М.А.

*Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых*

**КОНФИКС И КОНФИКСОИД КАК ОСОБЫЕ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ФОРМАНТЫ ПРИСТАВОЧНО-
СУФФИКСАЛЬНОГО И СЛОЖНОСУФФИКСАЛЬНОГО
СПОСОБОВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ**

M. Vedeneyeva

Alexander and Nikolay Stoletov Vladimir State University

**CONFIX AND CONFIXOID AS SPECIAL DERIVATIONAL FORMANTS OF
PREFIX-SUFFIXAL AND COMPOUND-SUFFIXAL WAYS
OF WORD-FORMATION**

Аннотация. Данная статья посвящена соотношению понятий *конфигкс* и *конфигксид* как одних из ключевых компонентов корреляции *аффикс-аффиксид*. В статье рассматриваются особенности *конфигксов* и *конфигксидов* как особых словообразовательных формантов приставочно-суффиксального и сложноссуффиксального способов словообразования. Результаты сопоставительного анализа *конфигкса* и *конфигксид* позволяют говорить об изоморфизме рассматриваемых единиц в структурном и функциональном плане, что даёт основание для признания *конфигксид* в качестве самостоятельного форманта при сложении.

Ключевые слова: приставочно-суффиксальный способ словообразования, сложноссуффиксальный способ словообразования, словообразовательный формант, *аффикс*, *конфигкс*, *аффиксид*, *конфигксид*.

Abstract. The article focuses on the relation of concepts «confix» and «confixoid» as the key components of the correlation «affix-affixoid». In the article the features of confixes and confixoids as special derivational formants of prefix-suffixal and compound-suffixal ways of word formation are considered. The results of comparative analysis of confix and confixoid allow to speak about isomorphism of the given units in the structural and functional aspects, which provides a basis for recognition of confixoid as an independent formant in the word formation.

Key words: a prefix-suffixal way of word formation, a compound-suffixal way of word formation, a derivational formant, an affix, a confix, an affixoid, a confixoid, a derivational meaning.

Вопрос о соотношении *аффиксов* и *аффиксидов* в современном русском языке является весьма актуальным, поскольку существует много спорных вопросов, связанных с данными понятиями. Вопросы касаются, прежде всего, выявления типов словообразовательных формантов, которые являются составляющими понятий *аффикс* и *аффиксид*. Под словообразовательным формантом понимают «наименьшее в звуковом и в семантическом отношении словообразовательное средство (средства) из числа тех, которыми мотивированное слово отличается от своих мотивирующих» [7, с. 41] и с помощью которого выражается словообразовательное значение. Ясно одно, что *аффиксы* – это словообразовательные форманты, характерные для *аффиксальных* способов словообразования, а *аффиксиды* – это словообра-

зовательные форманты, подобные аффиксам и характерные для слов со сложными основами.

Среди аффиксов выделяется несколько типов словообразовательных формантов: префикс при префиксальном способе (*пре-мудрый* ← *мудрый*), суффикс при суффиксальном способе (*волчонок* ← *волк*) и конфикс при смешанных способах словообразования (*бездарный* ← *дар*). Наибольший интерес представляет словообразовательный формант смешанных способов словообразования – конфикс, который в широком смысле представляет собой словообразовательный формант, состоящий из несмежно расположенных разных аффиксов: *бес-стыд-ник* ← *стыд* (конфикс *бес-...-ник*), *на-гулять-ся* ← *гулять* (конфикс *на-...-ся*), *гнезд-и-ть-ся* ← *гнездо* (конфикс *-и-...-ся*), *при-лун-и-ть-ся* ← *луна* (конфикс *при-...-и-...-ся*). В данной статье мы остановимся на понятии конфикса как деривационного форманта приставочно-суффиксального способа.

Конфикс как особый словообразовательный формант приставочно-суффиксального способа «осложняет основу производящего слова в пре- и постпозиции» [1, с. 101], т. е. конфикс имеет прерывистую структуру: *а-ритм-и[j-a]* ← *ритм* (конфикс *а-...-иj-*), *за-мор-ск-ий* ← *море* (конфикс *за-...-ск-*). Составные части конфикса «ведут себя аналогично префиксу и суффиксу: наблюдаются те же морфонологические явления на морфемном шве» [13, с. 249]. Это такие явления, как чередование (*берег* → *при-бреж-н-ый*, чередование *г//ж*), усечение (*глубокий* → *у-глуб-и-ть*) и наращение (*служить* → *со-служи[в'-э]и*). Кроме того «морфы, репрезентирующие первую и вторую часть конфикса, имеют такой же набор алломорфов и те же правила их выбора, которые характерны для соответствующих отдельно взятых префиксов и суффиксов» [13, с. 249]: префиксальные алломорфы *с-/со-* со значением совместности, совокупности (*с-пут-ник*, *со-камер-ник*), суффиксальные алломорфы *-ств-/эств-* (*противо-бор-ств-о*, *со-дру[ж-э]ств-о*),

-ацйj-/изацйj- (*ин-капсу[л'-а]циj-a*), *де-гуман-изацйj-a*)).

Составные части конфикса участвуют в едином словообразовательном акте. Это подтверждается тем фактом, что присоединение префикса к производящей основе требует одновременного, а не последовательного присоединения суффикса и употребление новообразований без одной из этих словообразовательных единиц невозможно: *со-цвет-и[j-э]* ← *цвет* (не существует слов *соцвет* и *цветие*), *без-рук-и-й* ← *рука* (не существует слов *безрук* и *рукий*).

С помощью конфикса выражается словообразовательное значение мотивированного слова, которое передаётся двумя аффиксальными морфемами. Причём каждая часть конфикса выполняет свою функцию.

Суффиксальная часть конфикса при приставочно-суффиксальном способе словообразования оформляет частеречную принадлежность слова [10; 13, с. 252] и выполняет функцию показателя основного словообразовательного значения. Так, при образовании имён существительных приставочно-суффиксальным способом в качестве суффиксальной части конфикса используются суффиксы *-ник-*, *-ок-*, *-иj-* и др., которые «выполняют классификационную роль показателя названия предмета, лица или абстрактного понятия» [13, с. 251]: *под-дон-ок* (значение названия предмета, показатель суффикс *-ок-*), *бес-стыд-ник* (значение названия лица мужского пола, показатель суффикс *-ник-*), *между-царств-и[j-э]* (значение абстрактного понятия, показатель суффикс *-иj-*). При образовании имён прилагательных приставочно-суффиксальным способом в качестве суффиксальной части конфикса используются суффиксы *-н-*, *-тельн-*, *-ов-*, *-ск-* и др., которые относят мотивированные слова к разряду относительных прилагательных и являются средством выражения значения признака лица или предмета: *под-куполь-н-ый*, *небез-основа-тельн-ый*. При глагольном образовании используются суффиксы *-и-*, *-э-*, *-ива-*, *-ну-* и др. (*обез-жир-и-ть* ← *жир*,

по-кач-ива-ть ← *качать*, **вз-дрем-ну-ть** ← *дремать*). Суффиксы приставочно-суффиксальных глаголов являются показателем переходности или непереходности глаголов [13, с. 252]. Например, суффикс **-э-** является показателем непереходности глаголов (**по-краси[в'-э]-ть** ← *красивый*), суффикс **-и-** – показателем переходности глаголов (**при-губ-и-ть** ← *губа*). Кроме того, глагольные суффиксы являются показателями вида. Например, суффикс **-ива-** – показатель несовершенного вида (**раз-гул-ива-ть** ← *гулять*), а суффикс **-ну-** – показатель совершенного вида глаголов (**вс-плак-ну-ть** ← *плакать*). При образовании наречий приставочно-суффиксальным способом в качестве суффиксальной части используются такие суффиксы, как **-а**, **-о**, **-ому** и др. (**с-лев-а** ← *левый*, **в-прав-о** ← *правый*, **по-садов-ому** ← *садовый*). Суффиксы наречий являются показателями признака действия.

Префиксальная часть конфикса в большинстве случаев омонимична предлогам, производные в данном случае соотносятся с предложно-падежными сочетаниями: **без-вер-и[j-э]** – *без веры*, **за-окон-н-ый** – *за окном*. В некоторых случаях префиксальная часть конфикса омонимична отрицательной частице **не**: **не-исцел-им-ый** – *не исцелить*. Также существуют такие приставочно-суффиксальные новообразования, префиксальная часть конфикса которых не соотносится ни с одним из предлогов русского языка: **па-сын-ок** ← *сын*, **су-кров-иц-а** ← *кровь*, **пере-смен-к-а** ← *смена*.

Префиксальная часть конфикса при приставочно-суффиксальном способе словообразования несёт уточняющую семантическую нагрузку, т. е. выполняет функцию конкретизатора (модификатора) основного словообразовательного значения. Например, существительное *наколенник*, образованное от имени существительного *колени* при помощи конфикса **на-...-ник-**, где суффикс **-ник-** является средством выражения основного словообразовательного значения предмета, а префикс **на-** уточняет нахождение предмета

в пространстве (на поверхности чего-либо), имеет общее словообразовательное значение 'предмет, находящийся или предназначенный для нахождения на поверхности того, что названо мотивирующим именем существительным' [2, с. 272]. При помощи префиксов могут выражаться такие значения, как: 1) пространственное значение: **под-берёзовик**, **внутри-мышеч-н-ый**; 2) временное значение: **пред-гро[з'-j-э]**, **после-воен-н-ый**; 3) значение отсутствия или отрицания: **без-вкус-иц-а**, **не-вер-и[j-э]**; 4) значение противоположности: **а-лог-изм**, **анти-грипп-ин**; 5) значение совместности или совокупности: **со-курс-ник**, **со-звуч-н-ый**; 6) значение подчиненности или нахождения в ведении кого-либо: **под-масте[r'-j-э]**, **под-суд-н-ый**; 7) значение подобия: **па-сын-ок**, **па-дщер-иц-а**; 8) значение дополнительности: **пра-зелен'-о**, **су-глин-ок**; 9) значение происхождения: **от-себя-иц-а**, **от-глаголь-н-ый**; 10) значение неспособности совершения действия или невозможности подвергнуться действию: **не-вынос-им-ый**, **не-дотрог-о-а**; 11) значение измерения, распределения в соответствии с чем-либо: **по-силь-н-ый** (распределение по силам); 12) значение лишения, удаления: **обез-жир-и-ть**; 13) значение присоединения, приближения, прикрепления к чему-либо: **при-земл-и-ть**; 14) значение наделения признаком в какой-либо степени: **пере-сол-и-ть**; 15) значение приобретения признака: **по-красив-е-ть**; 16) значение изменения количественного признака: **у-десятер-и-ть**; **в-тр-о[jэ]** (увеличить в *три* раза); 17) значение неоднократного проявления признака: **по-долг-у** и др.

Таким образом, конфикс – это особый словообразовательный формант приставочно-суффиксального способа словообразования, представляющий собой функциональное единство префикса и суффикса, в котором суффиксальная часть определяет частеречную семантику мотивированного слова и является средством выражения общего словообразовательного значения (лица, предмета, абстрактного понятия, признака и

т. д.), а префиксальная часть играет роль конкретизатора общего словообразовательного значения.

Если вопрос о конфликте как особом словообразовательном форманте приставочно-суффиксального способа практически решён единогласно, то вопрос об определении словообразовательного форманта сложноссуффиксального способа вызывает споры среди лингвистов.

Сложноссуффиксальный способ словообразования – это смешанный способ словообразования, при котором новые «слова создаются в результате объединения двух основ, сопровождающегося одновременным присоединением суффикса к той, которая является опорной» [12, с. 275]: *благ-о-дар-н-ый* ← *благо, дарить*; *одн-о-класс-ник* ← *один, класс*. Препозитивная основа и суффикс, подобно префиксу и суффиксу при приставочно-суффиксальном способе словообразования, участвуют в едином словообразовательном акте. Это подтверждается тем фактом, что в большинстве случаев в современном русском языке «отсутствуют соотносительные с анализируемыми словами чистые сложения без конечных суффиксальных морфем и суффиксальные образования без начальных производящих основ» [8, с. 136]: *ссуд-о-да-тель* ← *ссуда, дать* (не существует слов *ссудода* и *датель*); *долг-о-ден-ствова-ть* ← *долгий, день* (не существует слов *долгоден* и *денствовать*).

Участвуя в едином словообразовательном акте, препозитивная основа и суффикс представляют собой особый словообразовательный формант, который, подобно конфликсу, имеет прерывистую структуру и, по аналогии с такими терминами, как *аффиксоид*, *префиксоид* и *суффиксоид*, заслуживает название *конфликсоид* [3; 4; 6]: *бог-о-бо[r’-э]ц* ← *бог, бороться* (конфликсоид *бог-...-эц-*); *зл-о-слов-и-ть* ← *злой, слово* (конфликсоид *зл-...-и-*).

Явление *конфликсоидности* не является общепризнанным, однако употребление термина *конфликсоид* является необходимым. Во-первых, введение понятия *конфликсоид*

позволяет завершить ряд сопоставлений: *аффикс-аффиксоид*, *префикс-префиксоид*, *суффикс-суффиксоид*, *конфликс-конфликсоид* [9]. Во-вторых, «применение термина *конфликсоид* позволило бы более адекватно квалифицировать некоторые факты в системе образования сложных слов» [4, с. 32], особенно в тех случаях, когда в качестве первой части выступают общепризнанные аффиксоиды: *пол-у-шуб-ок*, *сам-о-род-ок*.

Суть конфликсоида, как особого словообразовательного форманта сложноссуффиксального способа словообразования, заключается «в признании комплекса “*препозитивно присоединяемая основа + суффикс*” структурно целостной составляющей композита» [4; с. 34]. Нетрудно заметить, что данный комплекс по своей структуре напоминает другой комплекс – “*префикс + суффикс*”, – характерный для приставочно-суффиксального способа словообразования. Составные части конфликсоида, подобно составным частям конфликта, имеют свои особенности и выполняют определенные функции.

При присоединении суффиксальной части конфликсоида на морфемном шве наблюдаются те же самые морфонологические явления, что и при присоединении суффиксальной части конфликта. Это такие явления, как чередование (*сам-о-ук-ом* ← *самый, учиться*, чередование *к//ч*), усечение (*дв-у-лепест-н-ый* ← *два, лепесток*) и наращение (*тел-о-грей-к-а* ← *тело, греть*). Кроме того, суффиксальная часть конфликсоида так же, как и суффиксальная часть конфликта, оформляет частеречную принадлежность слова и выполняет функцию показателя основного словообразовательного значения. Так, при образовании имён существительных и имён прилагательных сложноссуффиксальным способом в качестве суффиксальной части используются те же самые суффиксы, что и при приставочно-суффиксальном образовании: у имён существительных – суффиксы *-ник-*, *-ок-*, *-иј-* и др., у имён прилагательных – суффиксы *-н-*, *-тельн-*, *-ск-* и др. Суффиксы

в данном случае выполняют функции, аналогичные суффиксам при конфиксации: у имён существительных выражают значение названия предмета, лица или абстрактного понятия (**втор-о-год-ник** – значение лица мужского пола, показатель суффикс **-ник-**), а у имён прилагательных – относят мотивированные слова к разряду относительных прилагательных и являются средством выражения значения признака лица или предмета (**благ-о-дар-н-ый** – значение признака предмета, показатель суффикс **-н-**).

Образование глаголов и наречий сложносуффиксальным способом в целом не характерно для русского языка, однако факты сложения встречаются. В качестве суффиксальной части конфиксоида при образовании глаголов используются суффиксы **-и-**, **-нича-**, **-ствова-** (**мног-о-слов-и-ть**, **низк-о-поклон-нича-ть**, **низк-о-поклон-ствова-ть**). Причём все сложносуффиксальные глаголы являются глаголами несовершенного вида и являются непереходными. В качестве суффиксальной части при образовании наречий часто применяется суффикс **-ом** (**пеш-е-драл-ом** [11]), реже – **-о** (**ст-о-крат-о**, **тр-и-крат-о** [11]) или **-и** (**треть-ево-дни-и** [11]), которые выражают значение признака предмета.

Препозитивная основа как препозитивно присоединяемый компонент конфиксоида играет особую роль. Во-первых, для неё свойствен синкретизм, поскольку она совмещает в себе функции служебной морфемы и компонента мотивирующей базы [3; 5]: **черн-о-кни[ж-э]ств-о** ← **чёрный**, **книга** (мотивирующая база **черн-...-книж-**, конфиксоид **черн-...-эств-**); **мимо-ход-ом** ← **мимо**, **ходить** (мотивирующая база **мимо-...-ход-**, конфиксоид **мимо-...-ом**). Во-вторых, препозитивная основа, подобно префиксу в приставочно-суффиксальных образованиях, выполняет функцию конкретизатора основного словообразовательного значения. Например, существительное **грузоотправитель**, образованное с помощью сложения основ **груз-** и **отправи-** с одновременным присоединением к опорной основе суффикса **-тель**, име-

ет основное словообразовательное значение ‘лицо мужского пола, которое производит действие, названное переходным глаголом **отправить**’ [2, с. 466], а основа **груз-** имеет конкретизирующее значение ‘объект (предмет), по отношению к которому совершается действие, названное переходным глаголом **отправить**’. В качестве препозитивно присоединяемого компонента конфиксоида могут употребляться основы имён существительных (**басн-о-ни[с’-э]ц** ← **басня**, **писать**), прилагательных (**высок-о-качеств-енн-ый** ← **высокий**, **качество**), местоимений (**ин-о-город-н-ий** ← **иной**, **город**), числительных (**дв-ух-том-ник** ← **два**, **том**), наречий (**долго-жи-тель** ← **долго**, **жить**). Следовательно, препозитивная основа может уточнять: 1) объект, по отношению к которому совершается действие, названное опорным компонентом: **человек-о-люб-ив-ый**; 2) качественный признак предмета или лица, названного опорным компонентом: **тонк-о-стен-н-ый**; 3) количественный признак предмета или лица, названного опорным компонентом: **дво[ж-э]-жѐ[н’-э]ц**; 4) признак или характер протекания действия, названного опорным компонентом: **ясно-ви[д’-э]ц**, **мимо-езд-ом**.

Таким образом, конфиксоид – это особый словообразовательный формант сложносуффиксального способа словообразования, представляющий собой функциональное единство препозитивно присоединяемого компонента и суффикса, в котором суффиксальная часть определяет частеречную семантику мотивированного слова и является средством выражения основного словообразовательного значения (лица, предмета, абстрактного понятия, признака и т. д.), а препозитивно присоединяемая часть играет роль конкретизатора основного словообразовательного значения и совмещает в себе функции служебной морфемы и компонента мотивирующей базы.

Исходя из всего сказанного, следует сделать вывод о том, что конфикс и конфиксоид как особые словообразовательные форманты приставочно-суффиксального и сложносуф-

фиксального способов словообразования характеризуются структурным и функциональным сходством. Во-первых, они имеют прерывистую структуру, которая представляет собой сочетание препозитивного компонента (префикса для приставочно-суффиксального способа словообразования и препозитивной основы для сложносуффиксального способа словообразования) и суффикса. Во-вторых, суффиксы при приставочно-суффиксальном и сложносуффиксальном способах словообразования определяют частеречную принадлежность слова и служат средством выражения основного словообразовательного значения, а препозитивные компоненты деривационных формантов выполняют конкретизирующую, уточняющую функцию и придают общему значению различные смысловые оттенки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Балалыкина Э.Г., Николаев Г.А. Русское словообразование: Учеб. пособие. – Казань, 1985. – 184 с.
2. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. – М., 2005. – 636 с.
3. Копелиович А.Б. Аффиксоиды и аффиксоидность // Активные процессы в современном русском языке: Сб. научных трудов, посвященный 80-летию со дня рождения В.М. Немченко. – Нижний Новгород, 2008. – С. 115-119.
4. Копелиович А.Б. Конфиксоид как особый словообразовательный формант // Славянские чтения: Материалы докл. и сообщ. регион. конф. – Чебоксары, 1999. – С. 32-34.
5. Копелиович А.Б. Некоторые спорные вопросы словообразования и синтаксиса: монография. – Владимир, 2011. – 156 с.
6. Копелиович А.Б. Образование слов со сложными основами: проблемы форманта // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы III Международной конференции. – Владимир, 1999. – С. 89-91.
7. Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. – М., 1989. – 640 с.
8. Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование: Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. – М., 1984. – 255 с.
9. Николаев Г.А. Активные процессы в современном русском словообразовании [Электронный ресурс] // Международный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире»: [сайт]. [2009]. URL: <http://www.philol.msu.ru/~slavmir2009/data/4.pdf> (дата обращения: 15.12.2011).
10. Николаев Г.А. Русская конфикация и её немецкие эквиваленты [Электронный ресурс] // Казанский (приволжский) федеральный университет. Публикации филологического факультета: [сайт]. [2001]. URL: <http://www.ksu.ru/f10/publications/2001/nikolaev/confix.pdf> (дата обращения: 13.12.2011).
11. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. – М., 2008.
12. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. 2-е изд., доп. – М., 2005. – 336 с.
13. Шуба П.П. О компонентах конфикса в русском языке // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. – М., 1975. – С. 249-253.

УДК 81'1

Зубарева Г. С.

Московский государственный областной университет

**ЦЕННОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА «СКУПОСТЬ»
В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)**

G.Zubareva

Moscow State Regional University

**VALUE COMPONENT OF THE CONCEPT «STINGINESS» IN THE
RUSSIAN LINGUOCULTURE (ON THE BASIS OF WORKS OF FICTION)**

Аннотация. Статья посвящена анализу ценностной составляющей концепта «скупость» в русской лингвокультуре на базе произведений классической русской литературы. В представленной статье раскрывается сущность ценностной стороны концепта «скупость» в русской лингвокультуре посредством лингвокультурного анализа, предложенного В.И. Карасиком. В работе приводятся результаты дефиниционного анализа ключевых слов-репрезентантов концепта «скупость». Автор проводит анализ понятия «скупость» и синонимичных ему лексических единиц, показывает, из каких частей состоит данный концепт на ценностном уровне. Проведенный анализ позволяет выявить особенности ценностной составляющей концепта «скупость» в русской лингвокультуре.

Ключевые слова: концепт, скупость, лингвокультура, ценностная составляющая.

Abstract. This article analyzes the value component of the concept «stinginess» in the Russian linguoculture basing on the works of classical Russian literature. It also reveals the essence of the value side of the concept «stinginess» in the Russian linguoculture through the linguocultural analysis of V. Karasik. This paper shows the results of the definitional analysis of keywords-representants of the concept «stinginess». The author analyzes the concept «stinginess» and its synonymous lexical items, shows the basic parts of this concept at the value level. The analysis allows to establish the peculiarities of the value component of the concept «stinginess» in the Russian linguoculture.

Key words: concept, stinginess, linguoculture, value component.

В научной среде в последние десятилетия XX и начала XXI вв. возрос интерес к изучению понятия «концепт» и его основных структурных составляющих. Проблема дефиниции понятия «концепт» является одной из основных задач таких наук, как культурология, когнитология, когнитивная лингвистика, лингвокультурология и межкультурная коммуникация.

Понятие «концепт» в культурологическом аспекте, по словам В.Г. Зусмана, «всегда представляет собой часть целого, несущую в себе отпечаток системы в целом... Концепт – микро-модель культуры, а культура – макро-модель концепта. Концепт порождает культуру и порождается ею» [4, с. 38-53].

Иными словами, концепт является одной из основных составляющих любой культуры, заключающих в себе менталитет, традиции и обычаи того или иного народа.

Концепт в когнитологии – это единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы

языка и языка мозга всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [7, с. 90].

Действительно, такие концепты, как «любовь», «счастье», «скупость», «ненависть» и т. д., обозначающие какое-либо абстрактное понятие, несут в себе часть психологического сознания человека, а их значения в разных культурах могут существенно различаться в зависимости от менталитета и жизненного опыта индивидуума.

В когнитивной лингвистике, согласно словам Д.С. Лихачева, концепт понимается как «намек на возможное значение» и как «отклик на предшествующий опыт человека» [10, с. 280-287].

Исходя из вышесказанного, мы склонны предполагать, что понятие «концепт» является многогранной языковой единицей, которая, в свою очередь, заслуживает всестороннего рассмотрения и подробного изучения.

В настоящее время существует несколько подходов к изучению концепта, одним из которых является лингвокультурный.

Согласно цели представленной работы, а именно анализу ценностной составляющей концепта «скупость» в русской лингвокультуре на материале произведений художественной литературы, за основу взят лингвокультурный подход к изучению концепта, предложенный В.И. Карасиком, по мнению которого, «основной единицей лингвокультурологии является культурный концепт – многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [6, с. 91].

Согласно мнению В.И. Карасика, «лингвокультурный подход к пониманию концепта состоит в том, что концепт признается базовой единицей языка, её концентратом» [6, с. 97].

Иными словами, концепт в лингвокультурологии рассматривается как синтез всех языковых и неязыковых средств выражения, который раскрывает его смысл, дополняет содержание и прямо или косвенно иллюстрирует его суть.

На первом этапе исследования нами было проанализировано 3 толковых словаря рус-

ского языка: Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, В.И. Даля – с целью определения значения концепта «скупость». В процессе анализа было выявлено, что значение концепта «скупость» раскрывается лишь в одном толковом словаре Д.Н. Ушакова и включает в себе значение: «чрезмерная бережливость, нелюбовь к тратам, издержкам, расходованию своего имущества, достояния» [16, с. 713].

В остальных словарях приведено лишь значение производного прилагательного от слова «скупость», а именно:

«Скупой – 1. чрезмерно, до жадности бережливый, избегающий расходов; 2. свидетельствующий о чрезмерной бережливости, жадности; 3. перен. недостаточный, слабый; умеренный, сдержанный» [11, с. 531].

В толковом словаре В.И. Даля понятие «скупой» – это «1. скряжливый, неуместно и умеренно бережливый; 2. мало доставляющий, малоодоходный, бедный; 3. жалеть на что-либо денег, быть слишком бережливым, отказывать себе или другим в нужном» [3, с. 189].

Ниже приведены выдержки из произведений классической русской литературы, ярко иллюстрирующие данное определение скупости:

«Скупость её, говорят, простиралась до того, что не только дворовой прислуге, но даже самой себе с дочерью она отказывала в пище, и к столу у них, когда никого не было, готовилось в такой пропорции, чтоб только заморить голод; но зато для внешнего блеска генеральша ничего не жалела» [12, с. 305].

«Во-первых, её поразила скупость Иудушки: она никогда и не слыхивала, чтоб крыжовник мог составлять в Головлёве предмет отчетности, а он, по-видимому, на этом предмете всего больше и настаивал; во-вторых, она очень хорошо поняла, что все эти формы не что иное, как конституция, связывающая её по рукам и по ногам» [14, с. 217].

«Николай из скупости (он и в самом деле был скуповат), а также будучи принципиальным противником стачек и забастовок, наотрез отказался платить лишнее, ссылаясь на определённую статью закона, подтвержда-

дённую мнением кассационного департамента» [8, с. 154].

«Только вот, слышу, распустили слух, будто я велела кормить их одним только горохом. От скупости, видишь ли...» [18, с. 479].

Согласно статье из философского словаря, концепт «скупость» – это «моральное качество, характеризующее особое отношение к предмету собственности, когда он рассматривается как сокровище, его сохранение становится самоцелью, ради которой забывается его полезное назначение в качестве предмета потребления и приносятся в жертву интересы и потребности человека (свои собственные и других людей)» [17, с. 601].

Кроме того, по нашему мнению, скупость как качество человеческого характера в большинстве случаев вызывает негативную оценку окружающих. К примеру:

«Дело в том, что ничто не уродует так легко, как жадность. Скупость сродни кожной болезни. Поскольку от неё не умирают, она вызывает не сочувствие, а презрительность» [2, с. 94].

«Хотя в нынешнее время (1719 год) безмерная скупость у многих за обычай принята и оные хотят ее за домодержавство почитать, токмо чтобы денег скопить, но таких люди не мало не почитают» [9, 245].

«Ко всем своим недостаткам, по мнению большинства: неряшливости, опущенности, или качествам, по мнению Пьера, Наташа присоединяла ещё и скупость» [15, с. 138].

Во всех рассмотренных примерах скупость сравнивается либо с неприятными заболеваниями, либо относится к человеческим недостаткам, что, в свою очередь, ярко характеризует данный концепт как ментальное образование с достаточно выраженной негативной окраской.

Наряду с этим, в христианской религии скупость считается одним из смертных грехов и стоит в одном ряду с гордыней, завистью и чревоугодием: «ГРЕХ СМЕРТНЫЙ – в христианстве (сформулировал в 6 в. св. Григорий Великий) – грех, влекущий за собой и другие грехи. Г. С.: 1) гордыня, 2) скупость, 3) вождление, 4) зависть, 5) чревоугодие и пьянство, 6) гнев, 7) лень» [13, с. 413].

В качестве сравнения, иудаизм считает смертными только три греха: «идолопоклонство, кровопролитие (убийство, даже по приказу и под угрозой собственной смерти) и кровосмешение (инцест)» [13, с. 413].

Действительно, концепт «скупость» в русской лингвокультуре несёт в себе негативную оценку, что доказывают многочисленные примеры, взятые из жизни, фольклора и художественной литературы.

Однако, по нашему мнению, данная характеристика ценностной составляющей концепта «скупость» не является исконно русской, в ней заключено интернациональное отношение к такому качеству человеческого характера, как скупость, доказательством этому служат многочисленные афоризмы и крылатые выражения философов и мыслителей разных стран, например:

Скупость начинается там, где кончается бедность (Оноре Бальзак);

Скупость — это постоянная бедность в страхе перед нищетой (Бернар Клервоский);

Скупой всегда нуждается (Гораций);

Скупец крадёт у своих потребностей ради обогащения своих фантазий (Пьер Буаст);

Скупец после смерти тратит за один день больше, чем прожил в десять лет (Жан Лабрюйер) [5, с. 748].

Таким образом, представляется возможным предположить, что ценностная составляющая концепта «скупость» в русской лингвокультуре включает в себе отрицательную оценку членов человеческого сообщества, вызывает аналогичные эмоции, и носит негативный характер, который сопутствует ей уже много веков, и является интернациональным.

Мы полностью разделяем мнение В.М. Бухарова по этому поводу, согласно словам которого, «формирование концепта в сознании человека происходит вне жёсткой связи с тем, на каком языке он говорит и говорит ли вообще на каком-либо языке. Это означает возможность установления общечеловеческих концептов, системы реализации которых обнаруживают национальную,

этническую, культурную и т. д. специфику» [1, с. 74-84].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бухаров В.М. Концепт в лингвистическом аспекте // Межкультурная коммуникация: Учебное пособие. – Нижний Новгород: Деком, 2001. – С. 74-84.
2. Генис А. А. Довлатов и окрестности: филологический роман. – М.: Вагриус, 2004. – 288 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка (ТСЖВЯ): Т. 2. – М.: Русский язык, 1978 – 1980. – 352с.
4. Зусман В.Г. Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация: Учебное пособие. – Нижний Новгород: Деком, 2001. – С. 38-53.
5. Душенко К.В. Большая книга афоризмов. Изд. 5-е, исправленное. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 1056 с.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
7. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
8. Куприн А.И. Гранатовый браслет. – М.: ОлмаМедиаГрупп, 2011. – 304 с.
9. Лесков Н.С. Собрание сочинений в двенадцати томах. Том 12. Повести и рассказы. Из произведений, включенных в опубликованный при жизни автора вариант VI тома. – М.: Правда, 1989. – 448 с.
10. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 280-287.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов. Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю.Шведовой.—20-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1989. – 750 с.
12. Писемский А.Ф. Тысяча душ. – М.: Художественная литература, 1965. – 494 с.
13. Религия: Энциклопедия / Сост. и общ. ред. А.А. Грицанов, Г.В. Синило. – Минск: Книжный Дом, 2007. – 960 с.
14. Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Головлевы. – СПб.: Азбука, 2008. – 368 с.
15. Толстой Л.Н. Война и мир. В 4 томах. Том 4. – М.: Просвещение, 1987. – 272 с.
16. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. – СПб.: Альта-Принт, 2007. – 1248 с.
17. Философский словарь. Под ред. Фролова И.Т. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
18. Чехов А.П. Вишневый сад. – М.: Эксмо, 2009. – 704 с.

УДК 81-112

Кваша Ю. А.

Северо-Восточный государственный университет (г. Магадан)

**АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ДОКУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Y. Kvasha

North-Eastern State University (Magadan)

**ASPECTS OF THE ANALYSIS OF REGIONAL VOCABULARY (BASED ON
THE MATERIALS OF STATE ARCHIVES OF MAGADAN REGION)**

Аннотация. В статье описаны результаты лингвистического и историко-культурного анализа документов государственных органов первых десятилетий существования советской власти на Крайнем Северо-Востоке: протоколы, заявления, отношения, доклады, планы работы, договоры и т. д., имевшие хождение в органах исполнительной власти на северных территориях Николаевского на Амуре округа Хабаровского края (в настоящее время эта территория является частью Магаданской области). Выявлены некоторые особенности лексики, орфографии, морфологии, синтаксиса и стиля указанных документов. Намечены пути и методы дальнейшего описания этого крайне мало изученного ценного архивного материала, впервые вводимого в лингвистический обиход.

Ключевые слова: историческая лексикология русского языка, советизмы, региональная лексика, Колыма, 20-30-е гг. XX века.

Abstract. The article describes the results of linguistic, historical and cultural analysis of the documents produced by state structures of the first decades of soviet power in the Far North-East of USSR: records, written requests, official letters, programs, contracts, etc. which were used by state executive branch in the northern territories of Nikolaevsk-na-Amure district of Khabarovskiy kray (which is currently a part of Magadan region). The author shows up some special lexical, orthographical, morphological, syntactical and stylistic features of the mentioned documents. The author also marks out some ways and methods of the further description of this extremely weak examined archival material, which is introduced into linguistic practice for the first time.

Key words: historical lexicology of the Russian language, Sovietisms, regional vocabulary, Kolyma, 20-30s of the 20th century.

Изучению особенностей функционирования русского языка в его литературной и внелитературной формах посвящено значительное количество работ различных исследователей. Однако всё ещё недостаточно изученным, на наш взгляд, является анализ региональных особенностей русского языка, в частности на Крайнем Северо-Востоке России. Существует ряд работ (В. Г. Тан-Богораз, Г. В. Зотова, А. А. Соколянского, Е. М. Гоголевой, Н. Н. Соколянской, О. Е. Шепиловой, О. Н. Евсюковой, Ю. Ю. Магерамовой, О. А. Иконниковой, А. И. Курьяновой), посвящённых проблемам региональной лингвистики Северо-Востока.

Одной из первых работ, посвящённых говорам Крайнего Северо-Востока России, стал «Областной словарь колымского русского наречия», составленный В. Г. Тан-Богоразом и вышедший в Санкт-Петербурге в 1901 году. В предисловии к этому словарю были подробно описаны фонетические и грамматические особенности говора жителей Среднеколымска, Нижнеколымска и Походска.

© Кваша Ю. А., 2012.

В дальнейшем изучение старожильческих говоров на территории уже собственно Магаданской области (включавшей в тот период и Чукотский АО) было предпринято в 60-70-х годах XX века диалектологом Г. В. Зотовым, на тот период заведовавшим кафедрой русского языка Магаданского государственного педагогического института. Г. В. Зотов осуществил наиболее полное на сегодняшний день собрание диалектной лексики старожильческих говоров нашего региона, автор рукописи «Словаря русских старожильческих говоров Крайнего Северо-Востока». В настоящее время усилиями членов кафедры подготовлен и опубликован расширенный вариант этого словаря – «Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России» (2010).

Описание формирования и функционирования региональной, в том числе диалектной, лексики на Крайнем Северо-Востоке в XVIII-XIX веках было продолжено в многочисленных работах преподавателей кафедры русского языка СВГУ: в кандидатских диссертациях Н. Н. Соколянской «Региональная лексика в литературе о Крайнем Северо-Востоке Сибири XVIII – нач. XX вв.» (1998), О. Е. Шепиловой «Наименование растений в текстах о Крайнем Северо-Востоке России XVIII – нач. XX вв.» (2005), О. Н. Евсюковой «Топонимия города Магадана» (2008), в топонимических работах О. А. Иконниковой, в статьях А. И. Курьяновой по лексике и фонетике говора с. Марково Чукотского автономного округа. Интересный диалектный материал представлен в диссертации Ю. В. Самойловой «Лексические особенности русского говора старообрядцев села Николаевск (штат Аляска, США)» (1999).

С течением времени всё чаще осознавалась необходимость изучения состава и особенностей функционирования региональной лексики в XX и XXI веке: обобщающий анализ проблем региональной лингвистики Крайнего Северо-Востока России представлен в статье А. А. Соколянского [6, с. 4-43], что позволило коллективу кафедры русского языка СВГУ включить в круг своих научных интересов последовательную работу

с документами советского и постсоветского периода. В частности, рассмотрению группы регионализмов конца XX века уделяется внимание в статьях Е. М. Гоголевой [3, с. 236-243; 4, с. 15-20; 2, с. 199-209].

Но если фонетические, лексические, грамматические особенности языка XVIII-XIX вв. неоднократно становились предметом специального изучения, то лексика советского периода российской истории до сих пор не получила сколько-нибудь системного рассмотрения (в поле зрения попадали только отдельные лексемы). Очевидно, что весьма важно выявить весь корпус региональной лексики, и в этом отношении период 20-70-х годов представляется настоящим «белым пятном», неосвоенной лингвистической территорией, подробные характеристики которой уже не так-то легко установить из-за недостатка образцов живой разговорной речи жителей Магаданской области, особенно – первых десятилетий XX века.

Для выявления региональной лексики конкретного периода мы обратились к документам Государственного архива Магаданской области (ГАМО), в ходе работы с ними выявили ряд источников, требующих лингвистической характеристики. Прежде всего, это документы второй половины 20-х годов XX века. Они уже анализировались историками, в лингвистическом отношении представляют особый интерес, но никогда ранее не входили в поле зрения языковедов.

Нами были исследованы материалы 20 дел, общим объёмом более 650 листов (ГАМО. Ф. Р-12. оп. 1), хранящихся в ГАМО. Документы посвящены деятельности сельских советов с. Балаганное, Тауйск и других прибрежных поселений Ольского района Николаевского на/Амуре округа¹, работе Ольского РИКа (Районного исполнительного комитета) и тузРИКа (Туземного районного исполнительного комитета)². Большая часть документов по-

¹ Сегодня это территория Ольского района Магаданской области.

² В документах приняты следующие написания: *Рик, РИК, Р.И.К., тузрик* и др.

священа насущным вопросам, связанным с бытом и производственными отношениями жителей района (рыбодобыча, лесозаготовки, медобеспечение, строительство школ и хозяйственных построек, благоустройство селений, закупка товаров и т. д.).

Рассмотренные нами документы представляют собой рукописные и машинописные материалы, а также единичные вырезки из газет или постановлений, напечатанных типографским способом.

Рукописные материалы написаны различными по качеству почерками, которые по приблизительным подсчётам принадлежат более чем 50 информантам. Качество почерков, наряду с особенностями орфографии и пунктуации анализируемых документов, позволяет сделать вывод о том, что информанты имели различный уровень грамотности и квалификации (от начальных навыков письма в заявлениях простых рыбаков до достаточно высокого уровня владения языком в документах, составленных некоторыми служащими). Сейчас в большинстве случаев трудно установить, являлись ли те люди, чья подпись имеется под документом, их действительными авторами, составителями или только подателями (в ряде случаев почерк в самом документе и в подписи явно не совпадает), но, во всяком случае, по реквизитам подписавшихся можно получить некоторое представление о социальном, возрастном и национальном составе этих людей: Вильгельм Юрьевич Баар (25 лет в 1929 году), В. Вельмякин, Рудковский Юлиан Молорадович (1896 г. р.), Николай Иванович Гладышев (1874), Чухман Х. А. – русский (30 лет в 1929), В. Ф. Медведев (1884), А. Т. Тимофеев, С. Гайдашев (1886), И. Тельканов (1888, среднее образование), Иван Яковлевич Бабцев – 2-й долганский род 35 лет в 1939, Я. В. Школа (1886, малограмотный), Дюков – заведующий фельдпунктом, И. Варрен (1891), Е. Виппер (1906). Как легко убедиться, реквизиты сильно варьируют и по составу признаков, и по способу их оформления – это всё ценный материал для последующей характеристики

документа по лексическим, грамматическим и стилистическим показателям.

Ряд документов (как следует из соответствующих помет и добавлений) был составлен со слов неграмотных жителей посёлков грамотными гражданами: *За неграмотного Данила Алексеевича Лопатина по его личной просьбе расписался В. Баар*¹. *К сему занигрматного*² *Ким по его личной прозбе расписался Урась*³. *За неграмотную расписался С. Гайдашев*⁴. Большая часть рукописных документов написана на тетрадных листках, небольших кусочках бумаги, меньшая часть – на писчей бумаге формата А4. Печатные документы представлены в основном на тонких листах формата А4 (так называемая папиросная бумага).

Среди рассмотренных материалов преобладают документы, составленные по преимуществу в рамках официально-делового стиля, то есть с соблюдением соответствующих литературных норм того времени. Но так как уровень грамотности авторов заявлений был недостаточным (преобладали малообразованные и малограмотные носители языка), то в текстах заявлений, прошений и под. весьма часто встречаются лексические и грамматические признаки разговорной речи и просторечия. Примером могут служить следующие извлечения:

*Заявления балаганскому сельсовету
Симена Лопатина*

Прошу балаганский сельсавет аказат садеиствия повызаву фершера к маея бально жине котораю немагу доставит в селения тауйс (= Тауйск) по ия полезни и ия грудного младенца.

*Симен Лопатин*⁵.

В ряде случаев различные протоколы и документы также содержат отступления от литературной нормы (*Считать постройку дома туземца необходимым, немедленно приступить к его постройке, приурочив от-*

1 ГАМО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

2 Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация оригинала.

3 ГАМО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.

4 ГАМО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

5 ГАМО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 6. Л. 24.

крытие к Туземному ярмарку¹; прейс-курант, молошник, извески (=известки)²).

Приведённые ошибки и описки ценны для лингвиста тем, что позволяют составить впечатление и об уровнях лингвистической и коммуникативной компетенции, и об особенностях русской речи местных жителей в указанный период, а также передают некоторые черты старожильческого говора.

Среди жанров официально-делового стиля наиболее широко представлены протоколы, заявления, отношения, доклады, планы работы, договоры и т. д. Необходимо отметить, что в 20-е годы XX века советское делопроизводство ещё не приобрело законченных форм, поэтому наряду с уже имевшимися к тому времени шаблонами и штампами официально-делового письма в документах присутствуют и живые обороты речи носителей языка, составлявших тот или иной документ (*В большие шторма... валы перебрасываются через «кошку» и заливают более низкие места за ней...³; ...мало земли маломальски удобной для огородов...⁴; ...нужна была населению снасть...⁵ и т. д.*).

Тематика документов обуславливает наличие широкого спектра обозначений предметов быта, продуктов питания, названий строений, терминов регионального значения (*прядиво/прядево⁶, мотаузы, русский и японский посол, хатоны, икряник и т. д.*).

Многочисленные орфографические варианты свидетельствуют не только об уровне грамотности информантов, но и о процессе смешения некоторых дореформенных грамматических и орфографических норм с послереформенными, служащими дополнительным подтверждением того, что 20-е годы были временем постепенного перехода от одной орфографической системы к другой, более современной. В частности, такое сме-

шение представлено употреблением грамматических архаизмов (*Первый ея* (совр. её) вид более походил на *отдельныя* (совр. -ые) хутора...⁷; *Первые ея постройки...*⁸; *Протокол Третьяго* (совр. -его) районного съезда советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов ольского района николаевского на/Амуре округа⁹; *Протокол общаго собрания граждан сел. Балаганной*¹⁰; *дан сей гражданину Якутской республики*¹¹ и т.д.) наряду с современными формами. Нами отмечено также единичное употребление ъ на конце слова (*Борисъ*). При этом в указанном документе больше такое написание не встречается. В качестве одной из особенностей орфографии можно также отметить использование приставок без- и из- перед глухими согласными (*безплатно: на занятых ими участках бесплатно*¹²; *безсрочный: Уволенные в безсрочный отпуск, запас...*¹³; *изследовать: к весне научно изследовать наличие слюды в Сигланском районе*¹⁴). В более ранних документах (1923 г.) встречается употребление і и Ѣ: *ОЛЬСКІЙ волостной РЕВОЛЮЦІОН. КОМИТЕТ... к выѣзду его из сел. Олы, Охотского уѣзда, Камчатской губерніи в мест. Оймякон Якутской Республики припятсвѣи не встрѣчается, что подписью с приложеніем общественной печати удостовѣряется*¹⁵. Однако употребление і обнаруживается и в одном из документов 1930 года: *Заявление В селсовет Балаганная Гражданина Олскаго Района Селенія Балаган... Якова С. Школы Прошу разрешенія на вырубку жердей длиною до десяти Арш.*¹⁶

Ещё одной особенностью делового языка является активное использование паритатива (родительного части), например:

7 ГАМО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

8 Там же.

9 ГАМО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 9. Л. 57.

10 ГАМО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2. Л. 30.

11 ГАМО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

12 ГАМО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 14. Л. 22.

13 ГАМО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 14. Л. 25.

14 ГАМО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 9. Л. 31.

15 ГАМО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

16 ГАМО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 19. Л. 7.

1 ГАМО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 9. Л. 31.

2 ГАМО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 14. Л. 27.

3 ГАМО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

4 ГАМО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

5 ГАМО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1. Л. 59.

6 В рассмотренных документах представлено вариативное написание.

Требуются для населения товары первой необходимости, которые вымениваются у рыбопромышленника: ...сахару пескового 100 пудов, ...чаю, керосину...¹.

Для рассмотренных нами материалов также характерны различные варианты названий населённых пунктов, природных объектов. Варьироваться может родовая и частеречная принадлежность наименования, его орфографическое оформление (с. Балаганная/с. Балаганское/с. Бологанная/с. Балаганск; с. Тауйским/с. Тауйска; р. Дюхче/р. Духчи). Такая вариативность написаний говорит о том, что названия многих населённых пунктов (как правило, недавно образованных) и природных объектов осваиваемого региона ещё не были устойчивыми, только входили в речь и язык. В современном языке указанные наименования сохранились в следующих формах: с. Балаганное, с. Тауйск, р. Дукча. Рассмотрим эволюцию наименования с. Балаганное. Согласно свидетельству председателя сельсовета², наименование этого селения первоначально было оформлено в женском роде – Балаганная, т. к. получило своё наименование по названию протоки Балаганная р. Тауй, но затем стало использоваться в среднем роде – селение Балаганное. Родовая принадлежность лексемы селение подчинила себе родовую форму имени собственного.

Активно используются в рассмотренных нами документах также и названия различных учреждений, как всесоюзных, так и региональных и местных. Среди них присутствуют советизмы, которые первоначально являлись неологизмами, затем стали общеупотребительными, но в дальнейшем трансформировались в историзмы и архаизмы (*РИК, крестком, телеграфпочтовое агентство, интегралотделение* и т. д.). Под советизмами мы, вслед за В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [7, с. 5], понимаем лексические единицы, отражающие советские реалии. Среди советизмов

можно выделить массив наименований, свойственных только регионам северных и северо-восточных территорий России (бывшего СССР). Во-первых, это группа наименований, связанная с организациями, работавшими с коренным населением: *тузрик, дом туземца, предтузрика* (председатель Туземного районного исполнительного комитета), *родовые избирательные комиссии, кочевой сельсовет* и т. д.. Во-вторых, это наименования учреждений, занимавшихся организацией охоты и рыбной ловли в дальневосточном регионе: *Дальрыба, Охоткооперация, Охотская сельдь, Акционерное Камчатское Общество (АКО)* и т. д.

Названные особенности рассмотренных нами документов, безусловно, не дают целостной характеристики всех архивных документов. Многие черты синтаксиса, стиля, лексики ещё ждут своего всестороннего лингвистического описания, так как материал рассмотренных нами документов только вводится в научный оборот.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гоголева Е. М. «Лексемы «материк» и «Колыма» в общенациональном словаре и в региональной традиции» // Колымский гуманитарный альманах / под ред. А. И. Широкова. – Вып. 2. – Магадан: Кордис, 2007. – С. 199-209.
2. Гоголева Е. М. Аспекты изучения разговорной речи жителей г. Магадана // Колымский гуманитарный альманах / под ред. А. И. Широкова. – Вып. 3. – Магадан: Кордис, 2008. – С. 236-243.
3. Гоголева Е. М. Колымские регионализмы советского периода: аспекты описания // Вестник Северо-Восточного государственного университета. – Вып. 14. – Магадан, 2010. – С. 15-20.
4. Зотов Г. В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А. А. Соколянского. – Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. – 539 с.
5. Крайний Северо-Восток в зеркале региональной лингвистики: Сб. науч. статей / под ред. А. А. Соколянского. – Магадан: Новая полиграфия, 2008. – 142 с.
6. Мокиенко В. М., Никитина В. Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

1 ГАМО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2. Л. 30.

2 ГАМО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

УДК 808.56

Лежнева О. В.

Смоленский гуманитарный университет

**К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
СНИЖЕННОГО ХАРАКТЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА
ЭНН ТАЙЛЕР «ОБЕД В РЕСТОРАНЕ “ТОСКА ПО ДОМУ”»)**

O. Lezhneva

Smolensk University of Humanities

**ON THE USE OF COLLOQUIAL PHRASEOLOGICAL ITEMS (BASED ON
THE NOVEL BY ANNE TYLER “THE DINNER AT THE
HOMESICK RESTAURANT”)**

Аннотация. Язык романа Энн Тайлер «Обед в ресторане «Тоска по дому» насыщен фразеологизмами, разнообразными в семантико-стилистическом отношении. С учётом характера стилистической коннотации фразеологических единиц (ФЕ) и сферы их функционирования весь фразеологический запас языка произведения можно дифференцировать по трём классам, традиционно выделяемым фразеологами: межстилевые ФЕ, народно-разговорные и книжные. В рамках данной статьи даётся краткая характеристика народно-разговорных и народно-просторечных ФЕ из текста произведения, показана их роль в нём как эмоционально-экспрессивного средства, а также средства характеристики персонажей.

Ключевые слова: Фразеологические единицы, семантико-стилистическая характеристика, народно-разговорные ФЕ, народно-просторечные ФЕ.

Abstract. The text of the novel by Anne Tyler “Dinner at the Homesick Restaurant” is rich with phraseological items different in semantic and stylistic aspects. Considering stylistic connotation of phraseological items and the sphere of their functioning, the phraseological fund of the novel can be differentiated into three traditionally accepted classes: neutral phraseological items, colloquial phraseological items and bookish phraseological items. There is a short description of colloquial phraseological items and low colloquial phraseological items in the article. The author highlights colloquial and low colloquial phraseological items also as emotional and expressive means in the text as well as means for characters description.

Key words: Phraseological items, semantic and stylistic description, colloquial phraseological items, low colloquial phraseological items.

Текст романа Энн Тайлер «Обед в Ресторане “Тоска по Дому”» изобилует идиоматическими выражениями, что в полной мере нашло отражение в переводе, где игра стиля оригинала полностью сохранена.

Фразеологический запас языка произведения Энн Тайлер «Обед в ресторане “Тоска по Дому”» богат и разнообразен в семантико-стилистическом и лексико-грамматическом отношении. Согласно результатам нашего исследования, можно утверждать, что в тексте произведения широко представлены все основные функционально-стилистические типы фразеологических единиц, выделяемые во фразеологической системе современного русского языка: межстилевые ФЕ, народно-разговорные и книжные [11, с. 18]. В рамках данной статьи мы бы хотели дать краткую характеристику народно-разговорных и народно-просторечных ФЕ, выявленных нами в тексте произведения.

В тексте художественного произведения, по известному положению Г.О. Винокура, язык отражается тройко: как живая речь, как литературная норма и как произведение искусства.

Художественное отражение действительности осуществляется силой воображения писателя. Читатель воспринимает вымышленный, обобщённый и типизированный художником мир как реальный, так как он представляется в тексте в конкретных, в том числе эмотивных образах различной структуры, находящихся в системных связях и отношениях. Для художественной речи «информация об эстетическом осмыслении действительности – её основной конструктивный побудитель» [4, с. 79]. Так как эмоциональность, экспрессивность и оценочность тесно взаимосвязаны, нередко характеризуют одну и ту же единицу языка одновременно, их можно рассматривать как коннотацию, которая традиционно понимается в качестве семантической сущности, узואльно илиokkaионально входящей в семантику языковых единиц и выражающей эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при её обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект [13, с. 5].

В ходе проведённого нами лингвистического анализа ФЕ народно-разговорного и народно-просторечного характера вкупе с межстилевыми и книжными ФЕ из текста произведения мы получили в достаточно полной мере представление о речевой характеристике всего поколения Америки 80-х гг. прошлого века. ФЕ народно-разговорного и народно-просторечного характера позволяют составить представление о характере персонажей, их взаимоотношениях и об их отношении к действительности. В. Розов во вступлении к роману утверждает: «Жизнь и быт сегодняшней Америки даны Энн Тайлер с почти документальной точностью и жестокостью. Условия жизни и духовный мир рядовых американцев впечатляют тем сильнее, что никак не подчёркиваются автором, а свободно вплетаются в неторопливое повествование, побуждая нас к собственным выводам» [9, с. 9].

ФЕ разговорного характера «отличаются от межстилевых фразеологизмов, с одной

стороны, более узкой сферой употребления, а с другой – своей «сниженной» экспрессивно-стилистической окраской (ласкательной, бранной, иронической, презрительной, шутиливой, фамильярной и др.) [12, с. 185]. Преимущественная сфера их функционирования – живая разговорная речь, понимаемая как непринуждённая речь носителей литературного языка. Разговорные ФЕ не только выражают принадлежность к разговорному стилю, но и (шутливое, одобрительное, неодобрительное, ласкательное, презрительное, ироническое и т. п.) отношение к называемому, характеризующему. В свою очередь, эта принадлежность (стилистическая маркированность) придаёт единице языка определённые эмоционально-оценочные оттенки. Собственно стилистические (языковые) и функционально-стилистические (речевые) свойства ФЕ тесно взаимосвязаны. Контекстуальный стилистический эффект возникает в результате их тесного взаимодействия и без учёта этого взаимодействия не может быть исчерпывающе раскрыт.

Народно-разговорные ФЕ заметно выделяются лексическим наполнением. В их составе, как правило, присутствуют компоненты с конкретным значением: бытовая лексика, профессиональная и пр. Эта особенность, наряду с образностью, отмечена ещё В.В. Виноградовым: «По большей части, это – выражения, состоящие из слов конкретного значения, имеющие заметную экспрессивную окраску» [3, с. 267].

Народно-разговорные ФЕ составляют значительную часть фразеологического запаса языка произведения. Большинство разговорных ФЕ почерпнуты Энн Тайлер из общенародной разговорной речи:

Вторым был Эзра – такой милый и неуклюжий, что сердце разрывалось смотреть на него. Теперь она жила в ещё большем страхе (it could break your heart) [10; 6, с. 70];

Что-то на него нашло. К утру он передумает. – Утро вечера мудренее, – сказала она (We'll sleep on it) [10; 7, с. 271];

Положа руку на сердце, ей трудно было поверить в неотвратимость беды (to tell the truth) [10; 6, с. 576].

Продолжая ворчать, отец (сам не умеющий **держаться в руках**, о чём мать не раз говорила ему) бросился к мишени, сбивая на ходу головки сухих цветов (*who never kept any sort of rein on himself whatsoever*) [10; 7, с. 57];

Перл проснулась не в духе. Ей надо было прочесть стихи «Про парня Фрица». Она прекрасно имитировала диалекты, да и стихотворение **знает наизубок** до сих пор (*she knew it off by heart*) [10; 6, с. 126];

В последние годы она не раз думала о смерти, но вот что не **приходило** ей **на ум**: расставшись с жизнью, человек так и не узнает, что же будет после него. Вопросы, которые он задавал сам себе, так навсегда и останутся без ответа (*one aspect had never before crossed her mind*) [10; 5, с. 486];

– Как видно, всё **к лучшему**, – сказала она. – Служба в армии зачастую идёт парням на пользу, у них появляется возможность обдумать всё как следует, собраться с мыслями (*really, it's for the best*) [10; 5, с. 223];

– Ты что будешь, варенье или мёд? – спросила она. – Дженни, посмотри-ка кто к нам приехал! Эзра, **целый и невредимый!** (*safe and sound*) [10; 7, с. 132];

На другой день к вечеру Дженни приехала в Балтимор. Она **сожгла за собой все мосты**: уволилась с работы, отдала золотых рыбок и забрала вещи (*she had burned all her bridges*) [10; 5, с. 277].

На автовокзале Дженни не стала дожидаться городского автобуса, взяла такси и **с ишиком** добралась до дома (*in style*) [10; 7, с. 392].

В состав народно-просторечных ФЕ входит лексика ограниченной сферы употребления: жаргонизмы, арготизмы, вульгаризмы. К области внелитературной лексики наряду с диалектизмами, жаргонизмами и арготизмами относятся и вульгаризмы. Вульгаризмами в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой называются «слова и выражения, свойственные фамильярной или грубой речи» [1, с. 92]. Весьма характерной приметой современной речи является её вульгаризация. Вульгаризмы выражают яркую экспрессию отрицания, резко оценочны, в

некоторых случаях они могут выражать различные эмоции – от крайнего негодования до восхищения. В недавнем прошлом вульгаризмы могли использоваться в художественных произведениях только как средство создания образности, как элементы языковой игры, как средство создания иронии, сарказма. Вульгаризмы активно и совершенно свободно, почти без ограничений употребляются в современной разговорной речи, что было совершенно невозможно два-три десятилетия назад. Подобная лексика грубо характеризует отношения между полами, а также физиологию человека.

Отношение просторечия к литературной норме – один из спорных вопросов современной лингвистики – лексикологии. Такие лингвисты, как, например, Д.Н. Ушаков, А.Н. Гвоздев, Ю.С. Сорокин, В.И. Собинникова, А.И. Молотков, считают просторечие «особым стилистическим пластом литературного языка, отличающимся грубоватостью и яркой эмоционально-экспрессивной окраской» [11, с. 55]. Другие относят просторечие к внелитературной разновидности общенародного языка (А.И. Ефимов, О.С. Ахманова, Б.Н. Головин). Критерием отнесения/не отнесения той или иной просторечной ФЕ к литературному языку является степень её стилистической сниженности или грубости, наличие вульгаризмов, жаргонизмов, арготизмов в её составе. Однако большинство просторечных ФЕ не имеет в своём составе компонентов жаргонно-арготического характера, а степень их стилистической сниженности определяется, как правило, субъективно, «языковым чутьем». Нам представляется, что фразеологическое просторечие целесообразно рассматривать как «нижний пласт разговорной литературной речи, включающий в себя единицы внелитературного характера» [2, с. 28], как «отрицательный языковой материал, который нарушает, изменяет литературную норму и активно участвует в создании системы языка» [13, с. 43].

Во фразеологических единицах народно-просторечного характера, выявленных нами

в тексте произведения Энн Тайлер, преобладает общенародная разговорная лексика, обладающая сниженной стилистической маркированностью, и выражения со словом *чёрт*, что переведено эквивалентными русскими ФЕ. Фразеологические единицы народно-просторечного характера составляют самую малочисленную часть фразеологического языка произведения Энн Тайлер «Обед в ресторане “Тоска по Дому”».

– Ты только взгляни, Коди! Видишь? В самое яблочко! Если б ты слушал меня так же внимательно, а не спешил **как угорелый!** (half-cocked) [10; 6, с. 96];

На мать накатил очередной приступ ярости.

– Перл **на тропе войны**, – сообщил Коди брату и сестре. – **Рвёт и мечет** (went on one of her rampages; has hit the warpath) [10; 7, с. 15, 689];

– Ну, это, конечно, очень весело, – продолжала она. – Тебе, очевидно, весело до слёз. **Напугал мать до полусмерти**, заставил её-нести всякую чепуху (scaring your mother half out of her wits) [10; 7, с. 730];

Джосайя Пейсон, друг Эзры, двухметровый верзила, дёрганый, с бессвязной речью. Каждому известно, что у него **«не все дома»**. (he wasn't quite right in the head) [10; 6, с. 122];

– Ах ты, дрянь! – закричала Перл. – Шлюха! Мерзавка! Так **вот что у тебя на уме!** Не удосужилась сообщить, где шляется! (what you've been up to) [10; 5, с. 202];

Я тут **голову потеряла**, места себе не нахожу, а она вот где! (I'm losing my mind) [10; 6, с. 452];

Эзра сказал священнику, что с ним всё в порядке. И что он сам никак не **возьмёт в толк**, отчего всё это с ним происходит (for the life of him) [10; 6, с. 351];

Но и Эзра тоже продвинулся – фактически заведовал всей кухней, сама же миссис Скарлатти выполняла роль хозяйки в зале. Мать писала Джесси, что это просто **стыд и срам** (a crime and a shame) [10; 8, с. 116];

– Ах, мама, посмотри правде в глаза, – возразил Коди – Это же куча мусора. Да я с них

кожу с мясом сдеру и оставлю одни кости (to strip to the bones) [10; 8, с. 90];

– Вы две недели не отвечали по телефону, мы разыскивали вас на ферме. Там, между прочим, выбито несколько окон.

– **Чёрт подери!** Я же плачу Джареду, чтобы таких фокусов не случилось (Damn!) [10].

В данной статье мы привели не все ФЕ народно-разговорного и народно-просторечного характера, выявленные нами в тексте произведения, однако в процессе нашего исследования мы выяснили, что с помощью фразеологических единиц различной стиливой принадлежности реализуется единство эмоционального и рационального в речи героев романа Энн Тайлер «Обед в ресторане “Тоска по Дому”». Фразеологизмы – актуальное средство образного выражения мысли, оценки предметов и явлений с целью воздействия на социум, средство характеристики персонажей, а также линейной и внутренней организации текста произведения. Всё это свидетельствует о том, что фразеологию следует рассматривать не как вспомогательное средство образности языка Энн Тайлер, а как важную, органическую составную часть индивидуальной речевой системы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Бельчиков Ю.А. Вопросы соотношения разговорной и книжной лексики в русском литературном языке второй половины XIX столетия: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1974. – 34 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1986. – 640 с.
4. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – 492 с.
5. Новый большой англо-русский словарь: в 3 ч. Ч. 1. / Ю.Д. Апресян и др.; отв. ред. Н.А. Оцуп. 3-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1999. – 832 с.
6. Новый большой англо-русский словарь: в 3 ч. Ч. 2. / Ю.Д. Апресян и др.; отв. ред. Н.А. Оцуп. 3-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1999. – 828 с.
7. Новый большой англо-русский словарь: в 3 ч. Ч. 3. / Ю.Д. Апресян и др.; отв. ред. Н.А. Оцуп. 3-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1999. – 823 с.

8. Пархамович Т.В. 1000 русских 1000 английских идиом. – Минск: Попурри, 2000. – 124 с.
9. Тайлер Э. Обед в ресторане “Тоска по Дому”. – М.: Радуга, 1986. – 303 с.
10. Тихонов А.Н., Ломов А.Г., Королькова А.В. Фразеологический словарь современного русского литературного языка [Электронный ресурс] // Фразеология.ру [сайт]. [2008]. URL: <http://frazeologiya.ru> (дата обращения 18.10.2011).
11. Федосов И.А. Функционально-стилистическая дифференциация русской фразеологии. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. н/Д ун-та, 1977. – 211 с.
12. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.
13. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Известия АН СССР. – 1940. – №3. – С. 60-65.
14. Tyler Anne. Dinner at the Homesick Restaurant. New York: Ballantine Books, 2004. 326 p.

УДК 821. 161. 1'36

Летова А. М.

Московский государственный областной университет

РОЛЬ ВЕГЕТАТИВНОЙ МЕТАФОРЫ В ФОЛЬКЛОРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

A. Letova

Moscow State Regional University

THE ROLE OF THE VEGETATIVE METAPHOR IN FOLKLORIC LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

Аннотация. Статья посвящена исследованию вегетативной метафоры с точки зрения антропо-морфного аспекта, направленного на выявление особенностей функционирования парадигматики 'растение – человек' в фольклорных текстах. Понятие вегетативной метафоры раскрывается на примере фольклорной семантики лексем-фитонимов 'цветок', 'лист', 'корень', которые позволяют проследить развитие разного рода 'архетипических' ассоциаций, связанных с положительной и отрицательной коннотацией. Обращение к фольклорной языковой картине мира, отражающей специфику народного художественного мировосприятия природных реалий, объясняется стремлением к систематическому описанию вегетативной семантики фольклорных единиц, нашедших своё отражение в устойчивых выражениях, актуальных в современной языковой ситуации.

Ключевые слова: фольклорная языковая картина мира, метафора, фитоним, вегетативная метафора, коннотация.

Abstract. The article is devoted to the vegetative metaphoric research in terms of anthropocentric aspect. This aspect can define semantic features of the paradigmatics 'plant – man' in folkloric texts. Vegetative metaphor is a term, which describes the folkloric semantics of phytonym-lexemes, such as 'flore', 'leaf', 'root', that allow to trace various kinds of 'archetypal' associations with positive and negative connotation. The folkloric linguistic picture of the world reproduces the metaphoric human perception of the natural reality. The purpose of this research is to reveal the systematic description of the folkloric semantics that functions in idioms and actual linguistic situation.

Key words: folkloric linguistic picture of the world, metaphor, phytonym, vegetative metaphor, connotation.

В последние десятилетия проблема отражения в сознании человека языковой картины мира (ЯКМ) стала одной из важнейших в лингвистике. Данному вопросу уделяется особое внимание в трудах Ю.Н. Караулова, Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, А. Вежбицкой, Ю.С. Степанова и др. Картина мира в философско-лингвистической литературе именуется как модель, отражающая результат взаимодействия человека с окружающей действительностью. Интерес к обозначенной проблеме обусловлен тем, что картина мира, как результат духовной активности человека, определяет менталитет любого лингвокультурного сообщества, а вместе с тем мировидение и миропонимание человека на определённом этапе культурного развития [5, с. 62]. В современной лингвистике ЯКМ стала анализироваться в рамках исследования мифа, поэзии, религии, фольклора.

Наше исследование направлено на рассмотрение фольклорной языковой картины мира (ФЯКМ), которая является фрагментарной, т. к. отражает образно-метафорическое восприятие человеком окружающей действительности, репрезентированное средствами языковой семантики в фольклорных текстах. ФЯКМ всё ещё одна из наименее изученных мировоззренческих систем, отражающая быт, нравы и культуру древних славян посредством вторичных фольклорных источников. Следует отметить справедливое утверждение О.С. Осиповой о том, что ФЯКМ требует дальнейших интерпретаций, т. к. «...любая воссозданная картина мира древних народов должна считаться гипотетичной, полемичной и не окончательной» [9, с. 3–4]. Трудность в исследовании ФЯКМ состоит в том, что она подчинена описанию эмоционального мира человека, его исторически сложившихся эстетических идеалов и представлений, связанных с культом природы. В данной статье обращение к ФЯКМ является закономерным условием для детального исследования и реконструкции семантики фольклорного слова, его метафорических компонентов.

В лингвистической литературе метафора рассматривается, как: 1) средство номинации; 2) один из способов семантической деривации, направленный на расширение смыслового объёма слова, развитие лексических оттенков значения; 3) результат творческого, образного мышления, средство познания. В нашей работе применительно к анализу фольклорного слова метафора исследуется с точки зрения когнитивного аспекта как одна из «исторических форм человеческого сознания» [16, с. 36]. По мнению О.М. Фрейдберга, «метафорическая картина» является отражением духовной культуры народа посредством имитативной образности обряда, действий, обычаев, которые послужили откликом первобытного человека на жизнь, окружающую действительность [16, с. 109]. В нашей работе фольклорные тексты с компонентом ‘фитоним’ анализируются с «гене-

тических позиций» [6, с. 4], т. е. возводятся к представлениям, быту и мышлению славян, к фактам древней жизни, утратившим актуальность, но нашедшим своё воплощение в волшебных сказках, обрядовой фразеологии, песнях календарно-обрядового типа.

О.Н. Трубачев указывал на «всепроникающую метафорическую природу человеческого языка» [13, с. 28], поэтому все слова, называющие растения, в русском фольклоре метафоричны и служат естественной основой эмоционально-образного переосмысления. Таким образом, растительная, вегетативная метафора является неотъемлемой составляющей семантики фольклорного слова, обозначающего реалию мира флоры, а также главным средством моделирования ФЯКМ. В данной работе исследуется антропоморфный аспект вегетативной метафоры, под понятием которой подразумевается актуализация признаков растений в номинации и описании человека (его характера, физиологии) по сходству свойств роста, жизненных циклов, возрастных этапов и др. В основе распространённого метафорического переноса ‘растение – человек’ лежат разного рода ассоциации, которые характеризуются как с положительной точки зрения, так и с отрицательной. Например, применительно к яркой и наиболее точной характеристике человека мы используем привычные для нашего сознания такие вегетативные идиомы, как: *в цвете лет, цветущий, молодо-зелено, зелёный, тоненькая, как тростинка, зрелый возраст* (выражающие положительную и нейтральную оценку человека), *тепличное растение, увядшая красота, шут гороховый, дубина стоеросовая, дуб, пень, лопух* и др. (употребляющиеся с отрицательной коннотацией).

Следует привести примеры антропоморфных наименований некоторых народных растений, средствами номинации которых являются основные термины родства: баба – ‘подорожник’, бабки – ‘растение, вид шалфея’, сестреница – ‘лекарственное растение’, ‘ягода красная смородина’, мать-

и-мачеха – ‘многолетнее травянистое растение из семейства сложноцветных’, братки – ‘анютины глазки’, кума – ‘берёза’, бабушка – ‘репейник, лопух’ и др. [4, с. 82–86]. Обозначенные примеры иллюстрируют мысль о том, что ‘вегетативный код’, используемый в номинации и идиоматических сочетаниях, отражает ‘архетипическую’ особенность мировидения человека, в основе которой соотношение и отождествление мира людей и растительной сферы.

В самой номинации лексемы ‘растение’ (от глагола ‘расти’, т. е. развиваться, увеличиваться в размерах) заложено стремление к расширению семантического объёма слова, лексического пространства, обозначенного понятием метафорическое поле [12, с. 28]. Состав текстовых метафор определяется тем, что в истории народной культуры растение и его части: цветок, лист, корень – мифологизируются, служат атрибутами многих обрядов, ритуалов и праздников, репрезентированных в ФЯКМ посредством вегетативно-метафорических приёмов: превращение, параллелизм, сравнение, сакрализация. Обозначенные приёмы являются традиционными в фольклорных текстах, они позволяют проникнуть в систему мировоззренческих значимостей древних славян, среди которых особое место отводится стремлению человека к одухотворению окружающего мира.

Традиционные фольклорные приёмы, построенные на отождествлении человека и растения, непосредственно связаны с фитонимом ‘цветок’, обозначающим в современном русском языке «травянистое растение, в пору цветения имеющее яркую, часто ароматную, распускающуюся из бутона головку или соцветие» [8, с. 860]. Чувственно-эмоциональное восприятие человеком данной растительной реалии содержит положительную оценку, заложенную в коннотации лексемы. Так, в сознании человека цветение и зелень издавна ассоциируются с понятиями ‘жизнь’, ‘здоровье’, ‘молодость’, что находит своё объяснение в этимологии слова: о.-с. *květъ с и.-е. базой *kuēi-t, *k’uēi обозначает буквально

«светить», т. е. «излучать свет», «казаться привлекательным» [19, вып. 13, с. 161–162], [18, т. 2, с. 362–363].

В идиомах с компонентом ‘цветок’ положительная коннотация сохраняет свою значимость. Исследуемые фразеологизмы систематизированы в результате выявления актуализированных сем: ‘здоровье’, ‘красота’, ‘молодость’ человека – *быть в цвету, набирать цвет, цвет жизни, юности, в полном цвете сил, в самом цвету, цветущее здоровье, лицо, тело*; ‘успешность’ – *процветать, цветущее положение, состояние* [15, т. 2, 719 – 721].

В ФЯКМ метафорическое поле слова ‘цветок’ составляют такие компоненты, как: ‘красота’, ‘девичество’, ‘любовь’, ‘чудо’, ‘счастье’, ‘радость’. Так, вегетативная метафора ‘красота’, ‘девичество’ актуализируется в контексте волшебных сказок в результате традиционного фольклорного приёма превращение: *«Начал цветок расти, красоваться. Раз как-то <...> чудо совершилось: вдруг **цветок** зашатался, упал с ветки наземь – и обратился красной девицей; **цветок** был хорош, а девица лучше!»* [1, т. 3, с. 126]. Подобный антропоморфный приём объясняется особенностью восприятия окружающего мира славянами, которые стремились осмыслить действительность путём сопоставления своей жизни с жизнью природы: *«Что лазоревый **цветок** – Красны девушки у нас...»* [7, с. 39].

В волшебных сказках метафорическое поле фитонима непосредственно связано с эмоционально-чувственной сферой, тем самым ‘цветок’ является вестником радости, чуда, счастья: *«Царь узнал, что в таком-то месте есть девица, которая когда рассмеётся – то будут розовые **цветы**, а когда заплачет – то жемчуг, и захотел на ней жениться»* [1, т. 2, с. 394]. Яркой иллюстрацией подобного осмысления растительной реалии может послужить сказка об аленьком цветочке: *«А меньшая говорит: «Купи мне аленький **цветочек**». Засмеялся старик над меньшою дочкою: «Ну что тебе, глупенькая, в аленьком **цветочке**? Много ли в нём корысти!». «Про-*

дай мне, старинушка, твой **цветок!**» – «Он у меня не продажный, а заветный; буде младшая дочь твоя пойдёт за моего сына – Финиста ясна сокола, там отдам тебе цветок даром» [1, т. 2, с. 241].

В волшебных сказках положительную коннотативную оценку фитонима 'цветок' отражают не только особенности функционирования в фольклорных текстах, но и его синтагматика: *лазоревого, чудный, розовый, аленький, заветный* и др. Так, семантическое своеобразие обозначенных колоративов (семантика слов, называющих цвет в фольклоре) [17, с. 57] состоит в том, что в контексте сказок они приобретают общую потенциальную для них сему 'сверхъестественность', актуализируемую в сочетании с фитонимом.

Особое значение 'цветок' занимает в песнях календарно-обрядового типа весенне-летнего цикла. Внимание к растению объясняется тем, что 'цветок' играл значительную роль в обрядовой культуре, служил средством украшения помещений, одежды. Во время обрядовых действий, гаданий девушки вплетали его в косы, использовали для изготовления «юрьевских» венков, которые служили обязательным головным украшением, составляли основу обрядности Юрьева дня [11, т. 1, с. 317–321]. Подобная динамика сопровождалась песнями: «...Я пойду ли, молоденька, Во зелёный сад гулять. Калина моя! Ой, малина моя! Со травы сорву **цветок**, Заверну его в платок. <...> Что не сохнет ли, не вянет ли Мой аленький **цветок**, Что не плачет ли, не тужит ли Мой миленький по мне...» [7, с. 45]. Приём параллелизма в текстах обрядовых песен позволяет рассматривать 'цветок' как метафору любви, счастья, а его увядание олицетворяет тоску, боль разлуки с любимым.

Таким образом, исследование семантических особенностей фитонима 'цветок', его положительной коннотации, позволяет проникнуть в эмоционально-чувственную сферу человека, закодированную языковыми средствами в фольклорных текстах и идиоматических сочетаниях, в которых данная

растительная реалия представлена как метафора красоты, счастья, любви.

В народной культуре положительно описываются листья трав. Номинативное значение лексемы 'листок' – «орган воздушного питания и газообмена растений в виде тонкой, обычно зелёной пластинки» [8, с. 321]. Происхождение данной лексемы О.Н. Трубачёв объясняет этимологическим родством с глаголом *listati в значении «пускать (побеги)», «покрываться листьями». Таким образом, можно представить следующую семантическую реконструкцию слова 'листок': *list < *lie-st- («пускать, выбрасывать росток, побег, лист»), «лист (растение)» < «выпущенный, выброшенный отросток» [19, вып. 15, с. 144].

В ФЯКМ 'листок' является отражением вегетативной метафоры 'свежести', 'здоровья', 'молодости'. Так, в народе для лечебных, обрядовых целей сбору листьев трав и их заготовке уделялось особое внимание, подобное действие сопровождалось народными песнями, заговорами: «Земля-Матушка, помоги рвать травки ради всякого угодья, ради всякого здоровья. Тако бысть, такое си, тако буди!» [14, с. 19]. Славяне часто обращались к природе за помощью, так как «природа воспринималась <...> как божественная среда, окружающая человеческий мир» [9, с. 32].

В ФЯКМ фитоним 'лист' является образно-метафорическим осмыслением таких свойств и признаков человека, как трусость, страх, боязнь. Подобное представление выражается в идиомах: *дрожать как лист, дрожать как осенний лист, трястись (трепетать) как осиновый лист, дрожать/задрожать (трястись/затрястись) как осиновый лист* в значении «испытывать страх, боязнь; трястись от страха» [2, с. 386]. Указанные идиомы функционируют в контексте волшебных сказок: «...свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, **как лист перед травой**» [1, т. 1, с. 270]; «Послушай, брат! – говорит Антон. – Бедовая туча к нам несётся», – а сам **как лист трясётся**» [1, Т. 2, с. 97]. Существует не-

сколько точек зрения по поводу происхождения обозначенных выражений. С одной стороны, они рассматриваются как образно-метафорическое осмысление природных наблюдений, а именно устройства листового черенка осины (или другого дерева), посредством которого лист дрожит от малейшего движения воздуха. С другой – возводятся к преданию о том, что на осине повесился Иуда-предатель, тем самым осквернил дерево и осудил вечно дрожать [2, с. 386].

Таким образом, в ФЯКМ фитоним 'листок' может актуализировать противоположные по коннотативной оценке метафорические значения: 'свежесть', 'здоровье', 'молодость', а также 'страх', 'трусость'. Подобное восприятие фитонима, по мнению А.Н. Афанасьева, объясняется идеей дуальности (противопоставление добра и зла), связанной в ФЯКМ с растительной сферой. Таким образом, по представлению славян, такая часть растения, как 'цветок', прежде всего рассматривается как символ доброго начала, фитонимы 'лист', 'корень' в своём значении содержат как положительные, так и отрицательные коннотативные компоненты.

Номинативное значение фитонима 'корень' – «нижняя, находящаяся на земле часть растения, с помощью которой оно приобретает устойчивость и происходит процесс всасывания почвенных соков» [18, т. 1, с. 428–429]. Негативный сакральный подтекст, связанный с фитонимом, объясняется тем, что, по мифологическим представлениям славян, корень считался проводником в подземный мир, элементом хтонической сферы, местом обитания демонов, духов (прежде всего из-за антропоморфного вида корневища, напоминавшего человеческую фигуру). Подобное символическое восприятие фитонима зародило у людей опасение выкорчевывать стволы деревьев с корнем, поэтому «прежде чем срубить дерево <...> к его корням клали как жертву хлеб, соль, деньги» [11, т. 2, с. 595]. Данная народная традиция нашла своё отражение в контексте волшебных сказок, в сюжете которых герой мог обнаружить

в корнях деревьев различные дары, богатства: «... в чистом поле есть сырой дуб, под тем дубом глубокий погреб, в том погребе множество и злата, и серебра, и камня драгоценного. Возьми лопату и рой – даст тебе господь денег на целый век!» [1, т. 2, с. 310].

Фитонимический сакральный смысл, который в данной работе рассматривается через спектр понятий 'таинственное', 'магическое', 'сверхъестественное' [3, с. 4], представлен в обрядовой фразеологии. Так, в народе известны выражения с компонентом 'корень', характеризующие действия человека: *корням обвести*, т. е. «заговорить, околдовать кого-л.», *рыть [лютые] корни* – «заниматься знахарством (колдовством)» [2, с. 343]. Указанные идиомы восходят к языческим представлениям о корне как о чародейском средстве исцеления, а также порчи и т. д. Такое употребление слова наблюдается в народных песнях: *Тут ходила-гуляла душа красна девица, А копала она коренья, зелье лютое, И хотела извести своего недруга* [2, с. 343]. Подобные осмысления объясняют бытование в старославянском языке таких слов, как 'корение' в значении «волшебство, чары», 'коренитец' – «знахарь», 'коренья' – «лекарство» [10, с. 391].

Положительная коннотативная оценка связана с восприятием и осмыслением фитонима 'корень' в значении 'основа', 'род' в ФЯКМ. Так, мотив значимости корня по отношению к другим частям растения реализуется в контексте фразеогизма *кому корешки, кому вершки* – «нар. шутил.-ирон. о несправедливом, неравном дележе чего-л.», источником которого послужила сказка «Мужик и медведь» [2, с. 343]. Эмоционально-образное переосмысление фитонима 'корень' в значении 'род', 'семья' наблюдается в контексте сказа, в котором ветки дерева олицетворяют детей, корень – отца: «У отца их двое было: старший сын – Михаил, младший – Иван. Две ветки на одном дереве, корне, а обе разные» [7, с. 125]. Обозначенные примеры объясняют бытование в народе слова 'коренья' в значении «порода, племя, род» [19,

вып. 11, с. 66], источником которого, по мнению О.Н.Трубачёва, является следующее семантическое развитие лексемы: «о.-с. *koęęъ восходит к и.-е. *kuęę < «делать», «класть, ставить, закладывать основу, основание» [19, вып. 11, с. 65]. Указанное значение не утрачивает своей актуальности в современном русском языке: 'корень' – «перен. начало, источник, истоки чего-н.» [8, с. 290].

Фитоним 'корень' в значениях 'сила', 'основа', 'род', 'семья' послужил источником распространения актуальных для современного русского языка идиом, используемых в речи применительно к характеристике действий, поступков человека: *корни пустить* – «а) прочно, надолго обосноваться где-л.; обзавестись хозяйством; б) получить особую силу, постоянство; о чувствах, привычках, переживаниях»; *корнями вращи, прирасти* – «сильно привязаться, привыкнуть к чему-л.; твёрдо обосноваться где-л.»; *под корень подрубить, подкосить* – «подорвать самое основание чего-л.; окончательно подорвать, уничтожить, нанести непоправимый вред»; *с корнем вырвать* – «решительно порвать с кем, чем-л., окончательно устранить что-л.»; *до корней волос (краснеть, покраснеть)* – «сильно покраснеть»; *добираться, докапываться до корней* – «до основания чего-л.»; *в корне* – «совершенно, окончательно, в самой основе»; *в корень (глядеть, смотреть)* – «вникать в сущность дела, обстоятельств и т. п. [15, т. 2, с. 832]. Представленные идиомы отражают вегетативную метафору: пустив корни, растение приживается и крепнет подобно тому, как человек привыкает и обосновывается на родной земле, противоположный образ у оборота *вырвать с корнем*.

Таким образом, в ФЯКМ метафорическое поле фитонима 'корень' представлено значениями, которые содержат отрицательный коннотативный компонент: 'чары', 'волшебство', 'колдовство', 'порча', а также положительный, связанный с эмоционально-образным осмыслением понятий 'основа', 'начало', 'источник', 'род', 'семья'.

Итак, вегетативная метафора позволяет проследить фрагмент развития семантического пространства антропоцентрической парадигматики 'человек – природа' в ФЯКМ, выявить закономерную связь между запасом сведений о природных явлениях, зафиксированным в фольклорных текстах, и тем объёмом информации, отражённым в словарных дефинициях и идиомах, которые сохраняют свою актуальность для современной языковой личности. Проанализированный материал, связанный с фольклорной семантикой компонентов 'цветок', 'листок', 'корень', свидетельствует о том, что вегетативная метафора посредством фольклорных текстов отражает общность мировоззренческих идей славян, основанную на положительной и отрицательной оценке отдельных свойств растительных реалий. Так, в фольклорном дискурсе 'цветок' как эстетически значимый предмет мира, воплощение красоты жизни, природы является метафорой 'счастья', 'любви', 'девичества', 'чуда', 'радости'; 'лист' – метафора 'свежести', 'здоровья', 'молодости', олицетворение национального проявления таких черт поведения, как трусость, боязнь; 'корень' – метафора исторической основы, 'рода', 'семьи', а также является выражением сакрального спектра понятий с негативной коннотацией: 'таинственность', 'чары', 'волшебство', 'колдовство'. Исследование устойчивых выражений с фитонимическим компонентом показало, что фольклорная вегетативная семантика, переломленная через волшебные сказки, обрядовые песни, сакральные заговоры, не утрачивает своей актуальности в современной языковой ситуации и находит своё отражение в следующих идиомах: *быть в цвету, в полном цвете сил, цвет жизни, юности, в самом цвету, цветущее здоровье, дрожать как осенний лист, корнями вращи, прирасти, добираться, докапываться до корней* и др. Таким образом, выделение и описание фитонимических единиц приводит к выводам об особенностях ФЯКМ, отражающей запас знаний славян об определённых объектах природы, специфич-

ку уклада жизни и систему представлений о мире, главным средством познания которого служит метафора.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. В 3 т. – М.: Художественная литература, 1957.
2. Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 926 с.
3. Бурмистрова Т.Н. Сакральная фитонимия: лингвокультурологический аспект: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. – Екатеринбург, 2008. – 28 с.
4. Летова А.М. Тип номинации «человек»-«фитоним» как результат семантической деривации «терминов родства» // Актуальные вопросы филологии. Материалы научно-практической конференции студентов, аспирантов и преподавателей: Сборник научных трудов. Выпуск V. – М.: ООО «Диона», 2009. – 124 с.
5. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 296 с.
6. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. – М.-СПб.: Академия Исследований Культуры, Традиции, 2005. – 240 с.
7. Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. – Вып. 3. – М.: Худож. лит., 1994. – 525 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.
9. Осипова О.С. Славянское языческое миропонимание (философское исследование). – М., 2000. – 60 с.
10. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1958. – 1284 с.
11. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. В 5 т. Т. 1, 2. – М.: Международные отношения, 1995.
12. Сулименко Н.Е. Текст и аспекты его лексического анализа. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 400 с.
13. Трубачёв О.Н. Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду // Славянское языкознание. XII Межд. съезд славистов. – М., 1998. – 205 с.
14. Труш А.Н. Материалы из наследия славяно-арийских народов. Т. 12. Древнерусское славянское ведическое целительство. – М.: Элисто, 2007. – 87 с.
15. Фразеологический словарь современного русского литературного языка /Под ред. А.Н. Тихонова. В 2 т. Т. 2. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 832 с.
16. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.
17. Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 192 с.
18. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов. В 2 т. Т. 1, 2. – М.: Русский язык, 1993.
19. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд /Под ред. О.Н. Трубачёва. – М.: Наука, вых. с 1974. Вып. 11, 13, 15.

УДК 81'371

Напалкова С.В.

Московский государственный областной университет

**ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЛЕКСЕМЫ ГЛАГОЛ
В ДРЕВНЕРУССКОМ И ВЕЛИКОРУССКОМ ЯЗЫКАХ, ВЫЯВЛЕННЫЕ
МЕТОДОМ КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА**

S. Napalkova

Moscow State Regional University

**FEATURES OF THE SEMANTIC STRUCTURE OF THE WORD 'ГЛАГОЛ'
IN THE OLD RUSSIAN AND GREAT RUSSIAN LANGUAGE, IDENTIFIED
BY THE COMPONENT ANALYSIS**

Аннотация. Данная статья называется «Особенности семантической структуры лексемы глагол в древнерусском и великорусском языках, выявленные методом компонентного анализа». Настоящее исследование охватывает анализ лингвистических, исторических, этимологических, толковых словарей. Становление семантической структуры лексемы глагол выявлено с помощью методики компонентного анализа. Для наиболее полного представления о слове глагол как концепте в статье рассматриваются все однокоренные данной лексеме слова, отражённые в «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского и Толковом словаре живого великорусского языка Владимира Ивановича Даля. Для описания глагола как концепта лексема рассматривается в различных словосочетаниях.

Ключевые слова: концепт, лексико-семантическая структура, методика компонентного анализа, древнерусский язык, великорусский язык, лексема, сема (семантический множитель), семема.

Abstract. The article is headlined "The specific feature of the semantic structure of the word 'glagol' in Old Russian language and language of Great Russian, which determined thanks to the methodology of component analysis". The present investigation describes the analysis of the linguistic, historical, etymological, monolingual dictionaries. Also the article is devoted to the meanings of the word 'glagol' in Old Russian languages and language of Great Russian. We consider the formation of the semantic structure of the word 'glagol' through the methodology of component analysis. This abstract is significant and interesting because it touches upon the changes which have happened in Russian language at different stages of its development.

Key words: concept, the semantic structure, the methodology of component analysis, Old Russian language, language of Great Russian, lexeme, semantic component, sememe.

Поиск смысловых доминант, их становление, развитие, изменение в языке – проблема современной лингвистической науки, которая требует своего незамедлительного разрешения, потому что с этим вопросом связаны проблемы лексикографического описания языковых единиц, проблемы семиотических и семасиологических теорий о языке, проблемы герменевтики, или толкования различных текстов и т. д.

Цель данной статьи – описать смысловую структуру слова глагол в древнерусском и великорусском языках, то есть в донациональный период развития русского литературного языка. Трудность описания и анализа заключается в том, что трансформация семантической структуры слова глагол будет исследована современным методом – методом компонентного

анализа, применяемым для анализа единиц одного синхронного среза.

Как отмечает в своих работах Э.В. Кузнецова, метод компонентного анализа является основным и «важнейшим видом лексикологического анализа» [Кузнецова Э.В., 1989, с. 36]. Методика компонентного анализа заключается в отборе сем, из которых состоит значение, содержание того или иного слова.

В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского слово *глагол* имеет следующие значения и их оттенки:

ГЛАГОЛЪ – слово, *verbum*: – *Глаголы, ꙗже азъ глаголахъ вамъ* (Остромирово евангелие) *Въсь глаголь празднь, иже съвѣштахъ члци въздадъ слово о немъ въ днь сѣдньи Богу* (Пандекты Антиоха) *Иже глаголь въ иномъ ꙗзыцѣ краснь. То въ друзѣмъ некраснь;*

- какъ имя собственное: *Иваико Глаголь* (Никон. летопись);

- глаголь = глѣ+глѣ? Ср. д.-с.kall.- зовѣ, kalla –звать; др.-чеш. hlalol;

- название буквы Г: - *Пиши же БОГА СЪ ГЛАГОЛЕМЪ; Божие имя съ живѣтемъ полностью* [Срезневский И.И., 1893, с. 515].

Как и для анализа структуры словарной статьи *глагол* в Старославянском и Церковнославянском словарях, так и для характеристики семантической истории лексемы *глагол* в древнерусский период развития языка применим методику компонентного анализа и процедуру ступенчатой идентификации.

Основным значением лексемы *глагол* в древнерусский период развития языка было значение ‘слово, *verbum*’. Для проведения компонентного анализа будут использованы синонимы, приведённые И.И. Срезневским к данному значению слова *глагол*, а именно: слово, даръ слова, *рѣчь*, *бесѣда*, *выраженіе*, *законъ*. Сравнив синонимы *глагол* и *слово*, можно отметить не только сему ‘воздействие на человека’, разграничивающую эти слова, но и тот факт, что лексема *слово* имеет 27 значений в данном словаре (факт, несомненно, подтверждающий значимость слова в языке). Значение понятия *слово* намного шире, чем

значение лексемы *глагол*. Помимо того, что лексема *слово* включала в себя в древнерусский период развития языка значение слова *глагол* – ‘речь, словесное выражение мысли’, словом также называли ‘разговорную речь’, ‘письменную речь’, ‘смысл’, ‘факт’, ‘письмо’, ‘литературное произведение’, ‘выражение воли человека’, ‘приказ’ и многое другое [Срезневский И.И., 1893, с. 417-418, 419-420]. Не случайно при сопоставлении лексем *глагол* и *даръ слова* сразу же вспоминаются известные строки А.С. Пушкина «И лишь божественный глагол до слуха чуткого коснётся...». Сему ‘дар от Бога’ можно назвать семой, различающей лексемы *глагол* и *даръ слов* в Словаре И.И. Срезневского. При сопоставлении синонимов *глагол* и *бесѣда* определяющим фактором их парадигматических связей выступает сема ‘между людьми’, так как основным значением лексемы *бесѣда* является значение – ‘разговор двух и более людей’, ‘разговоръ съ кѣмъ-нибудь’ [Срезневский И.И., 1893, с. 83-84]. Сравнив синонимы *глагол* и *рѣчь*, можно отметить, что второе слово подразумевает ‘обращение к кому-либо’. Характер отношений лексем *глагол* и *выраженіе* определяет сема ‘устойчивое, крылатое выражение’. Сема ‘то, что нельзя преступить’ может быть выявлена при сравнении синонимов *законъ* и *глагол*.

Выявление вышеприведенных сем, их дифференцирующий признак носит субъективный характер, так как «исчерпывающее выявление компонентов слов таким путём требует много времени и таит в себе опасность ошибок, обусловленных тем, что интуиция каждого отдельного исследователя в достаточной мере субъективна» [Кузнецова Э.В., 1989, с. 36].

Для наиболее точных результатов следует использовать процедуру ступенчатой классификации, которая состоит «в последовательном сведении слов через идентификаторы к словам с предельно обобщённым характером» [Кузнецова Э.В., 1989, с.37]. Основное значение слова *глагол* в Материалах для словаря древнерусского языка И.И. Срезневского – ‘слово, *verbum*’. Лексема *слово*

являлось и является ядерной единицей практически в любом языке (**Вначалѣ было слово, н слово было Бог**). В древнерусский период развития языка оно имело множество значений, основным из которых было *‘рѣчь, слова’* [Срезневский И.И., 1893, с. 417-418, 419-420]. Языковая единица *рѣчь* в «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского имеет следующие значения – *‘звукъ, слово’*; *‘языкъ, нарѣчіе’*, *‘бесѣда, разговоръ, рассказъ’* [Срезневский 1893, 223-224]. Слово *бесѣда* обозначает *‘разговоръ съ кѣмъ-нибудь’*; *‘разговоръ въ собраніи’*; *‘рѣчь, слово’*; *‘языкъ, нарѣчіе’* [Срезневский И.И., 1893, с. 83-84]. Таким образом, компонентный состав лексемы *глагол* в древнерусский период развития языка можно представить следующим образом:

Глагол – *‘слово’*;
слово – *‘речь, слова’*;
речь – *‘звук, слово’*; *‘язык, наречие’*, *‘беседа, разговор, рассказ’*;

беседа – *‘разговор с кемъ-нибудь’*; *‘разговор в собрании’*; *‘речь, слово’*; *‘язык, наречие’*.

«Процедура ступенчатой классификации продолжается до тех пор, пока в сопоставляемых толкованиях не возникнет ситуация «взаимной идентификации» [Кузнецова Э.В., 1989, с. 38]. В нашем случае это взаимная идентификация слов *речь* и *беседа*. В первых, каждая из этих лексем входит в значение другого слова, а, во-вторых, некоторые компоненты значений лексем *речь* и *беседа* совпадают. Данная ситуация сигнализирует о том, что дальнейшее разложение значений на компоненты невозможно.

В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского приведены и другие слова с корнем *глагол*:

ГЛАГОЛАНИКЪ - И движеньк и глаголанье (Пандекты Антиоха).

От лексемы *глаголати* посредством суффикса *-ни-* образовано слово **глаголаник**, так как данное существительное является отвлечённым и имеет значение *‘речь, говорение’* – действие по глаголу. В работах по словообразованию отмечается, что именно глаго-

лы являются производящими для образования отглагольных существительных.

ГЛАГОЛАНИКЪ – Мерзкословеснии глаголаникъ (Ю. Злат.).

Данная лексема также образована от слова *глаголати*, но с помощью суффикса *-ник-*, который вносит значение *‘лицо, выполняющее действие’*.

Также встречаются лексемы *глаголати*, *глаголю*, которые, в отличие от данных церковно-славянского и старославянского словарей, имеют одно значение – *‘говорить, говорю’*: *Еще мно́го имамъ глаголати вамъ* (Остромирово евангелие); *Въздвиге оуста на небо, глагола хоща* (Гр. Наз): *Тако давлаше глаголющима противъ, ко же не имѣ ти противитисѧ; Не свою тварь зъл глаголааше;*

Мы бо Христовы есмы и Христова слова глаголемъ. (Грам. Алекс. Митр. 1356г.);

- *Стязи глаголютъ, Половци идутъ отъ Дона и отъ моря.* («Слово о полку Игореве»).

Словосочетание *глаголати на кого* имеет значение *‘наговаривать’*: *Много глаголаху на нь. Новг., а врѣдѣнѣ глаголати* обозначает *‘богохульствовать’*. Языковая единица *глаголати на кого* имеет то же самое значение, что и словосочетание *говорити на кого*: *И начаша людѣ говорити на воеводу на Кисняча (и начали люди наговаривать на воеводу Кисняча)* («Повесть временных лет»)

В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского встречается прилагательное *глаголивыи*: *В бесѣдливе и глаголиве, въпрашаѣ тѧ чьто мало* (Гр. Наз. XI в. 294); *Илоустрии, глаголивъ философъ* (Жит. Оскл. XI в.); *Глоухыя и нѣмыя добрѣ слышаща и глаголивы створи* (Кир. Тур. 57) и существительное *глагольникъ*: *Глагольници нѣции соущи и несказанъныхъ сповѣстници величества небеснаго* (Георг. Ам. 155); *Ни кдиномоу глагольникоу на срѣду прити* (Ефр. Крм, 209); *Глагольникъ върънъ и достоинъ* (Ефр. Крм, 209).

Таким образом, в древнерусском языке слово *глагол* сформировало свою семантическую структуру, которая может быть пред-

ставлена компонентами: 'выражение (выраженье)'; 'речь'; 'изречение'; 'говоръ'; 'слово'; 'бесѣда'; 'язык'; 'разговор'; 'наречие'; 'звук'; 'язык'; 'наречие'; 'рассказ'.

В истории русского языка в связи с развитием и функционированием русского литературного языка в его устной и письменной разновидностях, а значит, в связи с влиянием на этот процесс экстралингвистических факторов смысловая структура слова *глагол* значительно расширилась. К XIX веку значение лексемы *глагол* изменилось путём расширения или сужения семантического объёма.

В Толковом словаре живого великорусского языка Владимира Ивановича Даля лексема *глагол* имеет следующие значения:

- 'слово, речь, выражение' (данное значение является основным);
- 'словесная речь человека, разумный говор, языкъ';
- 'Грам. Часть речи, разрядъ словъ, выражающихъ дѣйствие, состояніе, страданіе. Жить по глаголу (т. е. Божію), арх. 'въ дружбе, согласіи, въ мирѣ'.

Для того чтобы наиболее полно раскрыть содержание слова *глагол* и представить себе, какое значение имело исследуемое слово для носителей русского языка в великорусский период развития языка, обратимся опять же к методу компонентного анализа. Поскольку только при сравнении анализируемой лексемы с тем или иным синонимом можно выявить семы, не просто различающие или объединяющие данные слова по смыслу (в семантическом отношении), но и объяснить, почему в определенном контексте можно использовать лишь одно из этих слов. Таким образом, компонентный анализ позволит выявить различные лексические, грамматические, синтаксические, контекстуальные и другие особенности данной лексемы.

Итак, основным значением лексемы *глагол* в великорусский период развития литературного языка было значение 'слово, речь, выражение'. В словаре В.И. Даля синонимами к слову *глагол* (в его основном значении) приводятся слова: *слово, речь, выражение, говор, языкъ*.

При сопоставлении лексем *слово* и *глагол* необходимо отметить тот факт, что *слово* являлось ядерной единицей в великорусский период развития языка, на что указывает большая по объёму словарная статья, а также сами семантические компоненты лексемы *слово*:

- 'исключительная способность человека выражать гласно мысли и чувства свои';
- 'дар говорить, сообщаться разумно, сочетаемыми звуками';
- 'словесная речь';
- 'разговор, бесѣда';
- 'речь, проповѣдь';
- 'сказаніе' [Даль В.И., 1999, с. 291].

Эпитеты, с которыми употреблялось *слово*, также говорят нам о великой значимости данной лексемы для носителей языка – *Живое слово; слово Божье*. Словом называли Святое писаніе, Ветхій и Новый Заветъ. Человеку слово дано, скоту нѣмота. Слово есть возсозданіе внутри себя міра (К. Аксаков) [Даль В.И., 1999, с. 291]. Таким образом, семой, разграничивающей лексемы *слово* и *глагол*, является сема 'дар, исключительная способность'.

При сравнении слов *речь* и *глагол* трудно выделить дифференциальную сему, так как семантическая структура данных лексем в словаре В.И. Даля одинакова (сравните: глагол – 'слово, речь, выражение' и речь – 'слово, изречение, выраженье' [Даль В.И., 1999, 94, с. 352]. Необходимо отметить также и то, что под *речью* иногда понимали 'способъ выраженья и произношения' [Даль В.И., 1999, с. 94]. Итак, сема 'способ произношения текста' разграничивает значения лексем *речь* и *глагол*.

В словаре В.И. Даля слово *выражение* имеет два основных значения:

- дѣйствие по значению глагола – 'показывать или представлять какимъ бы то ни было способомъ (речью, письмом, звуками и др.);
- 'слово, речь' [Даль В.И., 1999, с. 310].

Компоненты лексической парадигмы *выражение* и *глагол* различаются семантическим объёмом: существительное *выражение*

в синтагме *крылатое выражение* имеет больший информационный и смысловой потенциал, потому что оно обозначает всякую паремийную единицу – поговорку, поговорку, фразему и т. д., то есть дифференциальной семой в лексемах *выражение* и *глагол* является сема 'объём сообщаемой информации'.

При сопоставлении лексем *глагол* и *говоръ*, выясняется, что *говоръ* в значении 'диалект, местное устное наречие' является симиляром для слова *глагол*. Поэтому для сравнения используем языковую единицу *говоръ* в значении 'шумъ или гуль нѣсколькихъ голосовъ', 'шумъ, гуль, шелестъ', 'речь, бесѣда, разговоръ', 'толки, слухи, молва' [Даль В.И., 1999, с. 364]. Таким образом, лексемы *глагол* и *говоръ* отличаются друг от друга семой 'способ выражения мысли, передачи информации'.

Сравнивая лексемы *глагол* и *язык*, необходимо отметить то, что *язык* намного шире по семантической структуре. Сравните: *язык народа, язык нации, язык писателя, язык эпохи* и т. д. Понятие *язык* обозначает средство общения между людьми, то есть то, с помощью чего люди выражают свои мысли, чувства и пр. Следовательно, семой, разграничивающей слова *язык* и *глагол*, является сема 'средство общения'.

Итак, компонентный анализ лексемы *глагол* в великорусский период развития языка выглядит следующим образом:

Глагол – 'слово, речь, выражение';
слово – 'речь, разговоръ, бесѣда';
речь – 'слово, изречение, выраженье', 'говоръ';
выражение – 'слово, речь';
говоръ – 'речь, бесѣда, разговоръ'.

Как отмечалось ранее, процедура ступенчатой классификации продолжается до тех пор, пока не будут установлены взаимно идентифицируемые компоненты. В данном случае это лексемы *речь* и *слово*. Необходимо отметить и то, что все исследуемые лексемы имеют одни и те же смысловые компоненты: 'речь, слово, выражение'. Данная особен-

ность, на наш взгляд, указывает не только на семантическое родство данных слов, но и на тот факт, что в истории русского языка произошло их семантическое притяжение, так как в какой-то период формирования языка они имели один семантический множитель.

Итак, методика компонентного анализа смысловой структуры слова *глагол* в древнерусский и великорусский периоды развития русского литературного языка выявила следующие особенности функционирования данной лексемы:

1. Смысловая структура лексемы *глагол* в древнерусский и великорусский периоды развития литературного языка состояла из следующих компонентов: 'выражение (выраженье)'; 'речь'; 'изречение'; 'говоръ'; 'слово'; 'бесѣда'; 'язык', 'разговор'; 'наречие'.
2. Семантика слова *глагол* расширилась за счёт компонентов: 'звук', 'язык', 'наречие', 'рассказ', о чём свидетельствуют «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского.
3. Компонентный анализ лексемы *глагол* выявил те же компоненты, что и в древнерусский период развития русского литературного языка. Кроме того, компонентный анализ продемонстрировал, что лексема *глагол* развила семы: 'выражение', 'говоръ', о чём свидетельствует Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Ивановича Даля.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4т. – М.: Рус.яз., 1999. – С. 352, 109.
2. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Высш. шк., 1989. – 216 с.
3. Напалкова С.В. Лексико-семантическая структура слова *глагол* в старославянском и церковно-славянском языках // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология» № 1. – М.: Изд-во МГОУ, 2011. – С. 46.
4. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. – СПб.: Типография императорской академии наук, 1893. – С. 515.

УДК 811.161.1'374

Рахимова Д. И.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

**ОППОЗИЦИЯ «БЕЛЫЙ – ЧЕРНЫЙ» В РОМАНЕ В. НАБОКОВА
«ЗАЩИТА ЛУЖИНА»**

D. Rahimova

Kazan (Volga Region) Federal University

**OPPOSITION “WHITE - BLACK” IN THE NOVEL
“THE LUZHIN DEFENCE” BY V. NABOKOV**

Аннотация. Статья посвящена изучению функционирования оппозиции «белый – черный» в романе В. Набокова «Защита Лужина». Проведённое исследование позволило выявить случаи как usual, так и occasional употребления антонимической парадигмы «белый – черный». Текстологический анализ позволил сделать вывод о том, что антонимическая пара «белый – черный» является элементом, объединяющим структурные элементы текста.

Ключевые слова: антоним, антонимическая пара, оппозиция, текст.

Abstract. This article is devoted to the analysis of function of the opposition “white-black” in the novel “The Luzhin defence” by V. Nabokov. Detailed research helped to reveal the cases of usual and occasional usage of the antonymous pair “white-black”. The textual analysis allowed to come to the conclusion, that the antonymous pair “white-black” is a component that combines structural elements of the text.

Key words. Antonym, antonymous pair, opposition, text.

Известно, что в последние десятилетия текст наряду со словосочетанием и предложением занял прочное место в ряду синтаксических единиц русского языка. В настоящее время изучение текста вышло за пределы синтаксиса и оформилось в самостоятельную область филологических знаний.

Основы лингвистического анализа текста заложены в трудах А.А. Потебни, Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, Л.В. Щербы, И.Р. Гальперина, Л.Ю. Максимова, Н.А. Кожевниковой, Н.М. Шанского, Л.Г. Барласа и др. Практиковавшиеся ими методы и приёмы анализа языка художественной литературы стали органической частью современной научной теории текста, внедряемой в педагогическую практику высшей школы.

В настоящее время продолжают изыскания в данной области в работах Л.А. Новикова («Лингвистическое толкование художественного текста»), Н.А. Николиной («Филологический анализ текста»), В.А. Лукина («Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа»), Л.Г. Бабенко («Филологический анализ текста: Основы теории, принципы и аспекты анализа»), Н.С. Валгиной («Теория текста») и некоторых других.

Художественный текст представляет собой сложную по организации систему. С одной стороны, это частная система средств общенационального языка, с другой стороны, в художественном тексте автор создаёт собственную систему знаков, которую адресат (читатель) должен «дешифровать», чтобы понять текст. В научной литературе для обозначения подобных знаков используются различные термины, наиболее распространенным из кото-

рых является термин «ключевые слова». Они базируются на повторе, составляют семантическую доминанту текста, а также могут образовывать значимые для его интерпретации сквозные оппозиции, поэтому при исследовании текста необходимы знания о функции оппозиций, которые являются стержнем произведения и способствуют выявлению коннотативной семантики лексемы. По мнению Ю.К. Лекомцева, любой текст – и в частности художественный – можно представить себе как совокупность напряжений и разрядок, создаваемых многими парами антонимов в их многократных вхождениях [2, с. 75]. Главным при определении антонимии является понятие противоположности, раскрытие её философского, логического и лингвистического содержания. Мы исходим из традиционного понимания пары антонимических слов, то есть слов с противоположным значением, имеющим при этом и тождественный компонент. «Специфической особенностью антонимической пары является её парность: она состоит из позитивного и негативного членов» [5, 244]. Анализ употребления антонимов показывает, что таким лексическим единицам свойственна высокая степень совместной встречаемости, то есть одновременного употребления в тексте. Такое их употребление оказывается наиболее характерным; оно раскрывает основное содержание антонимии как противоположности, предельного отрицания внутри одной сущности.

В исследуемом нами романе особый интерес представляет оппозиция «белый-чёрный», поскольку эта цветовая гамма соотносится с шахматными фигурами и шахматной доской, которые находятся в центре внимания читателя, поскольку они являются важными элементами характеристики главного персонажа романа и всей его жизни.

Лексема «белый» имеет следующие значения: 1) «цвета снега или мела»; 2) «светлый»; 3) перен. «контрреволюционный»; 4) «со светлой кожей» [4, с. 56].

Лексема «чёрный» представлена такими значениями, как: 1) «цвета сажи, угля»; 2)

«очень тёмный»; 3) в старину «курной»; 4) перен. «мрачный, безотрадный, тяжёлый»; 5) перен. «преступный, злостный»; 6) «не главный, подсобный»; 7) «физически тяжёлый и неквалифицированный»; 8) «принадлежавший к непривилегированным, эксплуатируемым классам общества», 9) в Древней Руси: «государственный, не частновладельческий» [4, с. 1180].

Сопоставив значения данных лексем и учитывая, что в основе семантического соотношения антонимической пары лежит не только дифференциальный признак, но и интегральный, можно сделать вывод, что лексемы «белый» и «чёрный» вступают в оппозицию в значениях: 1) «цвета снега или мела» [4, с. 56] – «цвета сажи, угля» [4, с. 1180]; 2) «светлый» [4, с. 56] – «тёмный» [4, с. 1180]. Однако Л.А. Введенская выделяет оппозицию и на уровне переносных значений данных лексем: «положительный, хороший» – «отрицательный, плохой» [1, с. 61].

В исследуемом тексте нами выявлены случаи употребления антонимической парадигмы «белый» – «чёрный» лишь в оппозиции значений «цвета снега или мела» – «цвета сажи, угля»: 1) *<...> он не раз, в приятной мечте, похожей на литографию, спускался ночью со свечой в гостиную, где вундеркинд в белой рубашонке до пят играет на огромном чёрном рояле* [3, с. 113]. 2) *Страница в голубую клетку застилалась туманом; белые цифры на чёрной доске то суживались, то расплывались <...>* [3, 116]. 3) *В открытом чёрном платье, в чудесном бриллиантовом ошейнике, с постоянным выражением сонной ласковости на пухлом, белом лице, она принимала гостей тихо, без восклицаний <...>* [3, с. 123].

Во всех контекстах антонимическая парадигма «белый – чёрный» представлена в оппозиции прямых значений «цвета снега или мела» [4, с. 56] – «цвета сажи, угля» [4, с. 1180]. Интегральной семой в данной паре является гиперсема «цвет», дифференциальными оказываются гипосемы «снег, мел – сажа, уголь». Так как антонимическая парадигма «белый –

чёрный» обозначает противопоставленность признаков, наличие одного из которых исключает существование другого, никакой средний член не может быть вставлен в эту парадигму, поэтому она относится к контрадикторным антонимам. А то, что антонимы «белый – чёрный» относятся к разным словообразовательным гнездам, позволяет говорить о том, что они являются разнокорневыми.

Помимо узуального употребления антонимической парадигмы «белый – чёрный» в романе встречаются и случаи её окказионального употребления. Как правило, это производные от компонентов, входящих в доминантную пару антонимов: *Вот крыши изб, густо поросшие ярким мхом, вот знакомый старый столб с полустёртой надписью (название деревни и число душ), вот журавль, ведро, **чёрная** грязь, **белоногая** баба* [3, с. 110]. В данном предложении выделяем оппозицию «чёрный – белоногий». Слово *белоногий* образовано сложносuffixальным способом, где интерфикс является самостоятельной морфемой и входит в комплексный формант, а суффикс является нулевым [5, с. 505]: *бел+ô+ног+ø^+ий* ← *белая + нога*. Таким образом, можно утверждать, что и в этом случае мы наблюдаем оппозицию «белый – чёрный».

Встречаются случаи, когда лексемы содержат в своих значениях члены парадигмы:

*Иногда, впрочем, бывали невыносимые разочарования: вместо заболевшего учителя вползал маленький, хищный математик и, беззвучно прикрыв дверь, со злорадной улыбкой начинал выбирать кусочки **мела** из желоба под **чёрной** доской* [3, с. 128]. «Мел» – «мягкий **белый** известняк, употребляемый для окраски, писания» [4, с. 455]. Следовательно, приходим к исходной оппозиции «белый – чёрный».

Интересны случаи, когда значение лексемы приходится восстанавливать посредством другого языка: *Один из этих мужчин показался ей особенно противным: **белозубый**, с сияющими **карими** глазами; покончив с лакеем, он*

громко стал рассказывать что-то, вставляя в русскую речь самые истасканные немецкие словечки [3, с. 228]. – Слово «белозубый» образовано тем же способом, что и «белоногий»: *бел+ô+зуб+ø^+ый* ← *белый + зуб*. Лексема «карий» означает «темно-коричневый» (о цвете глаз и о масти лошадей) [4, с. 355]. В данном случае необходимо обратиться к этимологии слова. Происхождение лексемы «карий» «повидимому восходит к общетюркскому корню *qara – «чёрный» [6]. Следовательно, и в данном случае можем говорить о противопоставлении «белый – чёрный».

Проведённый анализ антонимических пар позволяет говорить о том, что В.В. Набоков умело использует не только поверхностные смыслы, но и потаённые, скрытые от взора неподготовленного читателя, вовлекая его в игру, о правилах которой остаётся лишь догадываться. Цепочка антонимических пар, пронизывающая роман, объединяет структурные элементы текста. Смена «чёрного» и «белого» постоянно отсылает читателя к шахматной доске, к чёрным и белым квадратам, а использование новых, непривычных антонимических пар держит читателя в напряжении.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Введенская Л.А. Учебный словарь антонимов русского языка. – М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2005. – 320 с.
2. Лекомцев Ю.К. Антонимический текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – 168 с.
3. Набоков В.В. Романы. Рассказы. – М.: Дрофа: Вече, 2002. – 480 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; Под общ.ред. проф. Л.И. Скворцова. – М.: Оникс, 2008. – 1328 с.
5. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. – Ч.1. / Е.И. Диброва и др.; под ред. Е.И. Дибровой. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 544 с.
6. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка // URL: <http://chernykh-etym.narod.ru> (дата обращения 19.12.2011).

УДК 811.161.1

Свиридова Е. А.

Мичуринский государственный педагогический институт

ИЗМЕНЕНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

E. Sviridova

Michurinsk State Pedagogical Institute

CHANGE OF STYLISTIC PROPERTIES OF LEXICAL UNITS

Аннотация. В статье рассматривается изменение стилистических свойств лексических единиц в результате динамических процессов в лексике русского языка последних десятилетий – стилистической нейтрализации и стилистического перераспределения. Стилистические преобразования исследуются на примере книжной лексики, активно функционирующей в современном публицистическом дискурсе. Внимание акцентируется на том, что стилистическая переориентация языковых знаков, как правило, сопровождается и обусловливается семантическими процессами. В результате семантико-стилистических трансформаций изменяется сфера функционирования языковых знаков и нередко их эмоционально-экспрессивная окраска.

Ключевые слова: стилистическая нейтрализация, стилистическое перераспределение, семантические процессы, стилистические свойства, книжная лексика.

Abstract. This article studies the change of stylistic properties of lexical units as a result of dynamic processes in the lexicon of Russian of past decades – stylistic neutralization and stylistic redistribution. Stylistic transformations are investigated on the example of bookish lexicon that actively functions in the contemporary journalistic discourse. Stylistic reorientation of language signs, as a rule, is accompanied and caused by semantic processes. The sphere of language signs and their emotionally-expressional coloring are changed as a result of semantic and stylistic transformation.

Key words: stylistic neutralization, stylistic redistribution, semantic processes, stylistic properties, bookish lexicon.

Стилистические преобразования, происходящие на современном этапе в словарном составе, тесно связаны с историческими условиями существования русского языка, с тем, как воспринимаются те или иные лексические единицы его носителями. Как отмечает Н.С. Валгина, стилистические процессы в целом характеризуются двумя направлениями: стилистической нейтрализацией и стилистическим перераспределением [1, с. 92]. Изменение стилистической квалификации слов часто сопровождается и обусловливается семантическими процессами [2, с. 48–57]. В результате семантико-стилистических трансформаций изменяется сфера функционирования языковых знаков и нередко их эмоционально-экспрессивная окраска.

Цель данной статьи – рассмотреть процессы стилистической нейтрализации и стилистического перераспределения, протекающие в корпусе книжной лексики, которая активно функционирует в современном публицистическом дискурсе.

Стилистическая нейтрализация представляет собой переход слов из разряда стилистически маркированных (книжных, разговорных) в разряд стилистически нейтральных.

Процесс стилистической нейтрализации, как отмечают исследователи, с большей или меньшей интенсивностью происходит в разные периоды истории общества и языка [1; 3 и др.].

Стилистическая нейтрализация книжной лексики детерминирована тем, что книжные единицы, регулярно употребляющиеся в публицистических текстах и живой разговорной речи, перестают восприниматься носителями языка как книжные.

Наше исследование показывает, что на современном этапе процессу стилистической нейтрализации (полной или частичной) подвержены отдельные книжные слова или стилистически маркированные значения полисемичных лексических единиц (*коррупция, элита, держава, суверенный*). Как правило, изменение стилистической квалификации языкового знака сопровождается развитием его смысловой структуры и синтагматических свойств, а иногда и изменением оценочности.

Рассмотрим стилистическую нейтрализацию и сопровождающие её семантические процессы на примере лексемы *коррупция*. Данное слово относится к числу социально значимых языковых знаков, отражающих негативные явления и процессы в современной России. Карточка нашего исследования показывает, что в газетно-журнальных материалах эта лексическая единица является одной из самых частотных. Например: *К моменту подписания этого номера второе и третье чтения законопроекта ещё не состоялись... не прошла ни одна поправка, затрагивающая фундаментальные основы МВД: контроль, чистка рядов, защита гражданских прав, бизнеса. Спрятавшись за авторитет Президента, аппаратчики одержали победу. Но что сулит она обществу? Станет ли меньше **коррупции**, терактов, «полицейского» беспредела?* (РФ сегодня. 2011. № 3); *Подмосковный следователь, чья фамилия не разглашается, отказался от взятки в размере 8 миллионов рублей. Нет сомнений, что неизвестный герой в ближайшее время будет*

*широко распиарен и поставлен в пример – не так часто следователи сами заявляют на коммерсантов, пытающихся их подкупить. В самом деле, пока в борьбе с **коррупцией** похвастаться особо нечем* (Труд. 2011. № 104).

Толковые словари содержат неоднозначную стилистическую квалификацию существительного *коррупция*. Так, в СО-4 [10] и Толк. сл. нач. XXI в. [13] данное слово маркируется пометами *книжн.* (СО-4) и *полит.* (Толк. сл. нач. XXI в.). См.: *коррупция* – (книжн.) ‘моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами’ [10, с. 298]; *коррупция* – (полит.) ‘продажность, подкуп должностных лиц, государственных чиновников, общественных и политических деятелей; использование своей должности в целях личного обогащения’ [13, с. 506].

В БАС [12], МАС [11] и НБТС [6] эта лексема зарегистрирована как стилистически нейтральная. См., например: *коррупция* – ‘в капиталистических странах – подкуп, продажность должностных лиц, политических деятелей’ [12, т. 5, ст. 1475]; *коррупция* – ‘подкуп взятками, продажность должностных лиц и политиков’ [6, с. 460].

Полагаем, что высокая речевая частотность существительного *коррупция* в разных сферах речи, в том числе в СМИ, а также в непринуждённом общении, и его неоднозначная стилистическая квалификация в толковых словарях, свидетельствуют о стилистической нейтрализации данного языкового знака. Употребляясь в окружении нейтральных и даже стилистически сниженных (*беспредел, распиарен, похвастаться*) лексических единиц, книжное слово ослабляет свою стилистическую окраску, становится привычным, а следовательно, стилистически нейтральным.

Стилистическая нейтрализация лексической единицы *коррупция* сопровождается её идеидеологизацией и развитием смыслового содержания. Явление, обозначенное данной

лексемой, в настоящее время характерно не только для капиталистических стран, но и для современной России. В связи с этим существительное *коррупция* утратило идеологическую помету 'в капиталистических странах', маркировавшую его в толковых словарях старшего поколения (см. БАС). Под влиянием экстралингвистических факторов в смысловой структуре слова появились такие семантические компоненты, как 'моральное разложение', 'срастание с мафиозными структурами' (см. СО-4), 'личное обогащение' (см. Толк. сл. нач. XXI в.).

Одним из свидетельств стилистической нейтрализации лексемы *коррупция*, как мы считаем, является формирование у неё сильноразвёрнутого словообразовательного гнезда в течение непродолжительного отрезка времени: *коррупционер, коррупционность, коррупционный, коррупциогенный, коррумпированный, коррумпированность, антикоррупционный*. Данные языковые знаки появились в русском языке в конце XX – начале XXI в. и так же, как существительное *коррупция*, активно употребляются в современной прессе. Например: «Справедливая Россия» – за конфискацию имущества мздоимцев, **коррупционеров**. Пока её не узаконим, не будет хорошего кнута. Многие страх потеряли. Бить надо по самому больному: собственности, несправедливо нажитой. Что нахапал, наворовал – верни государству (РФ сегодня. 2009. № 7); Борьба нацелена на пресечение **коррупциогенных** денежных потоков (Эксперт. 2011. № 26); **Коррумпированная** бюрократия имеет серьезные лоббистские возможности в правоохранительных структурах (АиФ. 2011. № 22); **Антикоррупционные** меры коснутся практически всех: от милиционеров до самих депутатов (РФ сегодня. 2008. № 22).

Параллельно стилистической нейтрализации в современном русском языке идёт процесс стилистического перераспределения. *Стилистическое перераспределение* – это перемещение слов из одной стилистической группы в другую [1; 4; 5]. «Стилистическая

характеристика слова – эмоционально-экспрессивная окраска и функциональная принадлежность – определяется не только традиционностью употребления: она формируется и изменяется в сфере многочисленных общественно-социальных контекстов его употребления» [4, с. 285].

В настоящее время изменение стилистической окраски слов наблюдается прежде всего в текстах современной прессы. Как показывает наше исследование, переход слов из одного стилистического разряда в другой происходит не только в направлении: книжное → нейтральное (нейтрализация), но и в противоположном направлении: нейтральное → книжное (*визит, вежа, догма*). Рассмотрим переход нейтральных единиц в корпус книжной лексики на примере слов *визит* и *вежа*, которые активно употребляются в публицистических текстах.

В толковых словарях старшего поколения (БАС, МАС) у лексемы *визит* зарегистрировано два ЛСВ. См., например: *визит* – 1) 'кратковременное посещение кого-либо (преимущественно официальное)'; 2) 'посещение врачом больного' [12, т. 1, ст. 725]. Стилистическая помета, указывающая на сферу употребления существительного *визит*, в данных словарях отсутствует. Однако в смысловую структуру ЛСВ-1 входит семантический признак 'преимущественно официальное' (посещение), уточняющий характер функционирования языкового знака.

Разные издания словаря С.И. Ожегова фиксируют лексему *визит* в одном, обобщённом значении, см.: *визит* – 'посещение, преимущественно официальное' [7, с. 74; 8, с. 87; 9, с. 81; 10, с. 83]. Такая дефиниция языкового знака отражает процесс конвергенции (слияния) двух ЛСВ в одно значение [14, с. 210]. Однако к настоящему времени данный процесс не завершён, о чём, в частности, свидетельствует словарное описание существительного *визит* в НБТС, где лексема представлена как моносемант, имеющий вместе с тем оттенок значения. См.: *визит* – (офиц.) 'кратковременное посещение кого-, чего-ли-

бо по долгу службы'. *Нанести визит. Прибыть с частным, государственным визитом* (о главах государств, правительствах и т. п.) / 'о любом посещении кого-либо кем-либо'. *Отправиться с визитом к родственникам* [6, с. 131]. Обращает на себя внимание стилистическая помета *офици.*, которая маркирует данное слово в НБТС.

Наши наблюдения показывают, что существительное *визит* в современной прессе обычно присутствует в контекстах, сообщающих об официальных рабочих поездках первых лиц государства (президента, премьер-министра и т. п.), о посещении ими по долгу службы иностранных государств. Например: *Несмотря на многочисленные заявления об успехе визита Дмитрия Медведева в Турцию, Россия так и не смогла добиться от Анкары главного – соглашения о прокладке нефтепровода «Южный поток» по турецкому шельфу Чёрного моря* (Рус. репортер. 2010. № 19); *В рамках визита Владимира Путина в Болгарию София и Москва подписали документы о создании совместного предприятия South Stream Bulgaria для проекта «Южный поток»* (Эхо планеты. 2011. № 44).

Итак, в современной публицистике, в СМИ существительное *визит* функционирует в значении 'кратковременное официальное посещение'. Следовательно, в его семантике социально значимым является смысловой компонент 'по долгу службы', который эксплицирован в словарном толковании языкового знака и снабжен уточняющим элементом 'о главах государств, правительствах и т. п.' (см. НБТС). Оттенок значения 'любое посещение кого-либо кем-либо' в настоящее время неактуален, поэтому находится на периферии смысловой структуры лексической единицы.

Функционирование существительного *визит* в публицистических текстах общественно-политической тематики, актуализация в речевых актах семантических признаков 'официальное', 'по долгу службы' позволяют констатировать переход данного языкового знака из разряда нейтральных (*визит врача,*

визит к родственникам) в разряд книжных, официальных (*прибыть с государственным визитом*). Об этом свидетельствует и помета *офици.*, маркирующая слово *визит* в НБТС.

Сопоставительный анализ словарных дефиниций существительного *веха* показывает, что данное слово также претерпело семантико-стилистические преобразования. Так, в БАС и в разных изданиях словаря С.И. Ожегова существительное *веха* имеет два значения. См.: *веха* – 1) 'шест, жердь, ветка (чаще с каким-либо знаком) и т. п., указывающие путь куда-либо, направление, границы и т. п. чего-либо'; // 'деревянный шест или другой знак, служащий для измерения при планировке местности' (геодез.); (морск.) 'вертикальный поплавок в форме шеста, снабженный опознавательными знаками (метёлками из прутьев, перекладинами и т. п.), указывающий фарватер или предупреждающий об опасности'; 2) (перен.) *вехи* – 'основные, ориентирующие моменты в развитии чего-либо' [12, т. 2, ст. 253]; *веха* – 1) 'шест в поле для указания пути, границ земельных участков, а также шест на поплавке для указания пути по воде'; 2) (перен.) 'важный момент, этап в развитии чего-нибудь' [7, с. 70; 8, с. 82; 9, с. 76; 10, с. 77].

Как видим, в БАС ЛСВ-1, кроме основного значения, имеет два смысловых оттенка со стилистическими пометами *геодез.* и *морск.* ЛСВ-2 в процитированных словарях маркирован пометой *перен.* Это свидетельствует о том, что он возник в результате метафорического переосмысления ЛСВ-1.

В новейшем толковом словаре (НБТС) у лексемы *веха* зарегистрировано три значения. См.: *веха* – 1) 'шест, служащий для указания пути, границ земельных участков, планировки на местности'. *Поставить вехи*; 2) (мор.) 'укреплённый на якоре шест, выступающий из воды и служащий для указания фарватера, мелей и т. п.'; 3) (книжн.) 'наиболее важный, основной этап в развитии чего-либо'. *Основные вехи русской истории* [6, с. 123]. Развитие семантической структуры слова произошло в результате дивергенции,

т. е. «расслоения», «расщепления» семантики слова, образования из одного значения двух самостоятельных лексико-семантических вариантов [14, с. 209].

В данном случае наблюдается «расщепление» ЛСВ-1 полисеманта *веха*: оттенок основного значения, отмеченный пометой *морск.* (см. БАС), преобразовался в самостоятельный ЛСВ (см. НБТС).

Кроме того, обращает на себя внимание изменение маркированности значения 'наиболее важный, основной этап в развитии чего-либо' в направлении: *перен.* (см. ЛСВ-2 в БАС, СО-1, СО-2, СО-3, СО-4) → *книжн.* (см. ЛСВ-3 в НБТС).

Пометы *перен.* и *книжн.* содержат разную информацию о языковом знаке. Первая указывает на характер связи значения с реальией внешнего мира (ср.: прямое значение – переносное значение), вторая – на сферу употребления слова.

Следовательно, мы можем констатировать, что БАС, СО-1, СО-2, СО-3, СО-4 фиксируют существительное *веха* в значении 'наиболее важный, основной этап в развитии чего-либо' как стилистически нейтральную языковую единицу, а НБТС – как книжную.

Проанализированный лексикографический материал отражает процесс стилистического перераспределения – перемещение слова *веха* в указанном значении из разряда стилистически нейтральных единиц в разряд книжной лексики.

Наши наблюдения показывают, что существительное *веха* в значении 'наиболее важный, основной этап в развитии чего-либо' не имеет в современной речи широкого распространения и, употребляясь в публицистических текстах, сохраняет окраску книжности. Например: [Владимир Мамонтов:] *Все подводят итоги года и называют главные вехи. Я тоже ворошил 2010-й, пытаюсь выбрать главные, – выбрал семь* (Известия. 2010. № 247); *Это событие [открытие современного таможенно-логистического терминала] стало важной вехой в реализации Концепции ФТС России по переносу таможенного*

контроля товаров в места, приближенные к государственной границе Российской Федерации (Труд. 2011. № 118).

Рассмотренные нами языковые процессы – стилистическая нейтрализация книжных слов и стилистическое перераспределение – показывают, что лексическая система современного русского языка является гибкой, динамичной, подвижной. Языковые единицы под влиянием экстра- и интралингвистических факторов способны изменять свои стилистические свойства и адаптироваться в новых условиях функционирования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. – М.: Логос, 2001. – 304 с.
2. Виноград Г.Г. О некоторых семантических изменениях в лексике русского литературного языка новейшего времени (1930–1970-е годы) // Филологические науки. – 1985. – № 6. – С. 48–57.
3. Винокур Т.Г. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // Развитие функциональных стилей современного русского языка. – М.: Наука, 1968. – С. 12–100.
4. Грановская Л.М. Развитие лексики русского литературного языка в 70-е годы XIX – начала XX века (1917 г.) // Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века / отв. ред. Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1981. – С. 183–359.
5. Какорина Е.В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Языки рус. культуры, 2000. – С. 67–89.
6. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, М.: РИПОЛ классик, 2008. – 1536 с. (НБТС)
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1982. – 816 с. (СО-1)
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1989. – 924 с. (СО-2)
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1993. – 960 с. (СО-3)
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: А ТЕМП, 2010. – 944 с. (СО-4)
11. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1981–1984. (МАС)
12. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950–1965. (БАС)

13. Толковый словарь русского языка начала ХХІ века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Скляревой. – М.: Эксмо, 2007. – 1136 с. (Толк. сл. нач. ХХІ в.)
14. Черникова Н.В. Актуальные концепты и активный словарь: учеб. пособие. – Мичуринск: МГПИ, 2011. – 243 с.

ЛИТЕРАТУРА

УДК 82;316.3

Алпатова Т. А.

Московский государственный областной университет

ТРЕДИАКОВСКИЙ И КАРАМЗИН (ПУТИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ПРОЗЫ XVIII ВЕКА)

T. Alpatova

Moscow State Regional University

TREDIAKOVSKY AND KARAMZIN (WAYS OF THE RUSSIAN PROSE IN 18TH CENTURY)

Аннотация. В статье рассматриваются типологические параллели между творчеством В.К. Тредиаковского и Н.М. Карамзина. Автор анализирует стратегию поведения писателей, особенности их диалога с читателем, формы построения повествования. Материалом анализа стали «Езда в остров Любви» В.К. Тредиаковского и «Письма русского путешественника», а также «Бедная Лиза» Н.М. Карамзина. Сделаны выводы о типологическом сходстве позиций писателей (установка на автобиографизм, создание самостоятельной стратегии повествования, диалог с предполагаемым читателем).

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, В.К. Тредиаковский, стратегия поведения писателя, повествование, русская проза XVIII века.

Abstract. This paper is devoted to the typological parallels between creative works of V. Trediakovsky and N. Karamzin. The author analyzes the strategic behavior of writers, peculiarities of their dialogue with a reader, the form of narration. The analysis is based on «The voyage to the island of love» by V. Trediakovsky and «Letters of the Russian Traveler» and «Poor Liza» by N. Karamzin. The conclusions are made about typological similarity of writers (direction to autobiographical, self-created strategies of narration, dialogue with the prospective reader.)

Key words: N. Karamzin, V. Trediakovsky, the strategic behavior of writers, narration, the Russian prose of the 18th century.

Одной из самых сложных задач изучения русской литературы XVIII в. является интерпретация художественной прозы. Все «общие» проблемы, которые возникают перед литературоведением, обращённым к XVIII столетию, применительно к исследованию прозы делаются ещё острее. Прежде всего это касается определения самого предмета изучения, к которому будет обращена история русской литературы той поры, её материала, в подборе которого сложно разграничить оригинальные и переводные тексты, определить границу между художественным/нехудожественным, специфику самостоятельности художественной стратегии, которая будет обозначать определённый уровень новаторства писателя-прозаика и его ме-

сто в развитии общей литературной тенденции. Более конкретные проблемы также не легче: принципиальная невозможность приложить к развитию прозы привычную схему развития литературы XVIII в. «от классицизма к сентиментализму»; наконец, сложность выбора методологии описания, его исходного принципа построения. Однако именно художественная проза, которая на протяжении всего XVIII столетия формировалась как эстетическое явление, менялась наиболее интенсивно и динамично (стоит лишь представить пропасть, лежащую между анонимными рукописными «гисториями» петровской эпохи и филигранной отделкой прозы Н.М. Карамзина). Подобно незастывшей вулканической лаве, русская проза XVIII в. будет вновь и вновь привлекать к себе внимание исследователей, вызывая к жизни новые подходы и методологии.

Цель данной работы - взглянуть на историю развития русской прозы XVIII в. с точки зрения эволюции повествования. Кажется, это одна из наиболее характерных для оценки прозы категорий, и при том одна из наиболее репрезентативных, т. к. позволяет выйти к целому ряду вопросов, важных для интерпретации значения, которое имел тот или иной текст для становления прозы в свою эпоху, и при этом не попасть под гипноз понятий «классицизм», «ранний реализм», «сентиментализм» и т. п. В данном случае, избрав исходным углом зрения на материал описание специфики повествования, можно будет оценить и особенности «художественности» (фикциональности) текста, что было особенно актуально для русской прозы XVIII столетия, выделявшейся из массива внехудожественной словесности и наиболее напряжённо искавшей собственной идентичности (обретённой, наконец, у Карамзина); особенности жанровой палитры прозы в различные периоды её развития в XVIII в.; специфику проявления авторского «я» с разной степенью условности его художественного выстраивания, приёмов повествовательной композиции, оформляющей те или иные

историко-политические, философские, психологические, социально-критические и др. идеи авторов.

Вынесенное в заглавие статьи сопоставление В.К. Тредиаковского и Н.М. Карамзина представляется на первый взгляд абсолютно «незаконным» – настолько разные фигуры оказываются соотнесены. Своего рода предостережением против возможных сравнений становится при этом и собственный отзыв Карамзина о Тредиаковском в «Пантеоне русских авторов»: «Если бы охота и прилежность могли заменить дарование, кого бы не превзошел Тредиаковский в стихотворстве и красноречии?». Но «не только дарование, но и самый вкус не приобретается, и самый вкус есть дарование. Учение образует, но не производит автора. Тредиаковский учился во Франции у славного Роллена; знал древние и новые языки; читал всех лучших авторов и написал множество томов в доказательство того, что он... не имел способности писать» [8, с. 165].

Однако совершенно неожиданно возможность иного – действительно сопоставительного изучения – открывает П.А. Вяземский, в записной книжке которого и было сделано сопоставление, ставшее в дальнейшем программным для всякого исследователя, стремящегося выстраивать линию типологических сближений фигур Карамзина и Тредиаковского: «А право, напрасно закидали у нас бедного Тредиаковского такою грязью: его правила о стихосложении вовсе не дурны. Его мысль, что наш язык должен образоваться употреблением, что научат нас им говорить благоразумные министры и проч. и проч. очень справедлива. Он чувствовал, что один письменный язык есть язык мертвый. Здесь он как будто предчувствует и предугадывает Карамзина. Но, как Моисей, он сам не успел и не умел достигнуть обетованной земли» [2, с. 83].

Основой типологического сближения Тредиаковского и Карамзина оказывалась сходная историко-литературная и художественная задача, выпавшая на их долю, – создание

нового типа литературы и нового «образа писателя», новой стратегии авторского поведения и самопрезентации, которые в этом случае либо создавались с нуля (Тредиаковским), либо перестраивались в соответствии с требованиями наступавшей литературной эпохи (что было реализовано Карамзиным и его школой).

Как для самого Карамзина в начале 1790-х гг., так и для его последователей – карамзинистов в 1800-1810-е гг. основой писательской стратегии оказывалось прежде всего резкое размежевание со «старой» литературной школой, в отталкивании от которой во многом и формировалась собственно положительная творческая программа нового направления. Этот принцип, по-видимому, руководил Карамзиным, когда он начинает издание «Московского журнала» знаменитым объявлением, которое было проникнуто в первую очередь полемическим заданием. Вовсе не думая угождать «публике», начинающий журналист Карамзин тут же пояснял свою позицию и в отношении той литературной школы, которая стала теперь чуждой для него: «...я буду принимать с благодарностию всё хорошее и согласное с моим планом, в которой не входят только теологические, мистические, слишком учёные, педантические, сухие пиесы...» [8, с. 7]. Известная переписка московских масонов, опубликованная в своё время Я.Л. Барсковым [1, с. 28-29 и др.] (особенно письма М.И. Багрянского и А.М. Кутузова) показывают, что объявление о выходе «Московского журнала» было понято именно как выпад против своих прежних наставников – таким образом, литературная стратегия Карамзина, предполагавшая подчеркнутую личную независимость, неагрессивность и смелость художественного поиска, срабатывала безошибочно.

Если обратиться назад и попытаться отыскать истоки этой поведенческой стратегии в русской литературе, то мы находим их именно в творчестве молодого В.К. Тредиаковского. В самом явлении Тредиаковского в России в 1730 году и той атмосфере, с которой была

связана публикация в том же году «Езды в остров любви», было много, если можно так выразиться, «карамзинского» – в первую очередь молодой дерзости вернувшегося из-за границы автора, готового стать учителем соотечественников, предлагающего им совершенно новые культурные модели, которые были встречены с недоумением и даже со страхом. Это, однако, не пугает молодого автора и придаёт особую динамичность его собственной литературной позиции.

Сближает Тредиаковского и Карамзина похожее соотношение в предлагаемой читателю самопрезентации объективно-безличных «общих мест», определяемых традицией, и нового, субъективно-автобиографического начала. Художественной задачей этого автобиографизма в творчестве Карамзина была не только общесентименталистская установка на психологическую достоверность изображаемых событий, чувств, которые переживают автор и его герои и которые именно благодаря подчеркнутой автобиографической достоверности органичнее воспринимаются читателем. Субъективно-авторский, автобиографический пласт в текстах Карамзина выполнял ещё одну, специфическую функцию, актуализируя в читательском восприятии процесс создания текста и создавая особый тип «подвижного», становящегося на глазах читателя повествования.

Истоки этого явления также можно выделить в дебютном выступлении Тредиаковского. В знаменитом предисловии «К читателю», открывавшем издание романа «Езда в остров любви», стоит выделить не только формулировку собственно языковой позиции Тредиаковского-переводчика (отказ от «глубокословных славенщизны»), но и более общую культурную установку на включение в литературу элементов автобиографического, личностного начала, что было принципиальным новаторством Тредиаковского – не меньшим, нежели отмечаемое Ю.М. Лотманом и В.Н. Топоровым стремление этим переводом перенести на русскую почву элементы культурной жизни французских салонов

[9, с. 168-175]; [12, с. 589-635]. В предисловии к своему переводу Тредиаковский впервые в русской литературе делает процесс работы над произведением объектом внимания и интереса читателя, а в конечном итоге – эстетическим фактом.

Речь идёт о знаменитой части предисловия, в которой Тредиаковский избыточно подробно рассказывает о своём знакомстве с книгой Талемана, причинах обращения к переводу и т. п. «Будучи в Париже, я оную прочёл с великим удовольствием моего сердца, усладившись весьма как разумным ея вымыслом, стилем коротким, так и виршами очюнь сладкими и приятными, а наипаче мудрым нравоучением, которое она в себе почти во всякой строке замкнула так, что я в тож самое время горячее возымел желание перевести оную на наш язык. И хотя силы я тогда, без самохвалства вам доложу, столько и мог иметь дабы мне потрудиться в переводе сем, но в продолжении тамо философии время мое к тому меня недопустило. Однако, как говорится, *чему быть, того не миновать* <...>» [6, с. 3-4]. В приведённом отрывке бросается в глаза повествовательная интонация, стремление передать собственные эмоциональные переживания и впечатления, элементы свободной беседы с читателем. По сути, перед нами первый в русской литературе опыт использования возможностей самоописания текста, которым позднее будет столь удачно оперировать Карамзин и в «Письмах русского путешественника», и в повестях, и в особенности в собственном «книготворчестве» – издательской и журнальной политике.

Не меньшую роль в выражении авторской субъективности играли и включённые в книгу «Стихи на разные случаи» – своего рода «и мои безделки» Тредиаковского [3], [4], [5], [13]. Начиная от заглавия сборника до его состава, названий отдельных стихотворений безусловно подчеркивался тот субъективно-автобиографический элемент, который присутствовал уже в предисловии. Включённые в сборник тексты взаимодействовали друг с

другом, выстраиваясь в своеобразные «микросюжеты» («Стихи эпиталамические на брак его сиятельства князя Александра Борисовича Куракина и княгини Александры Ивановны» – «Песня на оный благополучный брак» и др.); их тематика и жанровые задания были подчеркнута частными, связанными с изображением изящного культурного досуга, галантного любовного чувства, с иронией и шуткой, определяющими жизнь того личностного типа автора – завсегдатая салонов, аристократа-дилетанта, с которым пытался ассоциировать себя молодой Тредиаковский. Несходство литературной маски с реальным положением писателя в данном случае не разрушало иллюзии, а скорее делало её ещё более субъективно необходимой, что придавало дополнительный динамизм тексту.

Подводя итог рассмотрению типологической общности художественных исканий Тредиаковского и Карамзина в сфере стратегий авторского поведения и поэтики психологического повествования, необходимо выделить две проблемы, которые возникают в случае последовательного анализа этой темы: откуда взялись эти «карамзинские» принципы у Тредиаковского и, с другой стороны, почему они не привились в тогдашней литературной ситуации, не были поняты как современниками, так и литературными «потомками»? Очевидная причина литературного проигрыша Тредиаковского заключалась, безусловно, в несоответствии тогдашнему состоянию русской культуры литературной ситуации, сложившейся во Франции, – ситуации, которую Тредиаковский и пытается создать «с нуля» в своём отечестве переводом романа Талемана. Чётко обозначенные контуры не только языковой, но прежде всего литературной программы молодого писателя в точках её типологического сближения с программой карамзинизма помогают лучше понять как сущность творческих поисков самого Тредиаковского, так и один из важнейших векторов в развитии русской прозы XVIII столетия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII века. 1780-1792. – Пг.: изд. отделения русского языка и словесности Академии наук, 1915. – 335 с.
2. Вяземский П.А. Старая записная книжка. – М.: Захаров, 2000. – 364 с.
3. Гречаная Е.П. Первый поэтический сборник Тредиаковского и французская галантная поэзия конца XVII – начала XVIII в. // Новый филологический вестник. – 2005. – № 1. – С. 121-128.
4. Дарвин М.Н. «Езда в остров любви» В.К. Тредиаковского как художественное целое: «свое» и «чужое» // Художественная циклизация литературных произведений. – Кемерово: изд-во Кемеровского гос. ун-та, 1994. – С. 48-54.
5. Дарвин М.Н. «Стихи на разные случаи» Тредиаковского как форма выражения авторского сознания (язык поэзии и поэзия языка) // Кормановские чтения / Материалы межвуз. науч. конф.: Вып. 3. – Ижевск: изд-во Удмуртского ун-та, 1998. – С. 27-34.
6. Езда в остров любви / Переведена с французского на русский. Чрез студента Василья Тредиаковского. ; И приписана его сиятельству князю Александру Борисовичу Куракину. – СПб. [Тип. Академии наук], 1730. – 210 с.
7. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII в. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 590 с.
8. Карамзин Н.М. Сочинения: в 2 т. – М.; Л.: Художественная литература, 1964. – Т. 2. – 455 с.
9. Лотман Ю.М. «Езда в остров любви» Тредиаковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII в. // Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958-1993). – СПб.: Искусство, 1997. – С. 168-175.
10. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – Л.: Наука, 1987. – С. 525-606.
11. Письма русских писателей XVIII в. – Л.: Наука, 1980. – 472 с.
12. Топоров В.Н. «Езда в остров любви» Тредиаковского и «Le voyage de l'Isle d'Amour» Талемана // Из истории русской культуры. Т. IV: XVIII – начало XIX в. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 589-635.
13. Тюпа В.И. Рождение классики из духа архаики (опыт В.К. Тредиаковского) // Филологический журнал. – 2005. – № 1. – С. 112-120.
14. Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII – нач. XIX в. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. – М.: МГУ, 1985. – 212 с.

УДК 821.161.1 «18»

Шестопалова Г. А.

Московский государственный областной университет

**АФОРИЗМЫ М.В. ЛОМОНОСОВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА.**

G. Shestopalova

Moscow State Regional University

**M. LOMONOSOV'S APHORISMS IN THE WORKS
OF M. SALTYKOV-SHCHEDRIN**

Аннотация. Научные труды в области лингвистики и филологии, литературное творчество М.В. Ломоносова реформировали литературный процесс в России и сохранили долгое глубокое воздействие на эстетические искания лучших русских писателей. Салтыков-Щедрин патристические критерии применяет для оценки значения миссии М.В. Ломоносова не только в литературном процессе, но и в развитии общественного сознания. К цитированию афоризмов из научных трудов учёного, из его шедевров классицизма часто обращается сатирик. Высоко оценивая просветительские идеи Ломоносова, Салтыков-Щедрин подчёркивает ценность его демократических проявлений.

Ключевые слова: афоризмы, литература, наука, демократизм, поэзия, сатира, писатель, учёный, гений.

Abstract. M.Lomonosov's research and literary works reformed the literary process in Russia and kept the long and deep influence in esthetic life of the best Russian writers. M.Saltykov-Shchedrin saw the value of Lomonosov's mission as patriotic in literary process and in social conscious. The satiric often quoted the aphorisms of Lomonosov's works in his essays, novels and articles. Saltykov-Shchedrin's appreciated Lomonosov's educational ideas and emphasized the democratism of the genius.

Key words: aphorism, literature, research, democratism, poetry, satire, writer, scientist, genius.

*300-летию со дня рождения
М.В. Ломоносова посвящается*

Лирическое вступление в связи с юбилеем

Михаил Васильевич Ломоносов пришёл в мою жизнь рано, в эпоху моих детских открытий мира. Мы жили тогда на Малой Андроновке, тихой улице недалеко от Рогожской Заставы, булыжную мостовую этой улицы ещё не разобрали, и сейчас думаю, что её разноцветная мозаика из круглого гранита мне тоже напоминает о мозаиках М.В. Ломоносова. По улице ещё ездил конный транспорт, редко, конечно, но улица оглашалась криками извозчиков и слышен был страшный грохот телеги и топот конских копыт.

Бабушка моя, Анастасия Петровна Никулина, была очень рада, когда узнала, что я читаю книгу Сизовой о Ломоносове. Она стала торжественно рассказывать, что он был великий учёный, способствовал развитию знаний во всех областях науки, он определял научное развитие, его знали и любили все.

Имя Михаила Васильевича Ломоносова – одно из душевнейших имён нашей отечественной науки. Именно поэтому он неотделим от семейного общения. Он любим и дедами,

и отцами, он – критерий истины в самом что ни на есть научнейшем смысле, общение с его гением дарит людям счастье.

В трудные минуты не раз учёные одобряют себя именем Ломоносова для того, чтобы вести дальше эксперимент, не обрывать начатого дела, честно служить прогрессу.

В.М. Ломоносов воплотил положительный идеал учёного-энциклопедиста, он в веках не утрачивает значения критерия научной целеустремленности и чести.

В XVIII столетии М.В. Ломоносов находился в русле культуры своей поры, вершинные проявления русского классицизма связаны с его творчеством. Тайны вселенной и все другие тайны он разгадывал вместе с Богом и писал об этом в стихотворении:

*Устами движет Бог, я с ним начну вещать.
Я тайности свои и небеса отверзу,
Свидения ума священного открою.
Я дело стану петь, несведомое прежним!
Ходить превыше звезд влечет меня охота
И облаком нестись, презрев земную низкость.
(1747) [2, с. 73]*

Удивительные строки! Они лучше трактатов объясняют нам особенности этики науки в эпоху классицизма. Виртуозно воплощена гармония научных помыслов и их соизмеримость с культовой признательностью.

Воздавая хвалу ученому, просветителю в 300-летие со дня его рождения, мы думаем, а что бы он сам хотел от нас услышать и, обращаясь к его поэтическому наследию, повторяем строки его шедевра:

*Хвалите Господа, вся земли языки,
Воспойте Вышнего, все малы и велики,
Что милость он свою вовек поставил в нас,
И истина Его пребудет всякий час. (1747) [2, с. 75]*

М.В. Ломоносов и М.Е. Салтыков-Щедрин

Воздействие на литературный процесс учёного-энциклопедиста, литератора, поэта, лингвиста Михаила Васильевича Ломоносова (1711-1765) было еще более коренным и обширным в сравнении с литераторами его эпо-

хи. Все сферы современных учёному знаний были подвластны его гению, во всех он оставил значительный след, способствуя развитию просветительских идей Петра Великого.

Достоинства учёного М.В. Ломоносова справедливо оценивал В.Г. Белинский в статье «Литературные мечтания» (1834): **«С Ломоносова начинается наша литература; он был её отцом и пестуном; он был её Петром Великим.** Нужно ли говорить, что он был человек великий и ознаменованный печатью гения? Всё это истина несомненная. Нужно ли доказывать, что он дал направление, хотя и временное, нашему языку и нашей литературе? Это ещё несомненнее. (...) Ломоносов – это Петр нашей литературы: вот, кажется мне, самый верный взгляд на него. (...) Говорят, что он глубоко постиг свойства языка русского! Не спору – его «Грамматика» дивное великое дело» [1, с. 68, 69, 70].

М.В. Ломоносов формирует основы традиции использования теоретических знаний и выводов, которыми сопровождает своё творчество. Филологические труды учёного многочисленны по критериям оценки XVIII столетия, они эпохально значительны по внедрению в практику жизни литературы, по структурированию литературных жанров и форм, по определению закономерностей литературных течений и выявлению доминант.

Классицистические обоснования литературной жизни, овеянной идеалами отечества, отзвучат и в творчестве, и в теоретических выводах о писательском труде сатирика М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Несомненно, личность и творчество М.В. Ломоносова глубоко прочувствованно воспринимались М.Е. Салтыковым-Щедриним. При изучении следов воздействия творчества гения в поэтике сатирика складывается впечатление, что он потрясён подвигом М.В. Ломоносова, который осознаёт как проявление любви к Родине, России, аккумулирующее великие демократические побуждения.

В очерке «В дружеском кругу» из художественно-публицистического цикла «Благо-

намеренные речи» М.Е. Салтыков-Щедрин размышляет:

«... Любовь к отечеству, писалось в этом проекте, – родит героев. Она возвышает нравственную температуру человека, изоцряет его ум и делает его способным не только к подвигам личной самоотверженности, но и изобретению орудий с целью истребления врагов ... Науки обязаны ей своим непрерывным развитием, чему примером служит Ломоносов, который, будучи рождён в податном состоянии, умер в чине статского советника ...» [5, с. 11, 421].

«Ломоносов был простой рыбак, а умер статским советником!» – восклицает герой романа «Современная идиллия» [5, с. 15-1, 76] в назидание стремящимся преуспеть.

Высокая оценка научных открытий Ломоносова преумножает достижения российских знаний, в художественно-публицистическом цикле «Мелочи жизни» Салтыков-Щедрин утверждает:

«Имена Ньютонов, Франклинов, Галилеев, Ломоносовых будут переходить из века в век; имена Наполеонов и других концертантов потонут в болотных топях. Таков закон вещей, и никакое насилие не может его обойти. Не обойдёт его и история» [5, с. 16-2, 16].

Антиномичное сравнение положительного и отрицательного помогает сатирику определять устои бытия.

М.В. Ломоносов создал первую «Российскую грамматику» (1755), которая открывалась словами, ставшими афоризмом, исполненными глубочайшего патриотического смысла, подводящими итоги раздумий о судьбе своего славянского наречия Великих Князей, царей и лучших умов России: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с Богом, французским с друзьями, немецким с неприятелями, итальянским с женским полом говорить прилично... Но если бы он российскому языку был искусен, то ... нашел бы в нём великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изобра-

жениях краткость греческого и латинского языка» [3, с. 235].

К цитированию «Российской грамматики» М.В. Ломоносова М.Е. Салтыков-Щедрин обращается в очерке «Апрель 1863 года» из цикла «Наша общественная жизнь», это речевое цитирование, то есть цитирование по памяти, что уточняет коренной образ афористики Ломоносова для размышлений сатирика:

«Спрашиваю я вас, милостливые государи, на каком рациональном основании знакомый мне судья, трусивший часто самого последнего столоначальника губернского правления, обладал в этом случае такою непосредственною храбростью? А просто обладал – да и все тут! Скажу более: он сам не сознавал, что обладает этою храбростью, ибо даже не понимал, в чём тут храбрость!

– Помилуйте, Кузьма Терентьич! – усевещиваешь, бывало, его, – как же можно этак с маху решать человека?

– Стану я ворам потакать!

– Да ведь закон, Кузьма Терентьич, закон!

– Стану я ворам потакать!

– Да ведь вы можете невинного погубить!

– Стану я ворам потакать!

И я уходил от Кузьмы Терентьича опечаленный. «Господи! – Думал я, – вот и закон есть, и гарантии всякие есть... что ж это такое!» Да и то ещё приходило мне в голову, что ведь Кузьма-то Терентьич чудесный малый: мухи никогда не обидел! И долго бы плакал я таким образом, если б не догадался наконец, что *«тупа философия, косноязычна риторика ... без грамматики!»* Да, именно грамматики-то у нас и нет! – рассуждаю я в настоящее время и, верите ли, благосклонный мой читатель, чувствую себя обновлённым и освежённым» [5, с. 6, 58].

Дословно цитата выглядит так: *«Тупа оратория, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики»* (М.В. Ломоносов «Российская грамматика», 1755).

Афоризм Ломоносова имел активную жизнь в блестяще образованных кругах

дворянского общества, поэтому обращение к нему Салтыкова-Щедрина не случайно. Смысловая особенность афоризма употреблена в тексте очерка не в прямом значении, под «грамматикой» имеются в виду азы правовой системы, в забвении которых упрекает повествователь судью Кузьму Терентьича. Сатирик имеет широкий ассоциативный план, свои выводы он скрепляет готовыми формулами, полюбожившимся в обществе, однако использует их в переносном значении, демонстрируя оригинальность своего художественного мышления.

У истоков сближения с народностью, которое не могло в условиях абсолютистской монархии получить законченное словесное понимание, стоит теоретическое обоснование силлабо-тонической системы, изложенное в «Письме о правилах Российского стихотворства» (1739). Вместе с В.К. Тредиаковским и А.П. Сумароковым М.В. Ломоносов выступает за необходимость обогатить искусство виршевиков традиционностью тонического (акцентного) стиха, которым владеет народ в своей древней культуре устного поэтического творчества и из объединения закономерностей силлабики и тоники вывести силлабо-тонические размеры для поэзии XVIII и последующих веков.

Сейчас мы бы сказали: такой опыт обогащения *народностью* много впоследствии способствовал развитию «чувствований», что и обусловит скорое изменение методологии: на смену классицизма придёт сентиментализм.

Другой важнейший опыт, связанный с истоками в России теории сатиры находим в трактате М.В. Ломоносова «Предисловие о пользе книг церковных в Российском языке» (1757). Для анализа лингвистического состава русского языка М.В. Ломоносов применяет методологию естественно-научных открытий и выводов, это выражено в сравнении: «Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности, так и русский язык чрез употребление книг цер-

ковных по приличности имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий. Сие происходит от трёх родов речений русского языка» [4, с. 249].

М.В. Ломоносов в некотором роде, не свидетельствуя об этом прямо, так как время изучения фольклора в науке ещё не наступило, подводит итоги изучения взаимодействия родов, речений и «штилей» литературного творчества: процесс движения жанров фольклора в теории трёх «штилей» тоже имеет свое осознание.

М.В. Ломоносов указывает:

«От рассудительного употребления и разбору сих трёх родов речений рождаются три штиля: высокий, посредственный и низкий.

Первый составляется из речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обветшалых. Сим штилем составляются героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных.

Средний штиль состоять должен из речений, больше в русском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нём можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. И словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле русского протонародного. Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить героизм и высокие мысли; и в нежностях должно

от того удаляться. Стихотворные дружеские письма, сатиры (подчеркнуто нами. – Г. Ш.), эклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных.

Низкий стиль принимает решения третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая с средним, а от славенских обще не употребительных вовсе удаляться, по пристойности материй, каковы суть описание обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению. Но всего сего подробное показание надлежит до нарочного наставления о чистоте российского стиля» [4, с. 250].

Теоретические открытия Ломоносова окрыляют учёных в их стремлении развивать и обогащать науку. Прекрасное знание теоретических основ позволяет Салтыкову-Щедрину стать непревзойдённым мастером сатирической типизации XIX столетия. Эстетические и научные выводы писателя о сатире, об особенностях жанров, о стилевых приметах развивают учение Ломоносова применительно к новой поре.

В «Письмах о провинции» Салтыкова-Щедрина есть строки, которые дают обоснование эволюции крылатым выражением из торжественной оды М.В. Ломоносова, которая цитируется по памяти, из-за чего афоризм имеет неточность: «Как ни вредны науки, но совершенно упразднить их нельзя, потому что

*Науки юношей питают,
Отраду старцам подают ... –*

и, следовательно, позволяют и тем и другим проводить время без ущерба для благочиния» [5, т. 7, с. 224].

*У Ломоносова
Науки юношей питают,
Отраду старым подают ... [2, с. 89]*

Речевое цитирование, как правило, имеет небольшое варьирование, таковы особен-

ности запоминания и обращения к памяти через большой отрезок времени. Салтыков-Щедрин, как видим, доверяет памяти и не сверяет афоризмы с первоисточником при подготовке своих произведений к печати.

К афоризмам М.В. Ломоносова Салтыков-Щедрин обращается часто. Он цитирует такие шедевры классицизма, как «Ода на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года», «Ода блаженной памяти Государыне императрице Анне Иоанновне на победу над Турками и Татарми и на взятие Хотина 1739 года», «Ода, выбранная из Иова, главы 38, 39, 40 и 41» и др.

Афоризмы входят в состав аргументов, однако ими решаются не только смысловые проблемы, афоризмы делают речь эмоциональной, взволнованной, красочной.

Смелость суждений, глубокая самостоятельность выводов, оригинальность полёта научной фантазии Ломоносова, несомненно, укрепляли идейные воззрения Салтыкова-Щедрина; в оценках сатириком общественно-литературной ситуации проявилась индивидуальная и единичная позиция и не случайно важные выводы скрепляются афоризмом из «Оды, выбранной из Иова»:

«(...) когда явилась возможность согласиться насчёт реформ Петра, то споры об этом предмете прекратились очень скоро, а вслед за тем и название «западников» утратило свой смысл. Спор вошёл в те границы, в которых ему всегда следовало быть, и получил своё естественное содержание. В наше время не только нет «западников», но даже само слово «западничество» заглохло в литературе. Есть в Российской империи люди благомыслящие, есть люди просто преданные, есть люди вдохновенно-преданные, есть нигилисты, есть ерундивы, есть стрижи. А «западников» нет.

А вы против них-то и вооружаетесь, да ещё придаёте «западничеству» самый простой, нехитрый смысл: смешиваете его с безьянничеством. О, Стрижи!

*О ты, что в горести напрасно
На бога ропщишь, человек?»* [5, т. 6, с. 512]

Афоризм Ломоносова в данном случае подчёркивает эрудицию Салтыкова-Щедрина, владение особенностями литературной жизни, придаёт нетленный, возвышенный смысл полемическому выступлению, затрагивающему острые стороны литературной полемики. Ломоносов как бы становится сторонником Салтыкова-Щедрина, его поэзия участвует в утверждении истины, познанной сатириком.

М.В. Ломоносов незаурядными жизненными проявлениями, обилием научных трудов, шедеврами поэзии глубоко укоренился в натуре М.Е. Салтыкова-Щедрина, сложно-

го писателя, опыт которого тоже является национальным достоянием России. Это типичное единение с гением для русских демократов, направление идейных воззрений которых в своих наиболее ранних интуитивных проявлениях имеет жизнь и творчество М.В. Ломоносова.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. – М., 1976-1982.
2. Ломоносов М.В. Сочинения. – М.: «Современник», 1987.
3. Ломоносов М.В. Соч. – М.: «Художественная литература», 1957.
4. Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке. // Критика XVIII века. – М.: «Олимп», 2002.
5. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. – М., 1965-1977.

Публикации аспирантов

УДК 821.111

Белова А. О.

Московский педагогический государственный университет

ИГРА КАК ОСНОВНОЙ МОТИВ И СЮЖЕТООБРАЗУЮЩИЙ ПРИЁМ В ПОВЕСТИ Ф. Х. БЕРНЕТТ «МАЛЕНЬКАЯ ПРИНЦЕССА. ПРИКЛЮЧЕНИЯ САРЫ КРУ»

A. Belova

Moscow State Pedagogical University

PLAY AS THE MAIN MOTIF AND A PLOT-WEAVING DEVICE IN F. H. BURNETT'S STORY «A LITTLE PRINCESS»

Аннотация. В статье прослеживается роль игры как основного мотива и сюжетообразующего приёма в знаменитой повести Ф. Х. Бернетт «Маленькая принцесса» (1905). Автор исследует уникальную способность героини произведения Ф. Х. Бернетт Сары Кру в процессе игры изменять враждебный мир к лучшему. В фокусе внимания находятся факторы помогающие героине найти в жизни гармонию: исполняя различные воображаемые роли, Сара противостоит социальной несправедливости Викторианской эпохи.

Ключевые слова: мотив, игра, детство, враждебный мир, угнетение в школе, исполнять различные воображаемые роли, социальная несправедливость викторианской эпохи, викторианская/эдвардианская детская литература.

Abstract. This article highlights the role of play as the main motif and a plot-weaving device in F. H. Burnett's famous story «A Little Princess» (1905). The author addresses the variety of factors which provide the balance in the heroine's life and investigates the unique ability of hers to transform the hostile world for the better in the process of play. Despite her school oppression, while performing different imaginary roles, Sarah withstands the social injustice of the Victorian period.

Key words: a motif, play, childhood, the hostile world, school oppression, perform different imaginary roles, the social injustice of the Victorian period, Victorian/Edwardian children's literature.

Характерной особенностью повестей, посвящённых детству, является мотив игры, поскольку ребёнок, как известно, осваивает мир через игровое начало. Вся жизнь ребёнка, все его сознательное существование, таким образом, строится по правилам ролевой игры. Й. Хейзинга в своём труде «Homo ludens» говорит о познавательной модели мира как «игре в жизнь»: «Человеческая культура возникает и разворачивается в игре, как игра» [7, с. 19]. Ф. Х. Бернетт (1849–1924) – известная детская англо-американская писательница свои главные произведения посвятила миру детства, и особенно образу девочки викторианской эпо-

хи. В повести «Маленькая принцесса, Приключения Сары Кру» (1905) писательница последовательно назначает главную героиню на различные роли, тем самым желая показать Сару Кру цельной натурой, сохраняющей своё человеческое достоинство, умение оставаться «настоящей принцессой» в самых непредсказуемых ситуациях. Сама позиция главной героини убеждает нас в справедливости этого утверждения: Сара постоянно говорит о роли, которую должна играть в той или иной ситуации. Это индивидуальная роль. Можно предположить, что Ф. Х. Бернетт, родившаяся в Англии и воспитанная на идеалах викторианской эпохи, не могла не наделить свою героиню чертами юной королевы Виктории, чья жизнь и манера поведения стали эталоном для многих её соотечественниц. Образ королевы, видевшей одной из главных задач своего правления заботу о своих подданных и воспитанной в детстве на произведениях прогрессивной писательницы-педагога Марии Эджворт (1767-1849), оказался созвучен требованиям времени и стал идеальной моделью поведения, образцом для подражания [11].

Помимо ведущей, индивидуальной игры в повести присутствует и коллективная игра. Она развивается благодаря яркому и богатому воображению Сары Кру, умеющей увлечь своими фантазиями знакомых и друзей, которые, в свою очередь, под влиянием девочки тоже начинают играть в созданную ей игру.

Мотив игры возникает с первых страниц повествования. Добрая фантазия Сары Кру преобразует не только её внутреннюю жизнь, наполненную скрытыми бунтарскими устремлениями, протестом против жестокого обращения с детьми, но и серую будничную жизнь в пансионе вокруг неё. Ф. Х. Бернетт, следуя традициям нравоучительных повестей, не утративших популярности ко времени создания «Маленькой принцессы», идёт дальше Марии Эджворт: повествование о Саре Кру лишено морализирования и похоже по форме на волшебную сказку. В отличие от сказочного сюжета и несмо-

тря на благополучную развязку, счастливая и безмятежная жизнь маленькой героини остается за рамками повести, в тех элементах экспозиции (воспоминаниях маленькой героини), которые касаются экзотической Индии, чудесной, сказочной страны, где она жила с отцом до того, как была помещена в пансион мисс Минчин. Сара Кру попадает в лицемерный мир взрослых, и Ф. Х. Бернетт позволяет главной героине узнать его таким, каким он предстаёт в произведениях Ч. Диккенса, – враждебным и равнодушным к бедам ребёнка. Таким образом, читатель видит счастливое личико Сары лишь несколько мгновений, пока её любимый отец только готовится оставить дочь в Лондоне на попечении воспитателей пансиона. Но и эти мгновения уже омрачены для девочки подготовкой не только к новой жизни, но и к разлуке с отцом. Именно в экспозиции мы знакомимся с Сарой, выбирающей себе в качестве компаньонки вовсе не кого-то из будущих её одноклассниц, а куклу Эмили. Этот эпизод является ключевым для использования в повествовании принципа ролевой игры как мотива и как сюжетообразующего приёма. Надо отметить, что в психологической науке подобное явление – взаимодействие ребёнка с его любимой игрушкой – получило название «феномена любимой игрушки» и нашло отражение в работах таких выдающихся исследователей, как Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин и др. В последнее время эта проблема вызывает повышенный интерес в среде психологов, занимающихся вопросами психологии личности и педагогической психологией. Например, в своём исследовании на тему отраженного «Я» в структуре самосознания Е. Н. Васина отмечает, что «любимая игрушка является для ребёнка индивидуально-значимым объектом, предпочитаемым остальным, и входит в различные сферы его деятельности» [2, с.15]. Тем самым мы можем говорить, что наблюдения Ф. Х. Бернетт актуальны не только для детской литературы и круга её исследователей-филологов. Замеченное пи-

сательницей явление имеет влияние как на детскую аудиторию, готовую к подражанию, копированию поступков любимых героев, так и становится объектом изучения смежных наук.

Сара Кру действительно готова проецировать свои чувства и ожидания на новую куклу. «Я назвала ее Эмили, и она будет моим другом, когда папа уедет. Она нужна мне, чтобы поговорить с ней о нём» [1, с. 152]. Так объясняет Сара свой выбор. С этого момента читатель попадает в мир Сары Кру, в мир её фантазии, мир её игры в жизни и жизнь в игре.

Сара, почти по-взрослому заботясь о своём будущем, одновременно с этим выстраивает условное пространство, в котором Эмили будет вести свою, кукольную, независимую от человека жизнь волшебного существа, принадлежащего другой реальности.

«Может быть, Эмили в самом деле умеет ходить, говорить и читать, но делает это только тогда, когда в комнате никого нет. Она скрывает это. Ведь если бы люди узнали, что куклы могут делать всё, они, наверное, заставили бы их работать. И потому куклы, может быть, сговорились не открывать никому своего секрета», [1, с. 157] – говорит она своей горничной Мариетте. Такое суждение звучит необычно и приводит в недоумение Мариетту, но Сара считает, что куклы – это существа, населяющие сказочный мир, независимый от деспотической власти людей, готовых превратить любую свободную личность в раба. Отделяя куклу от человека и волшебную жизнь игрушки, созданную воображением Сары, от повседневной жизни пансиона мисс Минчин, девочка тем самым проводит четкую границу между фантазией и реальностью. Это говорит о том, что маленькая героиня вовсе не заменяет жизненную ситуацию фантастической, совершенно уходя в свои мечты, но лишь мысленно преобразует своей фантазией реальность, придавая ей черты доброй сказки.

Как осиротевший ребёнок, Сара играет в семью, в которой отсутствуют родители,

поэтому необходимо частичное замещение ролей этих персонажей. Если на роль друга и наперсницы назначается кукла, то роль режиссера сыграет сама Сара. Постоянная ролевая игра с участием и без участия дополнительных актеров из числа детей и взрослых, а иногда даже и животных – вот основной принцип существования Сары. Сара Кру берёт на себя несколько ролей. Она может быть автором, создателем контекста ситуации, постановщиком и распределителем ролей (режиссёром), участником (актёром), наблюдателем (зрителем).

Девочка сама говорит о себе: «Когда я рассказываю, мне кажется, что это не выдуманно, а происходит на самом деле. Так же ясно, как вас, как вот эту комнату, вижу я всех, про кого говорю, а сама становлюсь по очереди то тем, то другим из них. Это очень странно» [1, с. 174]. Как в театре, фантазия Сары может менять декорации в разыгрываемой пьесе. Например, когда девочки тайком от хозяйки пансиона устраивают на чердаке пир из скромных закусок, принесённых одной из них в комнату Сары, жалкий интерьер превращается в роскошную пиршественную залу, старый стол оказывается убранным по всем правилам искусства сервировки, и собравшиеся оказываются на пиру в настоящем дворце. Желание поверить в сказку и сыграть в ней свои роли позволяет детям увидеть мир в свете их фантазии, позволяет себе наслаждаться игрой, которую не может им предложить повседневная жизнь, полная тяжких обязанностей, навязанных взрослыми. Вслед за выдающейся английской поэтессой Э. Б. Браунинг (1806-1861), стихотворение которой «Плач детей» (1843) было направлено против детского рабства, а также следуя традициям английских романтиков, в частности, У. Блейка (1757 – 1827), Ф. Х. Бернетт вместе со своей героиней протестует против эксплуатации ребёнка. Становясь режиссёром-постановщиком и актёром одновременно, в предлагаемой ей игре Сара вдохновляет своих подруг на время забыть об их будничных заботах и неприят-

ностях. Она вселяет в них надежду, что все обиды временны, и своим примером доказывает, что жизненные препятствия преодолимы. Тем самым Сара играет и роль принцессы и роль феи. А импровизированная пьеса, разыгрываемая на чердаке, очень похожа на эпизоды из «Золушки» Ш. Перро или «Щелкунчика» Э. Т. А. Гофмана, когда столь чудесно начатый пир внезапно прерывается грозным приходом мисс Минчин. Ф. Х. Бернетт подчёркивает, что не столь страшна сама хозяйка, сколько её оценка происходящего. Писательница в этом эпизоде сталкивает две принципиально разные жизненные позиции, делая мысль главным оружием каждой стороны. Детские мечты Сары облагораживают бытовое убожество, в то время как низменные устремления мисс Минчин низводят его до крайней степени обнажённого натурализма, разрушая не столько «глупую игру», сколько душевный мир ребёнка. Под леденящим взглядом этой недалекой, напыщенной женщины дети снижают, каждый предмет, который с такой любовью и заботой окрашивался воображением Сары, получая новое истолкование, принимает свой прежний, неприглядный вид из-за грубой насмешки: «И вы же, без сомнения, украсили стол этим тряпьем и обрывками бумаги?...» [1, с. 263]. Так «...золотые тарелки, украшенные роскошной вышивкой салфетки и душистые гирлянды снова превратились в старые носовые платки, обрывки белой и красной бумаги и оборванные искусственные цветы; менестрели исчезли, и музыка смолкла. Эмили сидела, прислонившись к стене, и смотрела очень сурово. Прекрасный сон кончился» [1, с. 264].

В мире игры Сара считает себя зрителем, когда пытается воссоздать быт семьи, живущей напротив её дома. Она очень симпатизирует детям, которых по вечерам видит собравшимися за общим столом в ярко освещённой комнате с пунцовыми цветами на обоях. В своём воображении она возводит их в герцогское звание и даёт фамилию Монморанси, придумывает им разные заня-

тия и приключения, даёт психологический портрет каждого члена этой семьи, наделяя их самыми привлекательными качествами. Как в волшебной сказке или по законам игры самой Сары Кру, именно эта семья сыграет в её жизни волшебную и спасительную роль. Глава семьи, Кармикел, как странствующий рыцарь, отправится на поиски Сары и в конце повествования поможет ей обрести новую семью.

Главная роль Сары Кру – роль настоящей принцессы. Здесь можно говорить о скрытой аллюзии на сказки Андерсена. Сначала девочка вовсе не задумывается об этой роли, она просто старается следовать своим принципам. Впервые в повести мнение о Саре как о принцессе высказывают второстепенные, даже случайные персонажи. Сначала это несколько комичная оценка, ошибочное суждение продавщиц модного магазина, куда Сара с отцом приходят, чтобы составить гардероб девочки: «молодые женщины, стоявшие за прилавком, ... решили, что странная девочка с большими мечтательными глазами какая-нибудь иностранная принцесса – может быть, дочь индийского раджи» [1, с. 152]. Внешний комизм ситуации подчёркивается очевидными внутренними противоречиями, известными читателю: речь идёт о дочери простого английского офицера, доброго, но «непрактичного человека», не умеющего устраиваться в жизни. В дальнейшем сопоставление Сары Кру с настоящей принцессой мы слышим из уст маленькой служанки Бекки, которая однажды могла наблюдать из толпы появление английской принцессы, направлявшейся в театр. Серьёзное и восхищённое суждение Бекки было ответом на заботу о ней в тот самый момент, когда она острее всего в этом нуждалась.

Её реакция заставила задуматься главную героиню о том, что значит быть принцессой. Сара Кру начинает представлять себя в этой роли и пытается испытать те ощущения, которые должна была бы переживать настоящая принцесса, будь она на её месте. «Я часто думала, что хорошо быть принцес-

сой. Не знаю, как чувствуют себя тогда», [1, с. 180] – говорит она служанке Бекки, впервые задумываясь о такой возможности. Сыграть в принцессу – значит воплотить в этой роли те черты, которые кажутся основополагающими для образа, и Сара решает, что самое главное качество, которым должна обладать настоящая принцесса – уметь «давать другим всё, что им нужно» [1, с. 181]. С этого момента перед читателем появляется уже не просто дочь богатого английского офицера, а девочка, которая на протяжении всего повествования будет доказывать всей своей жизнью, что настоящие принцессы – это те, для которых самым важным человеческим качеством является доброта, а символом королевской власти – умение помогать другим. «...Ум и хорошие способности – ещё не самое главное. Гораздо важнее быть доброй» [1, с. 254]. К такому выводу приходит девочка. И именно эта уверенность позволяет Саре не только выжить самой в трагических для неё обстоятельствах, но и сделать мир близких ей людей светлее и добрее, стать другом и опорой для всех нуждающихся в помощи. Игра перерастает в жизненную позицию. В финале повести мы слышим необычное для человека, являющегося союзником мисс Минчин, заявление взрослого персонажа. Жалкая, забитая Амелия, не смеющая противоречить своей властной сестре, внезапно встаёт на сторону Сары. Она, с трудом преодолевая своё волнение, говорит мисс Минчин: «Всякого другого ребёнка сломила бы та... та перемена, которую ей пришлось испытать. Но на неё это как будто совсем не подействовало, она держит себя, как... как если бы была принцессой» [1, с. 273]. Пример Сары Кру, ее доброта, выдержка, человеческое достоинство оказывают чудесное воздействие на эту слабую женщину и дают ей возможность сделать шаг, собственный шаг к другой жизни – к свободе суждений, осознанию себя личностью, праву на собственное мнение.

Так Сара блестяще справляется со своей ролью настоящей принцессы – трезвомыслящего человека и доброй волшебницы.

В заключение можно сделать следующие выводы. Мотив игры в повести Ф. Бернетт «Маленькая принцесса» обнаруживается, когда ребёнок начинает создавать свой воображаемый мир при помощи игровой ситуации, изменяя к лучшему свой внутренний мир и мир вокруг себя неукротимой детской фантазией. Девочка вовлекает в эту игру не только детей, но и взрослых. Постоянно вживаясь в разные положительные роли, она вдохновляет своей энергией развитие действия.

В образе главной героини повести сочетаются как романтические, так и реалистические черты, что позволяет нам говорить, что Ф. Х. Бернетт отходит в своём творчестве от традиций назидательной повести, трансформируя лучшие достижения этого жанра в реалистическое направление, наследуя идеям Ч. Диккенса, а также Э. Браунинг. Вместе с тем, в исследовании внутреннего мира ребёнка писательница использует и достижения романтической школы (Г. Х. Андерсен, У. Блейк).

На основании проведённого анализа можно утверждать, что игра в повести может рассматриваться в качестве основного мотива и выполняет также роль сюжетобразующего приёма, объединяя эпизоды и поддерживая композицию произведения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бернетт Ф. Х. Маленький лорд Фаунтлерой. Повесть. – М.: 1992. – 462 с.
2. Васина Е.Н. Отраженное «Я» в структуре самосознания: Автореф. ... дисс. канд. психол. наук, – М, 2006. – 22 с.
3. Гораздо важнее быть доброй: о трёх повестях Ф. Бернетт.//Демурова Н. М. «Июльский полдень золотой: ст. об английской детской книге». – М.: УРАО, 2000. – С. 195-214.
4. Лотман Ю. М. Театр и театральность в строе культуры начала XIX века // Избранные статьи в 3-х тт. Т.1. – Таллинн: 1992. – С. 269-286.
5. Славова М.Т. Игра и игровое начало в беллетристике для детей // проблемы детской литературы. – П.: 1987. – С.50-57.
6. Хализев В. Е. Теория литературы. – М, 2009. – 432 с.
7. Хейзинга Йохан. Homo ludens. – М, 1997. – 412 с.
8. Чудинова Е. Возвращение Седрика Эррола. О творчестве Френсис Бернетт.// «Детская литература», 1993, № 5. – С. 31-36.

9. Burnett F. H. A Little Princess. – New York, 1987. 245 p.
10. Twaite A. Waiting for the Party: The life of Frances Hodgson Burnett, 1849 – 1924. – New York, 1974. 274 p.
11. Vallone Lynne Professor. Victoria as a Girl: The Patient Rebel [Электронный ресурс] // BBC. History: [сайт]. [2011]/ URL: http://www.bbc.co.uk/history/british/victorians/queen_victoria_01.shtml (Last updated (дата обращения): 2011-03-29)

УДК 821.161.1 Русская литература

Гольман Ю. И.

Московский государственный областной университет

**ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЗМА В РАССКАЗЕ Л.Н. АНДРЕЕВА
«БОЛЬШОЙ ШЛЕМ»**

Y. Golman

Moscow State Regional University

PSYCHOLOGISM IN NARRATIVE «BOLSHOY SHLEM» BY L.ANDREEV

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей психологических приёмов в рассказе Л.Н. Андреева «Большой шлем». Художественные приёмы, используемые писателем для создания персонажей, рассматриваются в данной работе в качестве вспомогательных средств, при помощи которых Андрееву удаётся наиболее полно выразить идею своего произведения. Наряду с литературоведческим анализом в статье большое внимание уделяется изучению деталей и символов. В статье делается акцент на взаимосвязи художественной ткани произведения и его идейного содержания. Помимо выявления особенностей психологизма, на примере рассказа раскрываются важные для раннего творчества Андреева мотивы и темы.

Ключевые слова: психологизм, приёмы психологизма, символ, образ, Андреев, герой, мотив, художественная деталь, антитеза.

Abstract. The article deals with the features of psychological methods in the story "Bolshoy shlem" by L. Andreev. Art methods used by the writer for characters' creation are reviewed in this article as a subsidiary tool with help of which Andreev had an ability to express the idea of his work in full. Besides the literary analysis, the attention in the article is paid to the study of details and symbols. In this article relationship between art atmosphere of the composition and its content is emphasized. Apart from revealing of psychologism features, important for early works of Andreev motives and themes are uncovered basing on the example of the story.

Key words: psychologism, methods of psychologism, symbol, character, Andreev, hero, motive, art detail, antithesis.

Рассказ Л.Н. Андреева «Большой шлем» впервые был опубликован в газете «Курьер» в 1899 году с подзаголовком «Идиллия». Большой шлем – это карточная игра, которая является главным увлечением и практически единственным занятием героев рассказа. В русской литературе существует немало произведений, в которых ключевым становится мотив игры: это и «Пиковая дама» А.С. Пушкина, и «Игроки» Н.В. Гоголя, и «Игрок» Ф.М. Достоевского. Андреев, продолжая традиции классической литературы, философски осмысливает мотив игры, по-своему трактуя вечный вопрос о предназначении человеческой жизни.

Многие исследователи творчества Л.Н. Андреева в своих работах не обошли вниманием рассказ «Большой шлем». Он был высоко оценён ещё при жизни автора. Андреев записал в дневнике 25 декабря 1899 г.: «В моё отсутствие вышел мой рассказ «Большой шлем», действительно хороший рассказ <...> И похвалы крайние, и почёт, и заря славы» [3, 97].

Говоря о значимости этого произведения, современные литературоведы подчеркивают важность постановки автором такой проблемы, как противопоставление жизни и смерти, а также проблемы одиночества и разобщенности людей. Так, например, Е.А. Михеичева

пишет: «От факта конкретной смерти автор идёт к осмыслению смерти как категории вневременной» [7, с. 90]. А Н.Ю. Филоненко акцентирует внимание на том, что «человек одинок перед враждебными силами» [8, с. 50], а причина его одиночества состоит в том, что люди разобщены.

Нам кажется необходимым проанализировать, как именно идейное содержание рассказа (которое уже достаточно хорошо изучено), отражается в художественной ткани произведения, как создаются автором образы персонажей, какие приёмы психологизма при этом используются. Мы считаем, что рассмотрение произведения с этой точки зрения поможет глубже понять суть творческого метода писателя.

При этом, на наш взгляд, требуется пояснить, что именно мы подразумеваем под термином «психологизм», так как в литературоведении нет однозначной трактовки этого понятия. Мы сочли возможным опереться на исследования А.Б. Есина, который выделяет несколько приёмов «психологического изображения»: прямую¹, косвенную² и суммарно-обозначающую³ формы.

В данной статье мы исходим из того, что психологизм – это особая система элементов художественной формы, особый принцип их организации в художественном произведении. Мы рассматриваем литературно-художественную форму как единство трёх её сторон: предметная изобразительность, речевой строй, композиция.

Очень важно, по нашему мнению, сказать и о том, как сам Л. Андреев определяет психологизм. Во «Втором письме о театре» (1913) он говорит: «Художник должен знать всё о своём герое <...> Больше, чем математика, психология требует: «Докажи!» <...> лишь доказанные слёзы могут расстроить нас до скорби

¹ Прямая форма (изнутри) – непосредственное воссоздание процессов внутренней жизни человека с помощью внутреннего монолога, авторского психологического анализа и т. д. [4, с. 24]

² Косвенная форма (извне) – фиксация внешних проявлений внутреннего состояния. [4, с. 26]

³ Суммарно-обозначающая – название того или иного психологического процесса, или состояния. [4, с. 28]

истинной и вызвать душевные движения» [2, с. 525-530]. Таким образом, можно сделать вывод, что писатель считал нужным подробно и всесторонне обосновывать все чувства и переживания своих героев – ведь только благодаря этому, по мнению Андреева, становилось возможным воздействие на чувства читателя.

Сюжет «Большого шлема» очень прост. Как и в большинстве ранних рассказов Л. Андреева, фабульного действия как такового нет. Николай Дмитриевич, Яков Иванович, Евпраксия Васильевна и её брат Прокопий Васильевич три раза в неделю играют в винт. Это первое (и практически последнее), что мы узнаём о них. Примечательно, что, впервые говоря о героях, Андреев не называет их имён, а просто пишет «они», тем самым лишая персонажей индивидуальности. Далее автор сообщает нам, что воскресенье «считалось самым скучным днём в неделе» [1, с. 148], так как оно посвящалось не игре в карты, а различным «случайностям»: театру, гостям. Всё, что обыкновенному человеку приносит радость, эта компания людей воспринимала как нечто очень скучное и тягостное, то, что при всём желании нельзя исключить из собственной жизни. Но назвать неординарными мы этих людей не можем. Автор ничего не говорит нам об их увлечениях (кроме игры в винт), об их занятиях. Лишь вскользь мы узнаём, что Евпраксия Васильевна «когда-то имела роман со студентом», брат её, потеряв жену, был так потрясён этим, что «два месяца после того провёл в лечебнице для душевнобольных» [1, с. 148], а Николай Дмитриевич болен «грудной жабой». Не только читатели узнают об этом вскользь, но и сами герои практически ничего не знают друг о друге и не стремятся узнать, так как ничто не должно отвлекать их от самого важного и значительного – от игры. Их единение за карточным столом – мнимое братство, бегство от жизни, попытка избавиться от тоски и страха существования с помощью ни к чему, на взгляд простого человека, не обязывающей игры.

Ничто не интересует этих людей в окружающем мире, они ничего не знают друг о

друге, они совершенно равнодушны ко всему. Мелкая страсть, азарт полностью поглотили их жизнь. Автор отмечает: «Дряхлый мир покорно нёс тяжёлое ярмо бесконечного существования и то краснел от крови, то обливался слезами, оглашая свой путь в пространстве стонами больных, голодных и обиженных» [1, с. 150]. Но компания игроков не замечает ни «тяжёлого ярма», ни «слёз», ни «крови». Они добровольно отгородились от всего мира стенами комнаты, у них не возникает желания участвовать в том, что происходит вокруг.

Эту комнату, в которой собирались герои, Андреев описывает так: «Высокая комната, уничтожавшая звук своей мягкой мебелью и портьерами, становилась совсем глухой» [1, с. 150]. Ничто не способно проникнуть в их мир, ничто незначимо для них, кроме игры.

Следует отметить, что в творчестве Л.Н. Андреева важную роль играет образ-символ тишины. В совокупности с образом стены он передаёт отчужденность людей, их нежелание или невозможность преодолеть собственное одиночество, их неумение разглядеть в другом человеке самостоятельную личность. В рассказе «Большой шлем» неоднократно говорится о тишине: «в комнатах царила необходимая для игры тишина» [1, с. 148], «горничная неслышно двигалась» [1, с. 149], «ему отвечали молчанием» [1, с. 150], карты «жили своей таинственной и молчаливой жизнью» [1, с. 152]. Мир, в котором существуют герои, лишён практически всех звуков, в нём слышится лишь шорох крахмальных юбок горничной. Тишина является здесь и символом смерти – прежде всего, духовной. Люди, неспособные говорить друг с другом, неспособные слышать и слушать, остаются внутренне одинокими, а следовательно, не могут обрести гармонию. Не случайно в конце рассказа Л. Андреев напишет об одном из героев: «лежит мертвец, холодный, тяжёлый и немой» [1, с. 152].

Персонажи «Большого шлема» добровольно отгородились от всего. И лишь однажды отголоски общественной жизни всё

же проникают за стены этого дома. Николай Дмитриевич в какой-то момент «сильно обеспокоил своих партнёров»: «он начинал говорить одну или две фразы о Дрейфусе. <...> Потом он стал приносить газеты и прочитывал из них некоторые места всё о том же Дрейфусе» [1, с. 154].

На короткий период времени герои как будто позволяют внешнему миру войти в их жизнь, проявляют интерес к тому, что широко обсуждалось в ту пору: «Евпраксия Васильевна не хотела признавать законного порядка судопроизводства и требовала, чтобы Дрейфуса освободили немедленно, а Яков Иванович и её брат настаивали на том, что необходимо соблюсти некоторые формальности и потом уже освободить» [1, с. 154]. Но всё это продолжается очень недолго: «Первым опомнился Яков Иванович», «и потом, сколько ни говорил Николай Дмитриевич о Дрейфусе, ему отвечали молчанием» [1, с. 155].

Жизнь героев напоминает механизм, который однажды завели и теперь он неустанно осуществляет свою работу. «Так играли они лето и зиму, весну и осень», – замечает Л. Андреев [1, с. 150]. Ничто не должно было мешать установленному порядку. У читателя создаётся ощущение, что герои просто боятся сделать хоть что-либо, выходящее за рамки их привычной жизни, как будто они заранее уверены в том, что судьбу не обманешь и лучше с ней не шутить. Яков Иванович как-то замечает: «Никогда нельзя знать, что может случиться» [1, с. 149]. Именно поэтому он всегда избегает риска, играя «не больше четырёх». Прокопия Васильевича тоже страшит непредсказуемость судьбы. Л. Андреев пишет, что он «сильнее всего» боялся «слишком большого счастья, за которым идёт слишком большое горе» [1, с. 152].

Герои не хотят играть с судьбой, эта игра представляется им слишком рискованной и непредсказуемой. Они страшатся истинных чувств и эмоций, поэтому предпочитают отгородиться от внешнего мира.

Итак, общественная, социальная сторона жизни не интересует героев этого рассказа.

Подчеркнём ещё раз, что самое важное место в их жизни занимает игра в карты – настолько важное, что карты кажутся им более человечными, чем они сами. Для героев игральные карты «давно потеряли значение бездушной масти, и каждая масть, а в масти каждая карта в отдельности, была строго индивидуальна и жила своей обособленной жизнью» [1, с. 151]. Люди же, изображённые Андреевым, не являются индивидуальностями, мы ничего не узнаём об их внутреннем мире.

Автор словно меняет местами людей и карты, одушевлённое и бездуховное. Он подчёркивает отсутствие в героях характера, ярких проявлений личностного начала. Подлинной жизнью Андреев наделяет именно карты. Писатель выстраивает рассказ на антитезе: люди – карты, настоящее – мнимое. Он раскрывает их нрав («а карты делали своё, как будто они имели свою волю, свои вкусы, симпатии и капризы» [1, с. 151]), повествует об их действиях, а людей делает похожими на бездушные вещи. Будни настолько обесценивают духовное содержание человеческой жизни, что она становится похожей на «бессмысленное верчение», как справедливо замечает Л.А. Иезуитова [5, с. 78], на фантастическую игру. И уже не понятно, люди ли играют в карты или карты играют людьми?

К игре герои относятся «серьёзно и вдумчиво», и порой создаётся впечатление, что гораздо более ответственно, чем к своей жизни, которая не особо их заботит (так, Евпраксия Васильевна «кажется, позабыла, почему ей не пришлось выйти замуж за своего студента» [1, с. 148]). Карты полностью поглотили сознание героев, подчинили их себе. Создаётся ощущение, будто бы именно они обеспечивают спокойствие и постоянство в жизни героев. Автор несколько раз повторяет фразу: «Так играли они лето и зиму, весну и осень» (1, с. 149, 151). Ничего не меняется, всё происходит по раз и навсегда установленным правилам (одинаковое время игры, не меняющиеся партнёры, одна и та же игра).

А в той «реальности», в которой суще-

ствуют карты, всё совершенно по-другому: они «комбинировались бесконечно своеобразно» [1, с. 165] (в то время как жизнь героев более чем однообразна). Но при этом, как показывает нам автор, была и какая-то определённая закономерность, в которой «заклучалась их жизнь» [1, с. 165], то есть какая-то невидимая, слепая сила заставляет карты выпадать так или иначе, удачно или неудачно для игроков. (Может быть, эта слепая сила – единственное, что объединяет, делает похожими карты и людей.)

Нельзя не отметить, что такая самостоятельность карт (в смысле их «реального» существования) – признак крайнего убожества и полной разобщённости четырёх игроков. Даже бумажные четырёхугольники обладают, по сравнению с ними, большими возможностями устанавливать взаимосвязь и большей разумностью («карты капризничали, смеялись <...> имели такой вид, как постояльцы в гостиниц, которые приезжают и уезжают» [1, с. 154].)

Примечательно и то, что все эмоции и переживания, испытываемые героями, связаны исключительно с игрой. «Николай Дмитриевич громко смеялся и преувеличивал значение проигрыша» [1, с. 150], «особенное волнение проявлялось у всех игроков» [1, с. 150], Евпраксия Васильевна «краснела, терялась, не зная, какую карту ей класть» [1, с. 151].

В финале рассказа поднимается ещё одна тема, очень характерная для раннего творчества Андреева – тема фатума. Человек оказывается не только рабом своих мелких страстей, но и рабом непредсказуемой судьбы, слепого рока. Никто не может изменить свою судьбу, предугадать её повороты, подействовать на те силы, которые правят ею. Однако Андреев отнюдь не призывает полностью подчиниться течению жизни – напротив, в рассказе между строк явственно читается «мысль о необходимости противостояния року» [5, с. 78].

Один из персонажей, Масленников, мечтает когда-нибудь сыграть так называемый «большой шлем». Карты же обычно «нароч-

но не идут к нему». Но однажды ему начинает неожиданно везти, волнение охватывает всех игроков. Л. Андреев очень подробно отмечает все изменения в психологическом состоянии героя, передавая целую гамму его чувств: Николай Дмитриевич «краснел и задыхался», «сердце его заколотилось и сразу упало, а в глазах стало так темно, что он покачнулся», «начал он, с трудом справляясь с голосом» [1, с. 156]. Это состояние передаётся и другим персонажам: Евпраксия Васильевна «была так же сильно взволнована», «все были поражены» [1, с. 156]. Напряжение нарастает, но темп рассказа при этом замедляется, поскольку автор фиксирует наше внимание на каждом движении своих героев, и мы понимаем, насколько важен для Николая Дмитриевича этот момент: впервые в жизни он так близок к своей мечте. Он должен выиграть – но нелепая и бессмысленная смерть (такая же нелепая и бессмысленная, как и вся предшествующая жизнь) настигает его. Человек оказывается беззащитен перед нею.

Такая трагическая развязка вечера приводит в оцепенение остальных игроков: «И Якову Ивановичу показалось, что он до сих пор не понимал, что такое смерть. Но теперь он понял, и то, что он ясно увидел, было до такой степени бессмысленно, ужасно и непонятно» [1, с. 157].

Произошедшее с Масленниковым словно разрывает замкнутый круг, и у читателей появляется надежда, что теперь-то уж герои смогут выйти из него, отказаться от своего привычного существования. Но эти ожидания не оправдываются. Яков Иванович, с ужасом размышляя о покойнике и о том, что всем когда-то придётся умереть, всё же доигрывает партию: «Он плакал – и играл за Николая Дмитриевича его картами, и брал взятки <...> Это был первый и последний раз, когда Яков Иванович отступил от своих четырёх и сыграл во имя дружбы большой бескозырный шлем» [1, с. 157].

Символичным выглядит плач Якова Ивановича: он «беспомощно заплакал от жалости к себе, ко всем, так как то же страшно и

бессмысленно жестокое будет и с ним и со всеми» [1, с. 157]. Жизнь лишена смысла, но и смерть лишена его. Продолжая традиции классической литературы, Андреев показывает, что подчас только перед лицом смерти человек способен постичь суть и предназначение жизни. Так и Яков Иванович как будто впервые задумывается не только о себе, но и об остальных людях, впервые ощущает некое родство и единение с ними, – именно поэтому он плачет от жалости «ко всем».

В то же время мы видим, что герой словно стремится избавиться от того знания, которое неожиданно раскрылось перед ним, он намерен снова спрятаться в стенах бесшумной комнаты, в стенах собственного одиночества, вернуться к механистической жизни, где нет настоящих чувств и эмоций, нет «большого счастья», а значит, и нет «большого горя». Он хочет вновь оказаться в том прежнем, знакомом ему мире, где человеку не нужно противостоять року и не нужно что-либо менять. Поэтому главный вопрос, который его волнует, звучит так: «А где же мы возьмём теперь четвёртого?» [1, с. 157]

Как писал Н.К. Михайловский в статье «Рассказы Л. Андреева. Страх жизни и страх смерти», «жизнь продолжает прясть свою нитку даже в минуту особенно ясной мысли о неизбежности смерти. Жизнь хочет жить во что бы то ни стало, хотя, казалось бы, если смерть так страшна, то и жизнь страшна, уже просто потому, что она должна кончиться» [6, с. 488].

Важно отметить, что смерть воспринимается Андреевым не только как психофизический факт, но и как духовная проблема, как проблема гибели души. Выше мы уже говорили, что героев ничто, кроме игры, не интересует: ни политические события, ни несчастья в семейной жизни – и даже смерть одного из партнёров по-настоящему не задевает ничьих чувств. Ничто не может остановить действие бессмысленного закона: всё поглощено и уничтожено «игрой».

Смысл символического образа игры многозначен. С одной стороны, это реальная

карточная игра в винт. С другой, это игра в настоящую жизнь, чувства, отношения. Эта игра, в которой все лишь притворяются, что живут, а на самом деле отгородились друг от друга, от мира и даже от самих себя – от всего того, что принято называть жизнью. Автор поднимает проблему отчуждённости человека, его внутреннего одиночества – и приходит к выводу, что оно разрушает личность.

Таким образом, финал рассказа – смерть Николая Дмитриевича – совмещает в себе два плана. Автор выразил в нём и жалость к своему герою (мотив рока, неизбежности смерти), и негодование по отношению к тем, кто принимает как должное своё бездарное существование в неких заданных рамках (мотив несовершенства человеческой натуры и страха героев перед реальностью).

Читая произведения Л. Андреева, мы вновь и вновь находим подтверждение того, что жизнь – трудная, для многих непосильная задача, требующая от человека постоян-

ных нравственных усилий и большой концентрации воли.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андреев Л.Н. Собр. соч.: в 6 т. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1990. – 640 с.
2. Андреев Л.Н. Собр. соч.: в 6 т. – Т. 6. – М.: Художественная литература, 1990. – 720 с.
3. Андреев Л.Н. Дневник 1897-1901 // Составитель М. Козьменко. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 208 с.
4. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы. – М.: Флинта, 2003. – 176 с.
5. Иезуитова Л.А. Леонид Андреев и литература Серебряного века // Составители Ю. Валиева, Л. Шишкина. – СПб: Петрополис, 2010. – 740 с.
6. Михайловский Н.К. Литературная критика и воспоминания. – СПб: Искусство, 1995. – 588 с.
7. Михеичева Е.А. Творчество Л. Андреева: Дис. ... докт. филолог. наук. – М., 1995. – 433с.
8. Филоненко Н.Ю. Становление и развитие поэтики экспрессионизма в творчестве Л. Андреева 1898-1906 гг.: дис. ... канд. филолог. наук. – Липецк, 2003. – 187с.

УДК 821.161.1 Русская литература

Захарова Е. В.

Московский государственный областной университет

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭМЫ С.А. ЕСЕНИНА
«СЕЛЬСКИЙ ЧАСОСЛОВ»**

E. Zakharova

Moscow State Regional University

**ART FEATURES OF POEM "SELSKIY CHASOSLOV"
BY S. YESENIN**

Аннотация. Автор статьи рассматривает художественные особенности поэмы «Сельский часослов», произведения одного из талантливейших и самобытных поэтов начала XX века С.А. Есенина. Особое внимание уделяется доминирующим образам поэмы (рассматриваются их истоки, символика, параллели). Важным в статье является и то, что анализ поэмы ведётся в контексте эпохи (обращается внимание на время написания поэмы, на отношения поэта к событиям этого времени), а также в рамках всего творчества поэта (к элементам сюжета и анализируемым образам приводятся параллели из стихотворений поэта). В конце статьи представлены выводы.

Ключевые слова: Сельский часослов, поэма, Есенин, лирический герой, композиция, художественный образ, художественная деталь, синтез.

Abstract. The author of the article studies the art features of poem "Selskiy chasoslov" by S. Yesenin, one of the most talented and original poets of the beginning of 20th century. Special attention is paid to dominant images of the poem (their origins, symbolism, parallels). It's also important that the analysis of the poem is done in context of the epoch (attention is paid to the period of the poem composition, to the author's attitude to events of that time), and it's also done in frames of the whole author's work (parallels from author's poems are found between elements of the plot and analysed images). Conclusions are presented at the end of the article.

Keywords: "Selskiy chasoslov", poem, Yesenin, lyric hero, composition, art character, art detail, synthesis.

Сергей Александрович Есенин прожил всего тридцать лет. Но след, оставленный им в русской поэзии, настолько глубок, что не стёрли его ни усилия некоторых глухих и слепых его современников, ни последующие десятилетия, в которые ощутимо дала о себе знать инерция недоверчивого и предвзятого отношения к поэту. Его поэзия всегда жива в душе и в памяти нашего народа, потому что она уходит своими корнями в толщу народной жизни.

В сознании русского человека навсегда сложилась ассоциация: русские просторы, пейзажи, завораживающие глаз и наполняющие душу теплом, – это Есенин. Но всегда ли эти пейзажи так просты и понятны читателю?

Из совокупности произведений Есенина, его дневников, писем; из воспоминаний его современников; из большого числа работ есениноведов вырисовывается широкий и разнообразный круг знаний, усвоенных поэтом. Жизнь и быт русского крестьянства, фольклор разных народов, мировая мифология и наука, реальная жизнь нашей планеты первой четверти XX столетия и её история – всё это питало талант Есенина, входило в его душу и спо-

собствовало сотворению им нового, художественного мира.

Цель нашей статьи состоит в определении художественных особенностей лирики С.А. Есенина, выявлении доминирующих художественных образов его стихотворений, выявлении источников этих образов, прослеживании образной эволюции, в анализе мотивов и поступков лирического героя. Сделаем мы это на примере одной из самых нестандартных поэм С.А. Есенина – поэме «Сельский часослов».

Поэтический сборник стихотворений Есенина, изданный в 1918 году, называется «Сельский часослов». Помимо стихотворений в него включены несколько поэм. Нам бы хотелось остановить своё внимание на одноименной поэме. В 1918 году под таким же названием выйдет отдельный сборник поэм Есенина, но «Сельского часослова» в ней не было. Более того, ни в одно из последующих изданий автор эту поэму не включил. Обратимся к данному произведению и выявим его художественные особенности.

Название говорит нам о религиозной стороне поэмы. Часословом обычно называли книгу, которая содержала в себе тексты религиозных служб, так называемых часов. Также им называют книгу песнопений и молитв для церковных служб.

Часослов служит руководством для чтецов и певцов на клиросе. Эта книга содержит в себе порядок всех повседневных служб, кроме литургии. Часослов включает тексты неизменяемых молитвословий ежедневных церковных служб: часов с междочасием, избразительных, вечерни, повечерия, полунощницы, утрени. Кроме того, Часослов содержит чины и молитвы, присоединяемые к службам дневного круга: утренние молитвы, последование возвышения панагии (называемый также «чин о панагии»), благословение трапезы, канон Богородице и молитвы на сон грядущим. В позднее время в Часослов были включены краткие изменяемые песнопения, которые, однако, повторяются часто (например, каждую неделю): тропари, кондаки,

Богородичны, прокимны и примастаны. Часослов может содержать избранные тексты Пасхальной недели и других больших праздников или постов.

Часто в сельских школах по этой книге учились читать, а значит, с ней постигали азы знания юные умы. Эта книга – некое двойное «начало» для них: с одной стороны, начало знания, с другой стороны, начало нравственных основ жизни. Мы видим, что подобным названием поэт хочет нам сказать о том, что он создаёт новую книгу молитв и песнопений, но теперь они связаны не с порядком проведения церковных служб, а с теми событиями, которые происходили в 1918 году в России, а именно с ещё совсем недавней революцией, с новым форматом жизни русских людей (новое государство, новые люди – новый часослов).

Поэма содержит посвящение Владимиру Чернявскому. Это поэт, артист, один из близких петроградских друзей Есенина. Позже в стихотворении «Прощание с Мриенгофом» поэт перефразирует строки Чернявского и напишет следующее: «Мне страшно – ведь душа проходит // Как молодость и как любовь...» [3, с. 403].

В месяцы, когда создавались поэмы о революции, поэт был «творчески переполнен». В сборнике «Есенин академический: актуальные проблемы научного издания» приведены воспоминания поэта Владимира Чернявского. Он помнит, как Есенин горел «молодым, буйным огнём, в котором выковывалась его творческая индивидуальность... На лире его были натянуты живые крепкие мускулы» [3, с. 403].

Выбор формы свободного стиха речитативного типа в поэме «Сельский часослов» обусловлен его близостью к традиционному русскому «молитвенному» стиху. Композиция произведения, состоящего из четырёх частей, ориентирована на схему «четырёх часов», составляющих основу суточного богослужебного круга.

Художественное время поэмы построено так, что оно движется не от утра к вечеру,

а наоборот, от вечера к утру, и в этом присутствует определённый авторский замысел. Логика движения от заката к рассвету мотивируется чинопоследованием церковных служб от вечерни к утрени, за которым, в свою очередь, скрыт глубокий духовный смысл. По церковному обычаю, день начинается с вечера, так как первому дню мира и началу существования человека предшествовала тьма, вечер, сумерки.

Финал поэмы ассоциируется с рассветом: лирический герой гасит звёзды-свечи и возвещает «Деве Руси» «новое рождение», приход нового дня. Подобная символика присуща и утренней церковной службе, знаменующей «свет, бодрость, жизнь», поскольку в православном богослужении за утренней прославляется пришествие в мир спасителя, принесшего с собой новую жизнь людям.

Ключевыми образами поэмы являются световые образы, и это не случайно. Исследователь Л.Л. Бельская в книге «Песенное слово», рассматривая пейзажные картины в лирике С.А. Есенина, пишет: «Небесные пейзажи Есенина не кажутся однообразными, хотя повторяются многократно, скажем, луна и месяц упоминаются и описываются более 160 раз, небо и заря — по 90, звёзды — почти 80. Но фантазия поэта неистощима, и месяц предстает то «рыжим гусем», то «всадником унылым», то шапкой деда, то он «жеребёнком запрягался в наши сани», то «рогом облако бодает, в голубой купается пыли», то, «словно жёлтый ворон, кружит, вьётся над землей» [1, с. 34].

Касательно образов огня и света в поэме просматриваются использование поэтом заговорно-заклинательных традиций. Подобно героям русского эпоса, он обращает свои мысли и чувства ко всему мирозданию и его живописным стихиям. При этом ритуальное «заклятие хаоса» совершается в поэме тем же способом, что и в народных заговорах. Чаще всего в них называются те же четыре «света» (солнце, заря, месяц, звёзды), что и в есенинском произведении.

Обычно в заговорах используется форма «адресованного» монолога: «Заря-зарница, красная девица, светел месяц, ясны звёзды, возьмите у меня бессонницу, бездремотницу, полунощницу!.. Звёзды вы ясные, сойдите вы в чашу брачную! Месяц ты красный, зайди в мою клеть! Солнышко ты привольное, взойди на мой двор!.. Месяц ты месяц, серебряные рожки, златые твои ножки! Сойди ты месяц, унеси мою боль под облака!» [3, с. 404].

Каждая из четырёх частей поэмы воспроизводит те же структурные элементы и характерные формулы заговора. Например, первая часть начинается следующим образом:

*О солнце, солнце,
Золотое, опущенное в мир ведро,
Зачерпни мою душу!* [3, с. 172]

Остальные части имеют схожую структуру начала. Это отмечено исследователем А.В. Маймнескуловой в научном труде «Сельский часослов» Есенина: опыт интерпретации»: «Обращения к светилу с двухкратным повтором его вокативного имени («О солнце, солнце!» – 1 часть поэмы; «О месяц, месяц!» – 2 часть; «О красная вечерняя заря!» – 3 часть; «О звёзды, звёзды!» – 4 часть)». Некоторый сбой получался в черновом варианте в начале третьей главы. Первоначально это были такие строки: «Где ты, где моя Родина?». Они были зачёркнуты и заменены другими словами: «Красная вечерняя заря» (В окончательном варианте: «О красная вечерняя заря!») [3, с. 174].

Образ солнца – ведра («О солнце, солнце! Золотое, опущенное в мир ведро...») пришёл в поэтику Есенина из древних мифов, согласно которым небесный путь души усопшего в рай пролегал через глубокий колодец. В поэме «Сельский часослов», повторяющей ранее развитый в поэме «Пришествие» мотив русской Голгофы, небесный колодец оборачивается «кладезем мук», которые предстоит вынести революционной России. Впервые лирический герой Есенина высказывает сомнение в достижимости духовных целей ре-

волюции, которая до сих пор ассоциировалась у него с «солнцем правды», с «солнцем нашего братства».

С образами небесного света связан и мотив разочарования, сознания бесполезности своих действий, который возникает в следующих строках поэмы:

*Каждый день,
Ухватившись за цепь лучей твоих,
Карабкаюсь я в небо.
Каждый вечер
Срываюсь и падаю в пасть заката.* [3, с. 172]

Мотивы разочарования и сомнения вызваны горестным ощущением непреодолимости греховной и смертной природы человека («огненная пасть» – символ ада, «закат» – символ смерти; в поэме происходит сочетание этих символов и появляется страшный, демонический образ «пасть заката»).

Исследователь О.Е. Воронова считает, что «цепь лучей» солнца, по которым карабкается лирический герой, соотносима с образом космической «оси мира – небесной лестницей». [2, с. 57] Попытка подняться по этой лестнице из солнечных лучей с точки зрения мифологической логики знаменует собой момент «перехода» в новое бытие, устремлённого соединить «верх» и «низ», восстановить связь земли с небом, чтобы привлечь космические силы к преодолению хаоса и новому мироустройству.

Мы видим сложное состояние души лирического героя:

*Тяжко и горько мне...
Кровью поют уста...* [3, с. 172]

Несмотря на духовную боль и переживания, он не утрачивает главного своего назначения, как поэта, и мы видим, что уста его «поют». В следующих строках поэмы происходит игра светом, так как на большом белом фоне, который создаётся лексическим повтором «снега», метафорой «покров моей родины», проступают пятна крови, которой «поют уста».

Родина представляется поэту в образе распятого Иисуса Христа, её разные части составляют тело её, например, «голени дорог и холмов». Ночь сравнивается с вороном, который в мифологии связан с тёмными силами и является предвестником чего-то скверного. Мы видим, как явно переплетаются в этой поэме библейские и мифологические истоки образов. Как говорит об этом сам Есенин в поэме:

*Только ведь приходское училище
Я кончил,
Только знаю Библию да сказки...* [3, с. 175]

Во второй части поэмы лирический герой обращается к месяцу. Он сравнивает его с рыжей шапкой «моего деда». Он просит снять эту вещь с сука, на который её закинул озорной внук, и прикрыть глаза героя. Он ищет спасения. В более ранних стихотворениях Есенина тоже будут появляться световые образы, которые будут тем или иным образом связаны с изделиями из ткани, будь то шаль (образ «шаль зари» в стихотворении «Пойду в скуфье смиренным иноком...», 1914 – 1922г.) или рубаха (в стихотворении «На лазоревые ткани...», 1915г.). Эти образы будут собой нести некую защиту герою, покров.

Лирический герой видит все страшные преобразования, которые происходят в этот момент времени с его родиной, но он готов принять её в любом состоянии:

*Не отрекись принять тебя даже с солнцем,
Похожим на свинью...* [3, с. 174]

Неожиданное сравнение и в то же время сложное, так как свинья в мифологиях и религиях трактуется по-разному. Свинья издавна обременена негативным символическим значением нечистоплотности, невежества и алчности. В античном мире, однако, свиноматка воспринималась как символ плодородия – это священное животное Исиды в Египте, богини земледелия Цереры в Греции и Деметры в Риме. Христиане же видят в ней

низменное, грубое существо, символ плотских грехов, особенно чревоугодия.

Вот такую родину с солнцем-«свиньёй» готов принять герой. Он даже разрешит ему просунуть «пяточок» в «частокол души» его, что говорит о вере в это солнце, о том, что есть доверие к нему. Он верит и своей родине, и ничто его не заставит отвернуться от неё, даже то, что она вызывает такие ассоциации лирического героя:

*Где ты...
Где моя родина?
Лыками содрала твои дороги
Буря,
Синим языком вылизал снег твой –
Твою белую шерсть –
Ветер...
И лежишь ты, как овца,
Дрыгая ногами в небо... [3, с. 174]*

Несложно обнаружить мифологический контекст в данном образе. В разных мифопоэтических системах символическое значение «овца» отличается большой устойчивостью и единством – робость, стыдливость, кротость, безобидность, пассивность, терпение, простота, податливость, невинность, мягкость, нежность, любовь, жертвенность (жертва). Иногда эти значения «ухудшаются» — безынициативность, подражательность, глупость, упрямство, блуждание.

В языческих ритуалах овца часто выступает в роли жертвы, так и родина лирического героя на данном этапе исторических событий не кто иная, как жертва. Она находится в таком жалком состоянии, так как не может понять, где небо, а где земля: «Путай все, что видишь...».

Несмотря на такое плачевное состояние родины во второй главе, в следующей части звучит оптимистичная мысль о возрождении России. Однако это возрождение или перерождение связано с гибелью Руси:

*Гибни, край мой!
Гибни, Русь моя,
Начертательница
Третьего
Завета... [3, с. 175]*

Лирический герой ждёт нового, Третьего Завета (после Ветхого и Нового заветов, составляющих Библию), новой книги Священного писания. Поэма несёт в себе мысль о великом будущем России.

В четвертой части поэмы образ звёзд символизирует божественный свет:

*О звёзды, звёзды,
Восковые тонкие свечи,
Капающие красным воском
На молитвенник зари... [3, с. 175]*

Здесь опять же обнаруживаются параллели со световыми образами ранних стихотворений. В стихотворении 1910 года «Вот уж вечер. Роса...» берёзы сравниваются с большими свечками. Природа представляется лирическому герою божественным храмом, в котором он может обрести успокоение для своей души. Природа у Есенина не отделена и не может быть отделена от Бога.

В четвертой же части поэмы звучит мысль о рождении нового сына девы Руси:

*Радуйся, Земля!
Деве твоей Руси
Новое возвестил я
Рождение.
Сына тебе
Родит она...
Имя ему – Израмистил... [3, с. 176]*

Это необычное имя Израмистил Есенин составил из слов «изографство» и «мистическое». В письме к Р. В. Иванову-Разумнику (Ташкент, май 1921) он высказывал мысль о том, что искусство в некоторой степени должно быть связано с мистической образностью, с загадками языка. Это искусство поэт «хорошо изучил, обломал». «И даже в поэме «Сельский часослов», — говорил Есенин далее, — назвал это моё брожение «Израмистил». Тогда мне казалось, что это мистическое изографство. Теперь я просто говорю, что это эпоха двойного зрения, оправданная двойным слухом моих отцов, создавших „Слово о полку Игореве“...» [3, с. 403]

Итак, мы видим, что основными образами поэмы «Сельский часослов» являются световые небесные образы (солнце, заря, месяц, звёзды). Все они связаны с духовным состоянием лирического героя и отражают его переживания, духовные поиски, сомнения. Также в их основу, помимо библейской, добавлены мифологические истоки, что представляет собой необычный синтез.

С.А. Есенин прожил сравнительно недолгую жизнь, но его творческое наследие представляет для нас большую значимость. Е. Винокуров справедливо заметил, что всё творчество Сергея Есенина – это одно произведение, центр которого сам поэт: «В поэтической стране, где живёт автор, всё есенинское. Каждое стихотворение – только деталь общей картины» [4, с. 76].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бельская Л.Л. Песенное слово: Поэтическое мастерство С. Есенина: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1990. – 144с.
2. Воронова О.Е. Творчество С.А. Есенина в контексте традиции русской духовной культуры: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2000. – 469с.
3. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. / Гл. ред. Ю.Л. Прокушев; ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. – М.: Наука; Голос, 1995—2002. Т. 4. Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений». – 1996. – 544с.
4. Есенин. С.А. Стихотворения. Поэма: Анализ текста. Основное содержание. – М.: Дрофа, 2003. – 112с.
5. Шошнова Н. Библиизмы в поэмах С.А. Есенина // Современное есениноведение. – 2007. – № 7. – С. 87 – 91.
6. Юсов Н., Мешалкин В. Новое о Есенине (из материалов к Есенинской энциклопедии) // Современное есениноведение. – 2007. – № 7. – С. 60 – 64.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА Д 212.155.02

*по русскому языку, теории и методике обучения русскому языку
(специальности 10.02.01 – русский язык, 13.00.02 – теория и методика обучения
и воспитания [русский язык])
при Московском государственном областном университете в 2011 году*

Проблематика всех представленных в диссертационный совет Д 212.155.02 в отчётном 2011 году исследований связана с актуальными тенденциями науки.

Диссертационный совет рассматривал работы по специальности 10.02.01 – русский язык и по специальности 13.00.02 – теория и методика обучения и воспитания [русский язык], которая в отчётном году была представлена широко – 8 работами, в том числе двумя докторскими диссертациями соискателей кафедры методики преподавания русского языка и литературы МГОУ Иванчиковой Т.В. «Формирование речевой компетентности студентов экономических специальностей вуза: ситуационный подход» и Гац И.Ю. – доцента данной кафедры – «Модернизация обучения школьников русскому языку: лингвометодическая стратегия в современной языковой ситуации». Языковая компетенция личности школьника и студента в условиях современной языковой ситуации обусловили актуальность этих исследований. Так, научная значимость докторской диссертации Иванчиковой Т.В. связана с обоснованием эффективности ситуационного подхода к преподаванию речевых дисциплин студентам – будущим экономистам, с реализацией возможности ориентации педагогического процесса в вузе на компетентностную парадигму, на контекст профессиональных требований к речевому поведению специалистов. Существенным является вклад учёного в определение методов и технологий преподавания речевых дисциплин в профильных вузах и создание комплекса диагностических материалов.

Разработанная в диссертации И.Ю. Гац концепция адаптивного развития системы обучения школьников русскому языку в современной языковой ситуации может быть использована при уточнении «Примерной программы основного общего образования по русскому языку», а также федерального государственного стандарта высшего педагогического образования. Ценно, что методика формирования общеучебной компетенции школьников средствами курса русского языка, приёмы обучения, принципы и формы организации лингвометодической обучающей среды могут быть реализованы в образовательных учреждениях, инновационных школах, педагогических вузах и колледжах, институтах повышения квалификации учителей.

Опыт многих десятилетий активной работы по обучению грамоте в период подготовки детей к письму в начальной школе обобщает Г.В. Ванькова в кандидатской диссертации «Оптимизация учебной деятельности младших школьников в период обучения грамоте», где представлена авторская технология оптимизирующего обучения младших школьников русскому языку (чтению и письму) по выделенным единицам обучения в соответствии с

федеральными образовательными стандартами третьего поколения, предложена система упражнений, учитывающая принципы эффективности обучения грамоте, выявлены и обоснованы технологические компоненты обучения в перспективе. Г.В. Ваньковой экспериментально проверены механизмы реализации методики «обучения в перспективе» русскому языку младших школьников.

Для диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык было характерно использование полипарадигмального подхода, работа в рамках не только весьма интересной и перспективной для анализа фактов и явлений языка антропоцентрической парадигмы научных знаний, когнитивистики, психолингвистики, но и привлечение достижений и методов структурно-семантического, сравнительного анализа.

Разнообразна тематика докторских диссертаций. Труд по истории языка *Ненашевой Л.В.* «Графические и орфографические особенности памятников русской письменности XV века» предлагает палеографическое описание 21 рукописного памятника XV в. (4 житийных списка, 3 летописных свода и 14 рукописей религиозного содержания), при этом установлено время написания 16 рукописей, изучены текстологические особенности памятников русского извода XV в. *Ненашева Л.В.* показала, что в XV в. происходит архаизация русского письма, проявившаяся в реставрации более древних графико-орфографических норм; выявлены греческие, южнославянские и собственно русские графические и орфографические особенности памятников на основе детального анализа употребления букв в исследуемых текстах. Доказано, что использование в рукописях букв Ъ, Ь свидетельствует не о незавершенности процесса падения редуцированных, а о восстановлении этих гласных на письме в XV в. и отражении более общей тенденции архаизации письма той эпохи. Автором установлено, что в середине XV в. формируется

новая графико-орфографическая система, которая окончательно сложилась к концу XV века.

Ментальность русского человека, отражаемую в его профессиональной трудовой деятельности номеном-профессионализмом, прототермином, исследовала при обращении к лексике общенародного языка на богатом эмпирическом материале *Е.Н. Сердобинцева*. Автором проведены грамматическая, семантическая, словообразовательная, функционально-речевая и стилистическая классификации, рассмотрены номинативно-онтологические характеристики профессионализмов. Теоретическая значимость данной диссертации связывается с многоаспектным анализом лексико-семантических процессов в профессиональной лексике русского языка, изучением слова в сфере профессиональной коммуникации и уточнением определения профессионализма, его статуса в лексической системе в целом и языке для специальных целей (ЯСЦ) – в частности.

Внимание к тексту и высказыванию в его субъективной нацеленности и в специфике построения стало побудительной силой для диссертационных работ докторантов кафедры современного русского языка МГОУ.

Пануша И.С. в докторской диссертации «Сложное синтаксическое целое: структура, семантика, функционирование» предложила новое перспективное направление в теории сложного синтаксического целого (ССЦ), представив доказательства и обоснование статуса ССЦ как единицы языка, обладающей собственной грамматической формой, которая проявляется во внешней (языковые матрицы) и внутренней (система гермов и поле языкового напряжения) структурах плана выражения. Установлена зависимость композиционных составляющих ССЦ от его языковой матрицы, доказано существование поля языкового напряжения ССЦ как его особой внутренней структуры, образуемой комплексом гермов, для которых обоснованы принципы определения объема и разработаны классификации на основании диф-

ференциальных признаков по типу, качеству, виду.

Орехова Е.Н. расширила современные научные представления о языковых модальных значениях в целом и о субъективно-модальных, в частности. В ее диссертационной работе «Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции» на основании комплексного анализа категории субъективной модальности определены семантика, формы и функционирование этой категории в современном русском языке.

Канафьева А.В. в диссертации «Риторическое высказывание: форма, семантика, функции» исследовала риторическое высказывание в различных аспектах, предложила обоснование особого статуса риторического высказывания как специализированной формы экспрессивно-оценочного сообщения и рассуждения в русском языке, дала его оценку как особого фрагмента русской языковой картины мира, раскрыла параметры функционирования в разных областях речевой деятельности на разнообразном и значительном по объёму корпусе текстов.

Грамматика не оставалась без внимания молодых учёных. К комплексному изучению имён существительных общего рода как развивающейся в современных социально-культурных условиях группе слов обратилась Павлова Т.С. в кандидатской диссертации «Существительные общего рода в русском языке: семантика, грамматика, употребление» и представила существенные и теоретически значимые результаты работы, состоящие в дополнении данных о семантике, грамматике и словообразовании существительных общего рода, в выявлении особенностей семантической структуры слов, где в качестве обязательных компонентов актуальны семы 'лицо', 'оценка' и 'характеристика'. Заслуга Павловой Т.С. в уточнении существующих классификаций слов общего рода, что способствует развитию грамматической теории категории рода в русском языке в целом.

Беловой Н.Н. исследовалась специфика значения имён прилагательных в диссертации

«Семантика оценки в именах прилагательных».

Кандидатские диссертации Кириллиной Н.В., Донченко А.С., Ермаковской Т.А., Ступниковой Л.Г. были посвящены изучению такого феномена, как язык художественной литературы, язык и стиль русских поэтов и прозаиков, характеристике особенностей и функций языковых единиц в текстах авторов XIX и XX веков (Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, А.Т. Твардовского, Б.К. Зайцева, А.А. Ахматовой), в том числе конкретных ресурсов, например имён собственных (кандидатская диссертация «Семантико-стилистические особенности антропонимикона пьес Н.В. Гоголя и А.П. Чехова» Донченко А.С.).

Анализ средств русского языка в их эволюции, при раскрытии номинативных потенций, особенностей образования дан Т.А. Блинецовой при изучении неологизмов-глаголов, Т.В. Кузьминой, И.И. Борисовой (анализ сакрального компонента в эволюции).

Все диссертации получили положительную оценку как имеющие высокий научно-теоретический уровень подготовки, выполненные с использованием адекватных методов исследования, на значительном фактическом материале.

В ходе исследования избранных тем в рамках соответствующей проблематики авторами рассмотрены и представлены значительные по объёму материалы, которые нередко впервые вводились в научный оборот. Диссертации характеризуются верным метаязыком науки, использованием адекватных задачам и цели исследования методов и приёмов.

Все авторы имели необходимое число публикаций в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, отмечено убедительное число публикаций не только у соискателей ученой степени доктора наук, но и кандидатской степени. Авторы докторских диссертаций создали монографии, учебные пособия, разработали оригинальные стратегии, технологии и методики анализа языкового материала.

Полученные результаты заслуживают применения в ходе разработки спецкурсов и

спецсеминаров, при преподавании базовых дисциплин в вузах РФ (Московском государственном областном университете, Северном (Арктическом) федеральном университете, Пензенском государственном педагогическом университете им. В.Г. Белинского, Мичуринском государственном педагогическом институте и др.), в других образовательных

школах, колледжах, в институтах повышения квалификации учителей.

***Леденёва Валентина Васильевна,
учёный секретарь диссертационного
совета Д 212.155.02,
доктор филологических наук, профессор***

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ

*на сборник научных статей «Русистика и компаративистика»
(Вып. 5. Московский городской педагогический университет –
Вильнюсский педагогический университет)¹*

Сериальный сборник научных статей Московского городского педагогического университета и Вильнюсского педагогического университета «Русистика и компаративистика» является результатом международного сотрудничества филологов России и Литвы. Сборник затрагивает вопросы таких отраслей филологической науки, как языкознание, литературоведение, переводоведение, фольклористика. Данный выпуск — пятый по счёту. Серия в целом уже отмечена высокими отзывами - достаточно вспомнить рецензию члена-корреспондента РАН, профессора МГУ им. М.В. Ломоносова П.А. Николаева (Вестник Московского университета. Серия 9 «Филология». – 2007. – № 4. – С. 166-169).

В разделе «Языкознание» внимание отечественных и литовских исследователей привлекли проблемы региональных особенностей вариативности номинаций (статья Н.Ю. Авиной), специфики устной речи в контексте сравнительного изучения языков (статьи Ж.В. Ганиева, Н.В. Дмитриевой, А.В. Жарковой, Е. Казимянец и др.). Исследователи обратились также к сопоставительному изучению русского и немецкого (Е.Ф. Киров, М.В. Беляева), русского и болгарского языков (Н. Иванова).

В литературоведческом разделе представлены работы, основанные на компаративистском и типологическом подходе к анализу индивидуального творчества и литературно-художественного процесса. Авторы сосредоточены на индуктивных исследованиях поэтики, на изучении инокультурного восприятия феноменов искусства, на вопросе контекстуальных связей и межвидового взаимодействия в искусстве, а также способах интертекстуального освоения действительности.

Вопросам русско-английских связей посвящены статьи Т.Г. Чесноковой и Т.А. Алпатовой. В центре статьи Т.Г. Чесноковой находятся пьесы Дж. Ванбру «Неисправимый» и Р.Б. Шеридана «Поездки в Скарборо», которые рассмотрены исследовательницей в контексте истории английской драмы. В статье Т.А. Алпатовой исследуются вопросы художественной философии Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского, выявляемой в связи переводами этими русскими мастерами «Гимна» Дж. Томсона.

Русско-немецким связям посвящены работы Б. Двиевич и С.А. Алексеенко. В работе полонистки Барбары Двиевич тонко и убедительно показаны особенности перевода повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» на польский язык. Наряду с теоретическими акцентами, постулируемыми автором, в статье дана картина техники переводческой работы. Взгляд И.А. Беляевой, направленный на обнаружение и утверждение гётевской (фаустовской) интертекстуальности романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», отмечен си-

¹ Статья написана в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические связи инновационной России» на 2009-2013 годы. ГК №14.740.11.0562.

темностью, строгой логикой, подводится итог широты дермонтовского культурного горизонта. Аспирант С.А. Алексеенко также обратилась к вопросу гётевской интертекстуальности. Однако проблема решается на совершенно ином материале — повести И.С. Тургенева «Фауст».

Предметом статьи М.Б. Лоскутниковой являются русско-французские связи в аспекте проблем методологии науки. Исследовательницу интересует творчество И.С. Тургенева в рецепции основоположника эстопсихологии Э. Геннекена, выступавшего в качестве аналитика творчества И.С. Тургенева, что не было ранее предметом специального научного освещения.

Статья коллеги из Литвы Марины Романенковой обращена к проблеме русско-литовских культурных связей. Объектом изучения является стихотворение Юдиты Вайчюнайте «Возле «Сирени» Врубеля». Автор изящно и конструктивно демонстрирует возможности поэзии при художественном освоении пространственного вида искусства.

Интертекстуальную методологию используют также Н.М. Малыгина, А.В. Громова, А.И. Смирнова. Работа Н.М. Малыгиной построена на изучении архивных материалов. В центре внимания автора находятся творческие взаимосвязи «вычеркнутых» официальной критикой 1930-х годов писателей А. Платонова и С. Кржижановского, в том числе зафиксированные историей в практике журнала «Литературный критик». В статье А.В. Громовой позиционируется постановка проблем интертекстуальности в прозе К.Г. Паустовского. На материале романистики писателя автор работы демонстрирует реминисценции из прозы Б.К. Зайцева и поэзии И.А. Бунина, в том числе показана концептуально значимая роль скрытых цитат. Наблюдения А.И. Смирновой над «Последней пасторалью» А. Адамовича, взятой в контексте художественной «антологии предупреждений» конца XX века, носят в изучении функции метатекста не только аналитический, но и теоретико-методологический характер.

Некоторые исследования носят яркий научно-публицистический характер. В эссе литуанистки Жидроне Колевинскене рассматриваются произведения литовской поэтессы и художницы Эдиты Назарайте, раскрываются особенности женского диалога с читателем и её образность. В эссе Б.А. Гиленсона указаны вехи приобщения Э. Хемингуэя к творчеству Л.Н. Толстого и отмечен творческий отклик американского писателя на утверждения русского художника.

По общей направленности работы к разделу «Литературоведение» примыкает и статья, помещенная в разделе «Переводы», литовской исследовательницы Виргинии Бальсевичюте-Шленене. Предметом её изучения являются стихотворение А. Блока «Скифы» и произведения с тем же названием подобной тематики литовских поэтов А. Бернотаса и В. Бложе.

В раздел «Фольклористика и литературно-фольклорные связи» входят две статьи. И.Н. Райкова в своей работе, посвящённой устной смеховой культуре детства, рассматривает эффект «обманутого ожидания». Работа носит аналитический характер, фольклорные тексты сопровождают уместные в своей конкретике комментарии. Статья профессора С.А. Джанумова посвящена изучению фольклорных включений в произведения И.А. Бунина, она носит аналитический характер и расширяет истоки бунинского образного мира.

Представленные в сборнике компаративистские исследования по проблемам русистики, англистики, русско-западноевропейских связей носят, по преимуществу, фундаментальный характер и способствуют установлению продуктивного творческого взаимодействия между Россией и государствами Западной Европы.

**Киселёва Ирина Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент, зав. кафедрой
русской классической литературы
Московского государственного
областного университета**

РЕЦЕНЗИЯ

на коллективную монографию

*«Аналитизм в лексико-грамматической системе русского языка» /
Под ред. П.А. Леканта. – М.: МГОУ, 2011. – 162 с.*

В течение последних лет в лингвистике появляется все больше работ, связанных именно с жизнью языка, его категоризацией, изменчивостью, функционированием в сознании и речевых сферах. «В языке нет ничего неподвижного», – писал И.А. Бодуэн де Куртене. Однако мы замечаем, что чаще всего такие исследования посвящены гносеологическим и универсальным семантическим категориям (оценка, номинация и предикация, смысл, концепт, картина мира, дискурс, гендер, стиль и т. д.) и выполнены в области семасиологии, лингвокультурологии, когнитологии, психолингвистики. Предоставляя этим сферам свою форму и семантику, языковая единица (лексема, словоформа, предложение) каждый раз словно бы заимствуется из «чистой грамматики» для рассмотрения с помощью личностно-ориентированного, функционально-семантического, коммуникативного и ситуативно-семантического методов в новой, так называемой «антропологической», парадигме языка. Вышедшая недавно под редакцией профессора, доктора филологических наук, Заслуженного деятеля науки РФ П.А. Леканта коллективная монография, центром которой стала проблема аналитизма грамматического строя современного русского языка, имеет принципиально иной характер. Отличаясь абсолютной научной новизной, книга тщательно сохраняет и развивает преемственность отечественной грамматической традиции, в которой объектом изучения является собственно грамматическая категория, форма, значение и функция единиц, конструкций. Глубинные морфологические и синтаксические структуры и тенденции (в данном случае – грамматический аналитизм), увиденные, понятые и описанные по законам самого языка, иногда, быть может, больше говорят о том, что происходит с его носителями, чем описание типов языковой личности и её пристрастий. Не один раз авторами отмечается, что грамматический аналитизм – явление современного состояния языка. Грамматические гипотезы начала и середины XX века, пронизательно обозначенные (иногда всего в одном-двух предложениях) замечательными русскими лингвистами (прежде всего В.В. Виноградовым, А.А. Шахматовым, А.М. Пешковским, Л.В. Щербой и др.), получили в этой монографии всестороннее освещение, глубокое осмысление.

Другим прекрасным достоинством книги является её научное единство. Монография написана разными авторами, в основном, профессорами и докторами наук, но так, словно её написал один человек. Разумеется, это относится не к стилю, не к отсутствию полемики или научной индивидуальности. Книга – результат многолетнего (на протяжении полувека!) труда грамматической научной школы профессора П.А. Леканта и отражает успешный результат целостного методологического подхода к анализу языковой единицы. Здесь рассмотрены вопросы, о каждом из которых можно сказать, что они являются для грамматической системы наиважнейшими и самыми сложными. Это проблема количества частей речи; вопрос о морфологической парадигматической системе, непрерывности морфологического движения языка; сущность грамматической омонимии; частеречный статус краткого прилагательного (*предикатива*) и *интенсива* (термины предложены П.А. Лекантом); тенденции перехода от аналитической конструкции к аналитической форме; корпус связок в почти стремительно расширяющихся границах функционально-служебного класса слов; проблема слов категории состояния, употребительность которых очень высока. Одним словом, пред-

ставлены те аспекты морфологии и синтаксиса, о которых можно сказать, что они являются действительно самыми современными.

Главы монографии распределены по трём разделам, каждый из которых раскрывает какой-либо аспект грамматического аналитизма и конкретизирует его содержание.

В первой главе «Аналитизм в морфологической системе русского языка» рассматриваются вопросы, связанные с категорией предикатива. Он стал тем фокусом, который позволил сконцентрировать всю теоретическую сущность грамматического аналитизма. Написанный П.А. Лекантом первый параграф («Аналитическая часть речи *предикатив* в современном русском языке» – с. 4-13) выполняет функцию введения в монографию, перекидывая своеобразный мост от основных направлений грамматического учения о слове В.В. Виноградова к проблематике данного сборника. Здесь подчеркивается, что не может быть «раз и навсегда» решённого вопроса о количестве частей речи, так как грамматические категории не могут быть неподвижными. определяются границы анализируемого в монографии взаимодействия морфологической и синтаксической систем. На примере предикатива рассматривается самая сущность «гибридных» явлений, тенденции образования аналитических форм во всей системе языка. История описания «превращения» кратких форм прилагательных в часть речи предикатив показана не только как изменение методологического отношения учёных к определению таких единиц, как, например: *Как хороша была Елецкая!* (А. Пушкин); *И всё вокруг мертво и пусто; И тошно в этой пустоте* (А. Твардовский), – но и как внутреннее, объективно происходящее динамическое языковое явление. Параграф содержит детально обоснованное, очень чёткое описание богатой семантики и форм предикатива, классифицирует его как гибридную часть речи.

Два других параграфа, написанные М.В. Дегтяревой («Аналитические формы русского предикатива» – с. 14-44) и Л.В. По-

повой («Связка в аспекте тенденции к аналитизму в грамматическом строе русского языка» – с. 44 -61), логично завершают эту главу, так как оба автора избирают тему обновления «старого» грамматического материала, грамматического абстрагирования, идею эволюционного преобразования форм-первоисточников, принцип анализа теснейшей связи и переплетения категорий морфологии и синтаксиса. Гибридность – результат взаимопроникновения и наложения близких, но разных грамматических явлений. Именно поэтому тщательный, исключительно академический по стилю морфологический анализ предикатива М.В. Дегтяревой, написавшей самостоятельную монографию об этой части речи (см.: «Частеречный статус предикатива». – М., 2007), упирается в третьем параграфе о связке в вопрос о том, что предикатив как аналитическая морфологическая форма одновременно есть и аналитическая конструкция – составное сказуемое. Сущность терминов аналитизм, грамматизация и соотношение понятий аналитическая форма и аналитическая конструкция блестяще раскрывается в написанной Л.В. Поповой части работы на примере группы связок. Таким образом, гибридность предикатива получает своё научное завершение.

Глава 2 «Тенденции аналитизма в синтаксическом строе русского языка» выводят понимание проблемы за пределы гибридных частей речи и расширяют представление об аналитических конструкциях и формах на примере аналитических предикативных форм (автор – П.А. Лекант, с. 62-68), редко рассматриваемых в синтаксисе бисубстантивных предложений (параграф написан Н.А. Герасименко, с. 69-100), категории синтаксического времени в двусоставном предложении с аналитическим сказуемым (автор – Т.Е. Шаповалова, с. 101-111), расширения именных средств безличности (автор – А.В. Петров, с. 112-130). В этих параграфах много нового, свежего материала, формирующего современный взгляд на, казалось бы, давно устоявшиеся вещи. Так, П.А. Лекант

призывает грамматистов, в первую очередь методистов, вводить в научно-учебный обиход термин **нулевая форма** связки *быть*, а не «глагол-связка» и не «нулевая связка», говорить о грамматическом **партнёрстве**, а не о подчинении инфинитива связочному глаголу.

Форму и семантику связочно-субстантивного сказуемого рассматривает Н.А. Герасименко, определяя его и как древнее звено русского синтаксиса, и как наиболее продуктивный и активизирующийся сегодня синтаксический тип. Подчёркивается, что сказуемость в принципе определяется не морфологической глагольностью, а диктуется волей говорящего, модусной рамкой, и синтаксическая картина мира в целом требует на нынешнем этапе активности неглагольных предложений.

Тематически перекликается с этим материал А.В. Петрова о расширении именных средств выражения безличности. Грамматический аналитизм категории состояния ни у кого уже не вызывает сомнений. В параграфах, написанных Н.А. Герасименко и А.В. Петровым, показано, что развитие аналитизма связано с потребностью выражения семантики состояния и оценки, а это неизбежно ведёт к включению в аналитические конструкции всех имён, даже наречие в предикативной функции сближается с именем.

Примером блестящего анализа синтаксических структур, продолжением темы грамматического аналитизма является параграф, написанный Т.Е. Шаповаловой, полностью разделяющей взгляды своих коллег, и посвящённый категории времени (о которой в монографии всегда идет речь) в предложениях, в предикативную основу которых входят слова *значит, есть, суть*. Это придаёт всей второй главе целостность и завершенность.

Глава 3 – «Функции аналитических образований в языке художественной литературы» – так же, как и предыдущие, имеет хорошо продуманную структуру, основанную на проблематике, обозначенной П.А. Лекантом в первом параграфе (с. 130-137). Идея тесного грамматического переплетения раци-

ональной и эмоциональной составляющей любого высказывания связывает все другие части этой главы. В центре её зарождающаяся часть речи, результат «продолжительного и бурного процесса», «одностороннего движения», перехода знаменательных слов в незначительные (с. 130) – **интенсив** (термин П.А. Леканта). Здесь, в монографии, он определяется и как функция словесного знака в тексте. Этот корпус, слов, который, казалось бы, трудно обозначить и описать, в русле аналитической тенденции (гибридности, смещённости, переходности, грамматизации) оказывается вполне охватываемым лингвистическим взором явлением. Все эти слова и «словечки» объединяются высочайшим уровнем абстрагированности, иным поведением в синтаксической конструкции по сравнению со знаменательными омонимами, категориальной сущностью. Интенсив – на пути к грамматизации, так как уже сейчас является особой синтаксической аналитической формой – сочетанием частиц *какой, такой, как, так* с «полными словами», – пишет П.А. Лекант на с. 134. Вопросу об интенсиве, его категориальной и функциональной сущности, посвятила свой параграф Д.А. Савостина (с. 137-142), показав, что вне аналитической конструкции частица теряется в морфологической системе, становится ненужной, описывается по остаточному принципу. Совсем иначе мы относимся к интенсиву, когда говорим о нём как о форме, ведущем средстве организации эмотивного текста.

Об усилении аналитических тенденций в речи – третий и четвертый параграф третьей главы. Присвязочные фразеологизмы (описанные И.Г. Родионовой) и глагольно-описательные обороты (Е.Н. Лагузова) – две стороны одной медали. Стремительно развивающаяся потребность в характеристике лица, свойств и признаков предметов в разнообразных модусных рамках и планах речи заставляют грамматическую систему повышать аналитический потенциал и ориентироваться на внутренний мир человека.

Монография обосновывает целостную систему грамматических средств, форм, освещает ключевые проблемы языкового развития.

Тщательная изученность теоретических источников, ясность изложения, вытекающая из чёткого осознания и видения проблемы, богатейший иллюстративный материал, с ходу запоминающиеся классификации, отсутствие однозначных трактовок и скороспелых терминов там, где грамматическое явление ещё претерпевает процесс становления, тончайшая прорисовка всех семантических особенностей, присущих грамматическим категориям, целостность взгляда и какая-то особенная, безусловная перспективность всех базовых тезисов – вот неполный перечень того, что делает эту монографию значительным вкладом в развитие отечественной лингвистики.

Монография адресована всем лингвистам, будет интересна и преподавателям, и

научным сотрудникам, аспирантам, докторантам. Без сомнения, стоит вводить её в список обязательной и дополнительной литературы для студентов, изучающих синтаксис и морфологию.

Таким образом, анализ рецензируемого научного труда позволяет сделать вывод, что включённые в него статьи обладают **актуальностью, новизной, теоретической и практической значимостью**.

*Халикова Наталья Владимировна,
доктор филологических наук,
доцент кафедры
современного русского языка
Московского государственного
областного университета*

НАШИ АВТОРЫ

Акимова Ольга Борисовна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой акмеологии общего и профессионального образования, декан факультета повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Российского государственного профессионально-педагогического университета; e-mail: akimova_olga@isnet.ru.

Алпатова Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета; e-mail: Alpatova2005@rambler.ru.

Арименова Раиса Санжеевна – декан УК 1 Московского института физической культуры и спорта Бурятского государственного университета; e-mail: xobok@yandex.ru.

Белова Анастасия Олеговна – старший преподаватель кафедры всемирной литературы Московского педагогического государственного университета; e-mail: s_new351@mail.ru.

Веденеева Мария Александровна – аспирант кафедры русского языка Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; e-mail: vedeneeva-ma@yandex.ru.

Гоголина Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и русского языка Института филологии, культурологи и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета; e-mail: gogolintv@yandex.ru.

Гольман Юлия Ивановна – аспирант кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета, учитель Муниципального общеобразовательного учреждения средней общеобразовательной школы № 2, г. Люберцы; e-mail: lisichka8519@rambler.ru.

Захарова Екатерина Валерьевна – аспирант кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета, учитель гимназии № 13, г. Долгопрудный; e-mail: lelik61@rambler.ru.

Зубарева Галина Сергеевна – аспирант кафедры германской филологии Московского государственного областного университета; e-mail: galinaz1987@rambler.ru.

Иосилевич Наталья Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Владимирского государственного университета; e-mail: iva-vip33@rambler.ru.

Кваша Юлия Александровна – аспирант кафедры русского языка Северо-Восточного государственного университета; e-mail: komilfo-87@mail.ru.

Киселёва Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русской классической литературы Московского государственного областного университета; e-mail: classikaxix@rambler.ru.

Коренева Юлия Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; e-mail: yukor74@mail.ru.

Леденёва Валентина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: kaf-sovrusl@mgou.ru.

Лежнева Ольга Владимировна – аспирант кафедры филологии Смоленского гуманитарного университета; преподаватель кафедры английского языка факультета иностранных языков Смоленского гуманитарного университета; e-mail: okleshneva@yandex.ru.

Летова Анна Михайловна – аспирант кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; e-mail: annet8707@rambler.ru.

Напалкова Светлана Викторовна – аспирант кафедры славянской филологии Московского государственного областного университета, секретарь деканата очной формы обучения факультета русской филологии Московского государственного областного университета; e-mail: fildek@yandex.ru.

Рахимова Динара Ирековна – ассистент кафедры современного русского языка и методики преподавания Института филологии Казанского (Приволжского) федерального университета; e-mail: dinaro4ka1986@mail.ru.

Свиридова Екатерина Александровна – аспирант кафедры русского языка Мичуринского государственного педагогического института; e-mail: swiridowa.kat2011@mail.ru.

Халикова Наталья Владимировна – доктор филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: kaf-sovrusl@mgou.ru.

Цынк Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Димитровградского инженерно-технологического института (филиала Национального исследовательского ядерного университета Московского инженерно-физического института); e-mail: mindliny@mail.ru.

Шестопалова Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета; e-mail: classika-115@mail.ru.



ВЕСТНИК Московского государственного областного университета

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодня выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по специальностям, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik.mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Русская филология» 2012. №1

Над номером работали:

менеджер отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» *Л.В. Туркова*
литературный редактор *Т.Е. Шаповалова*
переводчик *И.С. Шаповалов*
компьютерная вёрстка *Д.А. Зверева*

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»

105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik.mgou.ru

Формат 60x86/8. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 350 экз. Уч.-изд. л. 9,25, усл. п.л. 7,75.

Подписано в печать 15.02.2012. Заказ № 501.

Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а

К сведению авторов «Вестника МГОУ»

Для публикации научных работ в выпусках серий «Вестника МГОУ» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной широкому кругу российской научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях, написан в контексте современной научной литературы и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат». Отдел по изданию научного журнала «Вестника МГОУ» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

За точность воспроизведения имён, цитат, формул, цифр несёт ответственность автор. Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта. Статьи, не соответствующие требованиям Отдела по изданию «Вестника МГОУ», решением редакционной коллегии серии не публикуются.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором предметной серии. Оплата статей сторонних авторов (не аспирантов) после принятия статьи ответственным редактором предметной серии должна покрыть издательские расходы «Вестника МГОУ» на её публикацию. В журнале не будут публиковаться статьи авторов, не предоставивших квитанцию почтовой подписки на «Вестник МГОУ».

Для публикации научной статьи в определённой серии «Вестника МГОУ» автору необходимо предоставить в Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»: 1) авторскую анкету; 2) заявление на имя ответственного редактора (оригинал или факсимильную копию); 3) выписку из протокола заседания кафедры (отдела, сектора), где выполнялась работа (оригинал или факсимильную копию); 4) текст статьи в электронном виде; 5) квитанцию о полугодовой подписке (оригинал или факсимильную копию); 6) внешнюю рецензию (отзыв) (оригинал или факсимильную копию).

По вопросам публикации следует обращаться в Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»: статья регистрируется автором в Отделе, после чего проходит внутреннее рецензирование и при положительной рецензии и наличии необходимых документов принимается к публикации.

В случае положительного решения вопроса о публикации, автор, предоставивший свою статью в определённую серию «Вестника МГОУ», выражает согласие на размещение полного текста статьи в сети Интернет на официальных сайтах журнала «Вестник Московского государственного областного университета» (www.vestnik.mgou.ru) и Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) (См.: ст. 1286 и 1238 Гражданского Кодекса Российской Федерации). Одновременно автор даёт согласие на доступ своих персональных данных неограниченному кругу лиц.

Подробная информация об оформлении статей и условиях их публикации размещена на сайте журнала (<http://vestnik.mgou.ru>), пункт «Информация для авторов».

По финансовым и организационным вопросам публикации статей
обращаться в Отдел по изданию журнала «Вестник МГОУ» к Турковой Людмиле Валентиновне
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98;
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31;
e-mail: vest_mgou@mail.ru